

НИМБЪ И ЛУЧЕЗАРНЫЙ ВЪНЕЦЪ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ДРЕВНЯГО ИСКУССТВА.

Л. Стефани.

СЪ ПЯТІЮ ЛИСТАМИ РИСУНКОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ IV^{МУ} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1863.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Н. Базунова, въ Москвѣ.

Эфендѣянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цена: 1 р. 20 к.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, 5 Октября 1863 г.**

Непремѣнный Секретарь Академикъ К. Весселовскій.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

НИМБЪ И ЛУЧЕЗАРНЫЙ ВЪНЕЦЪ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ДРЕВНЯГО ИСКУССТВА.

Л. СТЕФАНИ.

Многочисленные памятники древняго искусства представляютъ намъ изображенія боговъ, у которыхъ или голова, или все тѣло окружено сіяніемъ. Это сіяніе, смотря по тому, состоитъ ли оно изъ отдѣльныхъ лучей, или нѣтъ, называется обыкновенно или лучезарнымъ вѣнцемъ, или нимбомъ. Эту принадлежность памятниковъ древняго искусства ученые многократно пытались объяснить, не достигнувъ впрочемъ, по собственному ихъ сознанію, окончательнаго рѣшенія всѣхъ трудностей. Еще очень недавно раздавались голоса людей съ большимъ авторитетомъ, что нимбъ возникъ изъ *μηνίσκος*, которымъ покрывались головы статуй; теперь это мнѣніе, мало свидѣтельствующее о тонкости вкуса, не имѣетъ уже защитниковъ. Но большинствомъ ученыхъ нимбъ и лучезарный вѣнецъ, кажется, и теперь еще признаются за отличительную принадлежность тѣхъ боговъ, которые были представителями небесныхъ свѣтилъ: послѣдователи этого мнѣнія расходятся только въ способахъ, которыми стараются примирить факты, противорѣчащіе ихъ мнѣнію. Одни изъ нихъ совершенно умалчиваютъ о такихъ фактахъ, когда имъ нужно вывести заключеніе, которое можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если нимбъ и лучезарный вѣнецъ дѣйствительно указываютъ на отношеніе божества къ небеснымъ свѣтиламъ. Другіе поступаютъ прямодушно, утверждая, что нимбъ и лучезарный вѣнецъ имѣли такое значеніе только сначала, а въ послѣдствіи, именно въ чет-

вертомъ и пятомъ столѣтіяхъ по Р. Х., когда готовились древнѣйшія, до насъ дошедшія миньятюры для манускриптовъ, они были перенесены и на другихъ боговъ и героев¹⁾. Но какимъ образомъ принадлежности, выразившія исключительно звѣздное сіяніе, могли быть постепенно перенесены на божества, которыя никогда не были представителями небесныхъ свѣтилъ? Чтобы показать, какъ подобными объясненіями дѣло запутывается и представляется въ ложномъ свѣтѣ, мы приведемъ одинъ фактъ, умалчивая о многихъ другихъ: когда древніе художники въ первый разъ стали изображать боговъ, то употребляли нимбъ и лучезарный вѣнецъ безъ разбора, какъ для представленія боговъ, въ которыхъ олицетворялись небесныя свѣтила, такъ и для тѣхъ божествъ, которыя никогда не имѣли подобнаго значенія, каковы: Фурія, Протей, Ѳетида и проч.

Есть наконецъ ученые, которые, считая все возможнымъ, не затрудняются употреблять еще иной оборотъ: они готовы видѣть боговъ солнца и луны во всѣхъ изображеніяхъ съ нимбомъ или лучезарнымъ вѣнцемъ, хотя бы дѣло шло о существахъ, значеніе которыхъ намъ совершенно извѣстно, и въ которыхъ народное воображеніе, какъ мы навѣрное знаемъ, никогда не олицетворяло солнца или луны. Показывать несостоятельность такихъ объясненій, мы думаемъ, не стоитъ труда; но нельзя скрыть того, что и очень осторожные и добросовѣстные изслѣдователи древняго искусства, вовсе не думающіе идти тѣмъ-же самымъ путемъ, иной разъ, встрѣчая изображеніе божества съ нимбомъ или лучезарнымъ вѣнцемъ, и не зная его первоначальнаго значенія, не затрудняются заключать, что божество это въ самомъ началѣ означало солнце или луну; или, встрѣчая вовсе непонятное изображеніе божества съ нимбомъ или лучезарнымъ вѣнцемъ, считаютъ достовѣрнымъ по крайней мѣрѣ то, что это было звѣздное божество. Но если можно дѣ-

1) Особенно подробно старался доказать это о нимбѣ Шульцъ (въ Bull. dell' Inst. arch. 1841, стр. 102—105). Такъ какъ послѣ намъ придется не разъ возвратиться къ этому сочиненію, то я считаю нужнымъ сейчасъ-же упомянуть, что вообще у него въ указаніяхъ на факты допущена удивительная сбивчивость и неточность, такъ что полагаться можно только на тѣ изъ нихъ, которыя подтверждаются съ другихъ сторонъ.

латъ такіа заключенія, то нельзя отказаться и отъ вышеуказанной крайности легкомысленнаго способа объясненія. Одно связано съ другимъ неразрывно.

Но на какомъ основаніи думаютъ, что нимбъ и лучезарный вѣнецъ были у древнихъ исключительными атрибутами божествъ, олицетворявшихъ небесныя свѣтила? Не смотря на то, что ученые съ большимъ упорствомъ держатся этого предположенія, и что объ этомъ предметѣ было писано очень много, мы напрасно стали бы искать какихъ либо положительныхъ указаній и доводовъ въ пользу этого мнѣнія. Оно прямо принадлежитъ къ числу напередъ - заготовленныхъ предположеній, съ которыхъ привыкли издавна начинать объясненіе и которыхъ держатся потому только, что они когда-то были приняты — держатся вопреки постепенному приращенію противорѣчащихъ фактовъ, и допуская натяжки, какія во всякомъ другомъ случаѣ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ были бы признаны непозволительными. Истина откроется сама собою, если мы представимъ въ общемъ очеркѣ все, что говорятъ древніе писатели и памятники искусствъ относительно этого предмета.

Припомнимъ прежде всего, что древніе, представляя боговъ въ человѣческомъ образѣ, не только старались возводить на самую высшую степень физическія и нравственныя свойства человѣка, но придавали имъ, по аналогіи нѣкоторыхъ явленій чувственнаго міра, и нѣчто невозможное для человѣка, напр. хожденіе по воздуху и т. п. Такимъ образомъ, съ одной стороны, они считали высокую степень красоты физической совершенно сообразною въ величіемъ и достоинствомъ боговъ, съ другой — они предполагали, что тѣло cadaго изъ нихъ непременно окружено ослѣпительнымъ блескомъ, совершенно чуждымъ человѣческой природѣ. Въ этомъ-то блескѣ и заключалось, по ихъ мнѣнію, существенное отличіе божеской природы отъ человѣческой.

Можетъ быть, что на эту мысль наводило древнихъ и то обстоятельство, что они считали эфиръ, т. е. высшій воздухъ, находящійся надъ атмосферою¹⁾, обыкновеннымъ мѣстопробы-

1) Cic. De natura Deor. II, 40: *Restat ultimus et a domiciliis nostris altissimus*

ваніемъ боговъ. Этотъ эфиръ, по всеобщему мнѣнію древнихъ, былъ огненный и свѣтло-блестящій¹⁾; и хотя онъ составлялъ собственно принадлежность Юпитера²⁾, все-же, Олимпъ³⁾, мѣстопробываніе всѣхъ боговъ⁴⁾, наземныхъ и подземныхъ, воображеніе древнихъ представляло простирающимся въ эфирѣ⁵⁾, такъ что это слово, какъ собирательное имя, въ позднѣйшія времена употреблялось въ значеніи божественнаго міроуправленія⁶⁾.

Но какъ бы то ни было, древніе, съ самыхъ раннихъ временъ и до позднѣйшихъ, были твердо убѣждены въ томъ, что

omnia cingens et coercens coeli complexus, qui idem aether vocatur, extrema ora et determinatio mundi.

1) Aristoph.: Nubes 285.

ἄμμα γὰρ αἰθέρος ἀκάματον σέλαγιται
μαρμαρέαις ἐν αὐγαῖς.

Lucret.: De nat. rer. V. 499:

Inde mare, inde aër, inde aether ignifer ipse.

Cic.: de nat. Deor. II, 36. *Hunc rursus amplectitur immensus aether, qui constat ex altissimis ignibus.* Ib. 45. *Quem complexa summa pars coeli, qui aether dicitur et suum retinet ardorem tenuem et nulla admixtione concretum et cum aëris extremitate conjungitur.*

Steph. Byzant. Αἰθήρ, ὃ ὑπὲρ τὸν αἶρα πετυρωμένος τόπος.

Cornut.: De nat. Deor. 20. Κορυφή δὲ θεῶν, κατὰ τὸν Εὐριπίδην, ὃ περὶ χθονὶ ἔχων φαεινὸς αἰθήρ.

2) Aristoph.: Thesmoph. 272.

ᾄμνυμι τάλινον αἰθέρ' ὀλκῆσιν Δίος.

Aristoph.: Ran. 100.

Αἰθέρα Διὸς δωμάτων.

Virgil. Aen. XII, 140.

*hunc illi rex aetheris altus honorem
Juppiter erepta pro virginitate sacravit.*

Cic. de nat. Deor. I, 15. *Idemque (Chrysippus) disputat aethera esse eum, quem homines Jovem appellarent.* Ib. II, 2. *Quod ni ita esset, qui potuisset assensu omnium dicere Ennius:*

Aspice hoc sublime candens, quem invocant omnes Jovem.

3) Hom.: Il. XV, 192.

Ζεὺς δ' ἔλαχ' οὐρανὸν εὐρὺν ἐν αἰθέρι καὶ νεφέλῃσιν,
γαῖα δ' ἔτι ξυνὴ πάντων, καὶ μακρὸς Ὀλύμπος.

4) Martial: Epigr. IX, 3, 3.

Grandis in aethereo licet auctio fiat Olympo.

5) Claudian: De VI. Cons. Hon. 352.

*sed providus aether
noluit humano titulos auferre labori.*

Claudian: Rapt. Proserp. III, 201.

Phlegra nobis infensor aether.

Сравни также пятый Орфическій гимнъ.

тѣла всѣхъ боговъ, если они намѣренно не стараются скрыть свою божественную природу, окружены сверхъестественнымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Одно изъ древнѣйшихъ и яснѣйшихъ указаній объ этомъ предметѣ находится въ гимнѣ Гомера къ Димитрѣ (стих. 188), гдѣ объ этой богинѣ говорится:

ἡ δ' ἄρ' ἐπ' οὐδὸν ἔβη ποσί, καὶ ῥα μελάϊρου
κῦρε κάρη, πλῆσεν δὲ θυράς σέλαος θείοιο.

Никому не придетъ въ голову сдѣлать Димитру божествомъ свѣта. Кромѣ того поэтъ, прибавляя слово θεῖον, весьма ясно обозначаетъ, что свѣтъ, о которомъ онъ говоритъ, есть нѣчто такое, что принадлежитъ всѣмъ богамъ вообще, а не одному какому нибудь классу божествъ, въ слѣдствіе ихъ особенной природы.

Точно также нѣтъ никакой двусмысленности въ томъ вопросѣ, который у Эврипида (Ion, 1549 и слѣд. ed. Nauck) дѣлаетъ Ionъ.

ἔα· τίς οἴκων θυοδόκων ὑπερτελῆς
ἀντὴλίον πρόσωπον ἐκφαίνει θεῶν;

Божество, о которомъ онъ говоритъ, есть Аѳина. Но форма вопроса достаточно показываетъ, что свѣтъ, подобный солнечному, озаряющій лицо, принадлежитъ божеству. Изъ этого вопроса нельзя вывести заключенія ни о природѣ божества, ни о его имени.

У Виргилія (Aen. II, 588 и сл.), Эней говоритъ о Венерѣ:

*Talia jactabam et furiata mente ferebar,
Quum mihi se, non ante oculis tam clara, videndam
Obtulit, et pura per noctem in luce refulsit
Alma parens, confessa deam, qualisque videri
Coelicolis et quanta solet.*

Сервій, дѣлая примѣчанія къ этому мѣсту, говоритъ: «*In luce; in nimbo, qui cum numinibus semper est*». Для насъ особенно важно то, что Виргилій прибавилъ еще слова: *confessa deam* и такимъ образомъ ясно показалъ, что Венера этимъ сверхъестественнымъ свѣтомъ дала о себѣ знать, что она божество, а не то, что она Венера. Слѣд. изъ его словъ можно вывести заключеніе, что этотъ свѣтъ составлялъ нѣкоторымъ образомъ существенную принадлежность всѣхъ боговъ.

Вскорѣ послѣ этого у того-же самаго писателя (Аен. II, 615 и сл.) мы находимъ слѣдующія слова:

*Jam summas arcis Tritonia, respice, Pallas
Insedit, nimbo effulgens et Gorgone saeva,*

Сервій дѣлаетъ такое примѣчаніе къ этому мѣсту: «*Nimbo effulgens; nube divina. Est enim fulgidum lumen, quo deorum capita cinguntur; sic etiam pingi solet*». Тѣмъ страннѣе кажется примѣчаніе Гейне къ этому-же мѣсту: «*Nimbus, qui de obscura fere vel atra nube dicitur, h. l. de candida et lucida nube accipiens esse videtur*»; а далѣе сейчасъ же прибавляетъ: «*De nimbo capita deorum ambiente in poeta nostro cogitare non licet*». Что же такое «*nimbus capita deorum ambiens*» какъ не «*candida et lucida nubes?*» Что же такое должно значить это второе примѣчаніе? Хотѣлъ ли Гейне этимъ сказать, что даже со временъ Виргилія существовало мнѣніе, что этотъ облакоподобный свѣтъ окружалъ не только головы боговъ, но и все ихъ тѣло? Многочисленные примѣры свидѣлствуютъ противное. Или, быть можетъ, это — только грамматическое замѣчаніе, и Гейне этими словами хотѣлъ только сказать, что слово «*nimbus*» въ смыслѣ лучезарнаго сіянія, окружающаго боговъ, во времена Виргилія употреблялось тогда, когда представляли, что оно окружаетъ все тѣло, а не головы только боговъ? Какъ бы то ни было, только эта попытка насиловать смыслъ словъ автора послужила для позднѣйшихъ комментаторовъ не только примѣромъ для подражанія, но они наперерывъ вносили ее въ свои примѣчанія къ Виргилію. Фрейндъ въ своемъ лексиконѣ совершенно вѣрно понялъ это мѣсто.

Въ другомъ мѣстѣ Виргилій (Аен. V, 835 и сл.) говорить:

*Jamque fere mediam coeli nox humida metam
Contigerat; placida laxarant membra quiete
Sub remis fusi per dura sedilia nautae,
Quum levis aetheriis delapsus Somnus ab astris
Aëra dimovit tenebrosam et dispulit umbras,
Te, Palinure, petens, tibi somnia tristia portans
Insonti.*

Сервій совершенно справедливо на это замѣчаетъ: «*Dispulit*

umbras; nam semper deos ambit nimbus». Кому же придется въ голову бога сна принимать за божество свѣта?

Особенно интересно одно мѣсто у Юлія Валерія¹⁾; такъ какъ оно очень немногимъ извѣстно, то мы, не смотря на длину, приведемъ его здѣсь въ томъ видѣ, какъ передалъ его Маи: «*Ubi igitur ad id loci Alexander venit, quas Candaules ei Deorum domus esse confessus est, et sperat posse illic sibi cum Diis immortalibus verba ex praesentium copia opinari; sacrificatus ibidem convivatusque adhibet etiam ex comitibus quam paucissimos. Interea intervenire quasdam effigies videt tenui quidem, sed corusco sub lumine, ut si conventu nebuloso vera primum occurrentium confundantur; tum etiam circumсистентia tecta undique consplendescere; et cum his una crescit turba formarum et murmur praesentium usurpatur et fit prorsus unum Diis hominibusque convivium. Hic cum animo confusus reverentia debita Alexander trepidaret (quippe intuenti videri jam clarius erat flammam quasdam ex oculis Deorum discumbentium promicantes, prodique effigies quas haud dubie divinas esse vel brutissimus sentiat), unus ergo tandem ex his: Hae, inquit, Alexander mi Tum audacior rex ingressus sacri loci paenita, majestatis effigiem videt et fulgore aetherei nitentem. Enimvero sedentarium talemque prorsus, qualem apud Rhacotin adoratum a sese summum Deum praesidem Serapim meminisset*».

У Валерія Флакка (Argon. V, 183) мы находимъ слѣдующія слова:

*Simul aethere plena corusco
Pallas et alipedum Juno juga sistit equorum.*

Но Сервій, помня объ этомъ вѣрованіи древнихъ, повторяетъ его и тамъ, гдѣ Virgilій о немъ не упоминаетъ. Такимъ образомъ онъ говоритъ: «*Nunc theologicam rationem sequitur, quae asserit flammam quos cernimus tractus, nimbum esse descendens nuntius*» (на Aen. II, 694); въ другомъ мѣстѣ: *Proprie nimbus est, qui deorum vel imperantium capita quasi clara nebula ambire fingitur*» (на Aen. III, 585); въ

1) Res gestae Alexandri Macedonis ,III, 66 — 68.

третьемъ мѣстѣ: «*Quod nisi esset, splendorem acciperemus, qui est circa corpus deorum*» (на Аен. X, 634).

Наконецъ здѣсь можно привести слова Исидора (Orig. XIX, 31, 2), хотя онъ говоритъ только о перенесеніи нимба на христіанскія изображенія: «*Nimbus est fasciola transversa ex auro assuta in linteo, quod est in fronte feminarum. Plautus:*

Quo magis eam aspicio, tam magis nimbata est.

Nam et lumen, quod circa angelorum capita pingitur, nimbus vocatur, licet et nimbus sit densitas nubis.

Гораздо больше можно найти у писателей такихъ мѣстъ, которыя указываютъ на это вѣрованіе древнихъ, не высказывая его такъ опредѣленно, какъ вышеприведенныя мѣста. Одно изъ интереснѣйшихъ указаній этого рода находится въ Гимнѣ Гомера къ Афродитѣ (стих. 173 и слѣд.):

Ἑσσαμένη δ' εὖ πάντα περὶ χροὶ διὰ θεῶν
ἔσθη παρ' κλισίῃ· εὐποιήτου δὲ μελάθρου
κύρε κάρη· κάλλος δὲ παρειῶν ἀπέλαμπεν
ἄμβροτον, οἷόν τ' ἐστὶν εὖστεφάνου Κυthereΐης·
ἐξ ὕπνου δ' ἀνέγειρεν, ἔπος τ' ἔφατ', ἔκ τ' ὀνόμαζεν.

Ὅρσο, Δαρδανίδη· τί νυ νήγερτον ὕπνον λαύεις;
καὶ φράσαι, εἴ τι ὁμοίῃ ἐγὼν ἰνδάλλομαι εἶναι,
οἷην δὴ με τὸ πρῶτον ἐν ὀφθαλμοῖσι νόησας.

Ὡς φάσ'· ὁ δ' ἐξ ὕπνοιο μάλ' ἐμπαπέως ὑπάκουσεν·
ὥς δὲ ἶδεν δειρὴν τε καὶ ὄμματα καλ' Ἀφροδίτης,
τάρβησέν τε καὶ ὅσσε παρακλιδὸν ἔτραπεν ἄλλῃ·
ἄψ δ' αὖτις χλαίνῃ τ' ἐκαλύψατο καλὰ πρόσωπα,
καί μιν λισσόμενος ἔπεα πτερόεντα προσηύδα.

Анхизъ только потому скоро опять отвелъ свои взоры отъ богини, что на этотъ разъ она явилась ему въ неуменьшенномъ, совершенномъ божественномъ свѣтѣ, созерцать который, по мнѣнію древнихъ, для всякаго смертнаго было пагубно. Поэтому-то у Эврипида Іонъ къ вышеприведеннымъ словамъ тотчасъ прибавляетъ:

φεύγωμεν, ὦ τεκοῦσα, μὴ τὰ δαιμόνων
ὀρώμεν, εἰ μὴ καιρός ἐστ' ἡμᾶς ὀράν.

Поэтому боги имѣли обыкновеніе, какъ это мы видимъ изъ многочисленныхъ мѣстъ у древнихъ писателей, начиная съ Гомера, покрываться облакомъ или перемѣнять свой собственный видъ на другой, когда хотѣли предстать глазамъ смертныхъ. Такимъ образомъ Виргилій, въ одномъ изъ вышеприведенныхъ мѣстъ, прибавкою словъ:

*qualisque videri
Coelicölis et quanta solet,*

указываетъ на это обстоятельство въ особенности потому, что здѣсь Венера являлась Энею въ своемъ естественномъ, насколько неуменьшенномъ блескѣ. Въ такомъ-же смыслѣ говорить Гомеръ (II. XX, 131):

χαλεποί δὲ θεοὶ φαίνεσθαι ἐναργεῖς,

и въ другомъ мѣстѣ (Od. XVI, 161):

οὐ γὰρ πῶ πάντεσσι θεοὶ φαίνονται ἐναργεῖς.

Изъ этого общаго представленія, безъ сомнѣнія, произошло ближайшимъ образомъ сказаніе о Семелѣ, хотя до насъ дошедшія слова древнихъ говорятъ собственно о громахъ и молніяхъ Юпитера; то обстоятельство, что боги, желая различнымъ образомъ избѣжать взора смертныхъ, часто узнавались по неестественному блеску глазъ¹⁾; объясняется тѣмъ, что блескъ этотъ, исходящій изъ тѣла, именно изъ головы, менѣе всего могъ быть скрытъ въ глазахъ. Если мы сличимъ съ только-что приведенными словами Гомерова гимна къ Афродитѣ:

κάλλος δὲ παρείδων ἀπέλαμπεν
ἄμβροτον,

и съ вышеприведенными словами Виргилія, которыя относятся къ той же богинѣ:

1) Hom.: II. I, 199.

αὐτίκα δ' ἔγνω

Παλλάδ' Ἀθηναίην δεινὰ δέ οἱ ἔσσε φαίνεν.

Hom.: II. III, 396.

καὶ δ' ὥς οὖν ἐνόησε θεᾶς περικαλλέα δειρὴν,
στήθεά τ' ἱμερόεντα καὶ ὄμματα μαρμαίροντα.

Virg. Aen. V, 647.

*Divini signa decoris
Ardentisque notate oculos.*

pura per noctem refulsit,

то, что Виргилій-же въ другомъ мѣстѣ (Aen. I, 402) говорить объ Афродитѣ:

et avertens rosea cervice refulsit;

и то, что Гомеръ (Iliad. XIV, 183. Ср. Od. XVIII, 298) говорить о подвѣскахъ Геры:

χάρις δ' ἀπελάμπετο πολλή,

и о ея покрывалѣ (Iliad. XIV, 185. Ср. II. VI, 295. Od. XV, 108):

λευκὸν δ' ἦν, ἥελιος ὥς,

и другія этимъ подобныя выраженія, то увидимъ, что здѣсь дѣло идетъ не просто о поэтическихъ оборотахъ и выраженіяхъ, а о томъ свѣтѣ-естественномъ блескѣ, который, по понятіямъ древнихъ, оздѣялъ тѣло, украшенія, оружіе и одежду боговъ.

Безъ сомнѣнія остаются нѣкоторыя другія мѣста, съ которыми не такъ легко сладить, или отъ которыхъ надобно отказать, не смотря на то, что они толкователями принимаются въ этомъ смыслѣ. Прежде всего въ этомъ случаѣ надобно назвать извѣстное мѣсто изъ Горация (Od. I, 2, 30):

Tandem venias, precamur,

Nube candentes humeros amictus

Augur Apollo.

Объясняя это мѣсто, обыкновенно говорятъ, что поэтъ проситъ Аполлона низойти на землю въ темномъ облакѣ, для того, чтобы созерцаніе божества въ его полномъ величіи не было вредно для взора смертныхъ ¹⁾. Такая предусмотрительность со стороны поэта, признаюсь, мнѣ кажется нѣсколько странною и тѣмъ болѣе невѣроятною, что она не соблюдена при обращеніи къ другимъ богамъ, которые называются вслѣдъ за Аполлономъ. Это скорѣе выраженіе, обрисовывающее величіе божества, если подъ словомъ *nubes* понимать не темное облако, покрывающее бога, но подобный облаку блескъ, составляющій исключи-

1) Выраженіе: *mutata figura*, сказанное (ст. 41) о Меркуріи, очевидно имѣетъ не такой смыслъ, а имѣетъ цѣлію польстить Августу, отождествляя этого императора съ Меркуріемъ.

тельную принадлежность божества. Подобное же затрудненіе встрѣчается при объясненіи одного мѣста изъ Виргилія (Aen. IX, 107 и слѣд.):

*Ergo aderat promissa dies, et tempora Parcae
Debita complebant, quum Turni injuria Matrem
Admonuit ratibus sacris depellere taedas.
Hic primum nova lux oculis offulsit, et ingens
Visus ab Aurora coelum transcurrere nimbus,
Idaeique chori.*

Сервій дѣлаетъ здѣсь такое замѣчаніе: *Nova lux; hoc est repentina, i. e. nimbus deorum, quod ipse paulo post dicit; и Nimbus; lumen, quod capita deorum ambit, ut saepe dixi.* При объясненіи этого мѣста, Гейне не соглашается съ этимъ замѣчаніемъ, не смотря на то, что самъ-же допускаетъ такое пониманіе дѣла въ другомъ мѣстѣ. Мы напротивъ сомнѣваемся, чтобы слова того же поэта (Aen. IV, 358):

*Ipse deum manifesto in lumine vidi
Intrantem muros,*

относились къ неестественному блеску божественнаго тѣла. Непосредственно предъ этимъ, Эней разсказалъ, что ему во мракѣ ночи во свѣѣ явился Анхизъ; здѣсь поэтому онъ ничего другаго не хочетъ сказать, какъ только то, что онъ самъ видѣлъ Меркурія при полномъ дневномъ свѣтѣ. Кажется, и Сервій такъ понимаетъ эти слова, говоря: *lumine; non in tenebris, non per quietem и: manifesto in lumine; aut claro aut in nimbo, cujus majus est lumen.* Гейне однако, въ тринадцатомъ Экскурсу къ первой книгѣ Энеиды, приводитъ это мѣсто въ доказательство того, что боги были окружены особеннымъ сіяніемъ свѣта. Также въ другомъ мѣстѣ Виргилія (Aen. III, 148 и слѣд.):

Phrygiique Penates

*Quos tecum a Troja, mediisque ex ignibus urbis
Extuleram, visi ante oculos adstare jacentis
In somnis, multo manifesti lumine, qua se
Plena per insertas fundebat luna fenestras,*

кажется, вовсе дѣло идетъ не о свѣтѣ, исходящемъ отъ Пена-

товъ, хотя Сервій здѣсь замѣчаетъ: *multo lumine; cum nimbo suo, qui circa deos solet videri.*

Какъ бы однако ни толковали подобныя мѣста, послѣ всего сказаннаго остается несомнѣннымъ, что, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до самыхъ позднѣйшихъ, существеннымъ свойствомъ всякаго божественнаго тѣла считалось то, что оно было окружено неестественнымъ, ослѣпительнымъ блескомъ; слѣдовательно, этотъ блескъ никоимъ образомъ не могъ быть исключительнымъ атрибутомъ какого-нибудь особеннаго класса божествъ. Послѣ всего этого, какъ могли бы художники, даже на минуту, представить существенное свойство божества вообще, вопреки народному представленію, исключительнымъ свойствомъ звѣздныхъ божествъ? Они этого никогда не дѣлали: это ясно изъ того, что съ тѣхъ поръ, какъ начали обозначать посредствомъ нимба, лучезарнаго вѣнца и лучезарнаго круга, свѣтъ, окружающій боговъ, они дѣлали это при изображеніи какъ звѣздныхъ божествъ, такъ и незвѣздныхъ. Такимъ образомъ, экзегетика въ этихъ атрибутахъ не должна видѣть ничего другаго, кромѣ указанія на сіяніе, свойственное божественной природѣ вообще; если же, кромѣ того, еще особенное свойство изображаемаго божества заставляетъ придавать особенный вѣсъ этому сіянію, то, конечно, экзегетика не должна упускать изъ виду и этого обстоятельства. При изображеніи звѣздныхъ божествъ, поводъ къ особенному обозначенію свѣта находится въ блескѣ небесныхъ свѣтилъ, которыхъ они представители; при изображеніи другихъ божествъ, этотъ поводъ можетъ находиться въ чемъ-нибудь другомъ; при изображеніи третьихъ — этого повода вовсе нѣтъ. Какъ же можно заключать о какомъ-нибудь божествѣ, что оно первоначально было звѣздное, потому только, что художнику вздумалось одинъ, или два раза изобразить его съ нимбомъ, или лучезарнымъ вѣнцомъ, когда нѣтъ на то другихъ, болѣе опредѣленныхъ указаній? По какому праву неизвѣстное изображеніе мы отнесемъ къ звѣзднымъ божествамъ, не имѣя рѣшительно никакого основанія, кромѣ того, что художнику вздумалось снабдить его нимбомъ, или лучезарнымъ вѣнцомъ? Между тѣмъ такой способъ объясненія во всеобщемъ употребленіи между нынѣшними изслѣдователями древняго искусства и

очень одобряется современною экзегетикою. Въ нимбѣ и лучезарномъ вѣнцѣ изображеннаго божества никакимъ образомъ нельзя видѣть указанія на отношеніе его къ небесному свѣтилу даже и въ томъ случаѣ, если первоначальное его значеніе было звѣздное, но въ то время, къ которому относится произведеніе искусства, уже исчезло въ народномъ представленіи, или, если звѣздное значеніе изображенному божеству было придано въ позднѣйшее время вслѣдствіе какихъ-нибудь философическихъ и миеологическихъ соображеній, а самый памятникъ возникъ очевидно изъ другаго круга представленій. Между тѣмъ такой способъ объясненія, какъ извѣстно, въ большомъ ходу у современныхъ изслѣдователей памятниковъ древняго искусства.

Не должно казаться страннымъ, что древніе, въ произведеніяхъ искусства, сообщали это сіяніе и нѣкоторымъ божественнымъ животнымъ; но необходимо оно должно было нѣсколько перейти и на героевъ. По всей своей природѣ, они составляютъ нѣчто среднее между людьми и богами, будучи выше первыхъ и уступая послѣднимъ въ силѣ и достоинствѣ; эта средина, которую занимаютъ герои по своимъ физическимъ и душевнымъ качествамъ, всего разительнѣе высказывается у Гомера. Марсъ (Π. V, 860) и Нептунъ (Π. XIV, 148) кричатъ у него, какъ десять тысячъ человѣкъ, а Стенторъ (Π. V, 786) кричитъ только, какъ пятьдесятъ. Такимъ-же образомъ у героевъ очень часто встрѣчается и сверхъ-естественный блескъ, подобный божественному; только этотъ блескъ не бываетъ, какъ у боговъ, ихъ постояннымъ, необходимымъ спутникомъ. Онъ окружаетъ ихъ только на короткое время и сообщается имъ различнымъ образомъ отъ боговъ, или развивается изъ ихъ оружія въ тѣ моменты, какъ они совершаютъ удивительные геройскіе подвиги. Явленія подобнаго рода упоминаются и описываются съ большою подробностію древними писателями, именно эпическими стихотворцами, такъ часто, что будетъ совершенно достаточно, если мы приведемъ здѣсь только нѣкоторыя, важнѣйшія мѣста.

Такъ у Гомера мы читаемъ о Діомедѣ (Π. V, 4 и слѣд.):

δαίε' οἱ ἐκ χόρουός τε καὶ ἀσπίδος ἀχάματον πῦρ,
ἀστέρ' ὁπωρινῷ ἐναλίγκιον, ὅτε μάστιγα

λαμπρὸν παμφαίνησι, λελουμένος Ὠκεανοῖο·
τοῖόν οἱ πῦρ δαῖεν ἀπὸ κρατός τε καὶ ὤμων.

Тотъ-же поэтъ говоритъ объ Аχιλλεῦς (Π. XVIII, 203 и слѣд.):

αὐτὰρ Ἀχιλλεὺς ὦρτο Διὶ φίλος· ἀμφὶ δ' Ἀθήνη
ὤμοις ἰφθίμοισι βάλ' αἰγίδα θυσσανέεσσαν·
ἀμφὶ δέ οἱ κεφαλῇ νέφος ἔστεφε διὰ θείων
χρύσειον, ἐκ δ' αὐτοῦ δαῖε φλόγα παμφανώσαν.
ὥς δ' ὅτε καπνὸς ἰὼν ἐξ ἄστεος αἰθέρ' ἵκηται,
τηλόθεν ἐκ νήσου, τὴν δῆϊο ἀμφιμάχονται,
οἷτε πανημέριοι στυγερῶ κρίνονται Ἄρηϊ
ἄστεος ἐκ σφετέρου· ἅμα δ' ἠελίῳ καταδύντι
πυρσοὶ τε φλεγέζουσιν ἐπήττιμοι, ὑψόσε δ' αὐγὴ
γίγνεται αἴσουσα, περικτιόνεσσιν ἰδέσθαι,
αἶ κέν πως σὺν νηυσὶν ἀρῆς ἀλκτῆρες ἱκωνται·
ὥς ἀπ' Ἀχιλλῆος καφαλῆς σέλας αἰθέρ' ἱκανεν.

.....
ἦνίοχοι δ' ἐκπλήγεν, ἐπεὶ ἶδον ἀκάματον πῦρ
δεινὸν ὑπὲρ κεφαλῆς μεγαθύμου Πηλεΐωνος
δαΐομενον· τὸ δὲ δαῖε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη.

Въ другомъ мѣстѣ (Π. XIX, 372 и слѣд.), Гомеръ говоритъ
о томъ-же героѣ:

ἀμφὶ δ' ἄρ' ὤμοισιν βάλετο ξίφος ἀργυρόηλον,
χάλκεον· αὐτὰρ ἔπειτα σάκος μέγα τε στιβαρόν τε
εἴλετο, τοῦ δ' ἀπάνευθε σέλας γένετ', ἥν τε μήνης.
ὥς δ' ὅτ' ἂν ἐκ πόντοιο σέλας ναύτησι φανήῃ
καιομένοιο πυρός· τὸ δὲ καίεται ὑψόθ' ὄρεσφιν,
σταδμῶ ἐν οἰοπόλῳ· τοὺς δ' οὐκ ἐξέλοντας ἄελλαι
πόντον ἐπ' ἐχθυόοντα φίλων ἀπάνευθε φέρουσιν·
ὥς ἀπ' Ἀχιλλῆος σάκεος σέλας αἰθέρ' ἱκανεν
καλοῦ, δαιδαλέου· περὶ δὲ τρυφάλειαν αἰείρας
κρατὶ θέτο βριαρὴν· ἥ δ', ἀστὴρ ὥς, ἀπ' ἐλαμπεν
ἱππουρις τρυφάλεια· περισσεύοντο δ' εἴδεται
χρύσειαι, ἃς Ἥφαιστος ἔει λόφον ἀμφὶ θαμειάς.

Въ третьемъ мѣстѣ (Π. XXII, 25 и слѣд.):

τὸν δ' ὁ γέρων Πρίαμος πρῶτος ἶδεν ὀφθαλμοῖσιν,
παμφαίνονθ', ὥστ' αἶστέρ', ἐπεσσύμενον πεδίῳ,

ὅς ῥά τ' ὁπώρας εἰσιν· ἀρίζηλοι δέ οἱ αὐγαὶ
φαίνονται πολλοῖσι μετ' ἄστρασι νυκτὸς ἀμολγῶ·
ὄντε κύν' Ὀρίωνος ἐπίκλησιν καλέουσιν·
λαμπρότατος μὲν ὄδ' ἐστί, κακὸν δέ τε σῆμα τέτυκται,
καὶ τε φέρει πολλὸν πυρετὸν δειλοῖσι βροτοῖσιν·
ὥς τοῦ χαλκὸς ἔλαμπε περὶ στήθεσσι θέοντος.

У Овидія (Fast. VI, 635 и слѣд.) слѣдующія слова относятся къ Сервію Туллію:

*Signa dedit genitor, tum cum caput igne corusco
Contigit, inque coma flammæus arsit apex.*

Совершенно подобное явлѣніе у Асканія, которое Виргиліи (Aen. II, 681 и слѣд.) рисуетъ слѣдующими чертами:

*Namque manus inter moestorumque ora parentum,
Ecce levis summo de vertice visus Iuli
Fundere lumen apex, tractuque innoxia molli
Lambere flammæ comas et circum tempora pasci,
Nos pavidi trepidare metu crinemque flagrantem
Excutare, et sanctos restinguere fontibus ignes.*

У того-же самаго поэта (Aen. VII, 71 и слѣд.) мы читаемъ о Лавиніи:

*Praeterea, castis adolet dum altaria taedis,
Ut juxta genitorem adstat Lavinia virgo,
Visa (nefas) longis comprehendere crinibus ignem,
Atque omnem ornatum flammæ crepitante cremari;
Regalisque accensa comas, accensa coronam,
Insignem gemmis: tum fumida lumine fulvo
Involvi ac totis Vulcanum spargere tectis.*

О Турнѣ онъ (Aen. VII, 783 и слѣд.) говорить:

*Ipse inter primos praestanti corpore Turnus
Vertitur arma tenens, et toto vertice supra est.
Cui triplici crinita juba galea alta Chimaeram
Sustinet, Aetnaeos efflantem faucibus ignis.
Tam magis illa fremens et tristibus effera flammis,
Quam magis effuso crudescunt sanguine pugnae.*

Къ Энею относятся слѣдующія слова Виргилія (Aen. X, 270 и слѣд.):

*Ardet apex capiti cristisque a vertice flamma
Funditur, et vastos umbo vomit aureus ignes,
Non secus ac liquida si quando nocte cometae
Sanguinei lugubre rubent, aut Sirius ardor.*

Положеніе героевъ относительно этого сверхъестественнаго сіянія въ особенности можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства: народное воображеніе представляло Фаэтона и сыномъ Геліоса, и ближайшимъ его родственникомъ; въ самомъ же дѣлѣ, онъ былъ герой, обязанный своимъ происхожденіемъ отдѣленію эпитета, принадлежавшаго прежде Геліосу. Не смотря на все это, тѣ лучи свѣта, которыми, по народному представленію, была окружена голова Геліоса, такъ мало были свойственны Фаэтону, что онъ, по словамъ Овидія ¹⁾ и Нонна ²⁾, принималъ ихъ только въ то время, когда управлялъ солнечною колесницею. Однако въ многочисленныхъ до насъ дошедшихъ памятникахъ древняго искусства, мы ни разу не видимъ Фаэтона съ сіяніемъ, даже и во время управленія солнечною колесницею.

Въ позднѣйшее время, когда болѣе и болѣе овладѣлалъ воображеніемъ обычай возводить въ боговъ и героевъ знатныхъ людей, именно государей, хотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть ихъ еще при жизни окруженными сверхъестественнымъ блескомъ въ извѣстныя минуты, или даже постоянно. Такъ Плутархъ (Vita Alex. 63) рассказываетъ объ Александрѣ Великомъ: *Τιναξαμένον δὲ τοῖς ὀπλοῖς ἔδοξαν οἱ βάρβαροι σέλας τι καὶ φάσμα πρὸ τοῦ σώματος φέρεσθαι, διὸ καὶ τὸ πρῶτον ἐφυγον καὶ διεσκαδάσθησαν.* Подоб-

1) Metam. II, 122 и слѣд.

*Tum pater ora sui sacro medicamine nati
Contigit et rapidae fecit patientia flammae,
Imposuitque comae radios, praesagaque luctus
Pectore sollicito repetens suspiria, dixit.*

2) Dionys. XXXVIII, 291 и слѣд.

*Ὡς εἰπὼν Φαέδοντος ἐπεστήριξε καρτὴν φ
χρυσεῖν τρυφάλειαν· ἔφ' ἧ μὲν ἔστεφε πυρσῷ,
ἐπατότερος ἀκτῖνας ἐπιπλοκάμοισιν ἐλίξας,
κυκλώσας στεφανηδὸν ἐπ' ἱεῦτι λευκάδα μίτρην.*

ное передаетъ намъ Геродіанъ ¹⁾ о Коммодѣ: Ὀφθαλμῶν τε γὰρ ἄρρηται καὶ πυρώδεις βολαί, κόμη τε φύσει ξαντὴ καὶ οὐλῃ, ὥς, εἰ ποτε φοιτῶν δι' ἡλίου, τοσοῦτον ἐκλάμπειν αὐτῷ πυροειδές τι ὥς τοὺς μὲν οἶεσθαι ῥίνημα χρυσοῦ προϊόντι ἐπιπάσσεσθαι, τοὺς δὲ ἐκδειάζειν, λέγοντας αἶγλην τινὰ οὐράνιον περὶ τὴν κεφαλὴν συγγεγενῆσθαι αὐτῷ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, можно безъ предубѣжденій разсматривать произведенія искусства. Собирая здѣсь мои замѣтки въ томъ видѣ, какъ дѣлалъ я ихъ для себя. Очень хорошо знаю, что онѣ не вполне изчерпываютъ матеріалъ; но онѣ достаточно оправдываютъ указанную нами точку зрѣнія, какъ единственно-возможную. О нѣкоторыхъ произведеніяхъ искусства умалчиваю съ намѣреніемъ: нимбъ или лучезарный вѣнецъ иной разъ являлись рѣшительно только въ воображеніи объяснителей, или остается въ высшей степени сомнительнымъ, былъ ли достаточно вѣрный слѣдъ нимба въ оригиналѣ.

Зевесъ.

1. Нимбъ на геркуланской стѣнной картинѣ. Pitt. d'Ercol. T. IV, стр. 5. Pirolì: Ant. d'Hercul. T. III, 14. Kaiser: Herculanum und Pompeji Th. II, 54. Ternite: Wandgemälde H. 6. Taf. 23. Mus. Borb. T. X. Tav. 23. Braun: Vorschule, Taf. 15. На двухъ послѣднихъ изображеніяхъ представленъ нимбъ, о которомъ Шульцъ (Bull. dell' Inst. arch. 1841. p. 104) говорить, что онъ бѣлый.

2. Голубой нимбъ на помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. VI. Tav. 52. Zahn: Die schönsten Ornamente, Th. II. Taf. 88. Kaiser: Herculanum und Pompeji Th. III. Taf. 52. Müller: Denkm. Th. II, 16. Braun: Vorschule, Taf. 11. Panofka: Commentar zu Pausanias Taf. 1, 8 ²⁾).

1) Histor. I, 7, 5. Впрочемъ на недоразумѣніи основано то, что Шульцъ говорить въ Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 104. *Dello splendore che circondava la testa d'Augusto, quando entrò nella città di Roma, parla Vellejo Lib. II, c. 57, 5.* Какъ надо понимать слова Велія II, 59, 6 (это мѣсто и разумѣется здѣсь), послѣ извѣстій другихъ писателей, приведенныхъ Критцемъ (Kritz), нельзя задуматься ни на минуту. Подобное сказаніе о Карлѣ Великомъ упоминаетъ Гриммъ: Deutsche Myth. стр. 300.

2) По Шульцу (Bull. dell' Inst. arch. 1841 стр. 103) Юпитеръ въ помпейскихъ картинахъ «*quasi sempre*» является съ нимбомъ.

3. Лучезарный вѣнецъ на римской стѣнной картинѣ, подлинность которой впрочемъ не довольно доказана. Gerhard: *Hyperb.-römisch. Studien* стр. 106. Memor. *Romane di antich.* T. III. Tav. 13. Wieseler: *Denkm. Th.* II, 391.

4. Нимбъ въ миланской рукописи Гомера. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 9. Inghirami: *Gall. Omer.* T. I. Tav. 38.

5. Нимбъ, тамъ же. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 10. Inghirami: *Gall. Omer.* T. I. Tav. 41.

6. Нимбъ, тамъ же. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 13.

7. Нимбъ, тамъ же. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 19. Inghirami: *Gall. Omer.* T. I. Tav. 72.

8. Нимбъ, тамъ же. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 21. Inghirami: *Gall. Omer.* T. I. Tav. 75.

9. Нимбъ, тамъ же. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 22. Inghirami: *Gall. Omer.* T. I. Tav. 77.

10. Нимбъ, тамъ же. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 23.

11. Нимбъ, тамъ же. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 39. Inghirami: *Gall. Omer.* T. II. Tav. 124.

12. Нимбъ, тамъ же. Mai: *Homeri pict. ant.* Tab. 58. Inghirami: *Gall. Omer.* T. II. Tav. 227.

13. Нимбъ въ ватиканской рукописи Виргилія, № 3867. Mai: *Virgilii pict. ant.* Tab. 66. Agincourt: *Denkmäler der Malerei.* Taf. 63.

14. Лучезарный вѣнецъ на лампѣ изъ терракотты неаполитанскаго собранія. *Antichità d'Ercolano*, Lucerne, стр. 5. Pirolì: *Ant. d'Hercol.* T. VI. Pl. 1, 1.

15. Лучезарный вѣнецъ на серебряной монетѣ греко-индійскаго царя Гермея: Wilson: *Ariana ant.* Pl. 5, 2. Lenormant: *Trésor de numism. Rois grecs*, Pl. 76, 6. Lassen: *Indische Alterthumskunde*, Th. II. стр. 337.

16. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ индо-скиѣскаго царя Спализриза. Wilson: *Ariana ant.* Pl. 8, 12. Lenormant: *Trésor de numism. Rois grecs*. Pl. 78, 4. Lassen: *Indische Alterthumskunde*, Th. II. стр. 394.

Достаточно извѣстно, что греческій Зевесъ, также какъ и римскій Юпитеръ, вообще почитался богомъ зѣира и происходящаго отъ него свѣта (см. выше, стр. 3—4). Древніе представ-

ляли, что звѣзды находятся въ зѣирѣ; однако Зевесъ, если только не смотрѣть на чисто астрономическія названія, отъ этого также мало былъ представителемъ какой-нибудь звѣзды, какъ Гей или Димитра — представительницею какой-нибудь части земли. Правда, во многихъ, часто-приводимыхъ мѣстахъ изъ древнихъ писателей, Зевесъ, мнимо или дѣйствительно, играетъ роль звѣзднаго божества, именно — бога солнца. Но это произошло или отъ того, что писатели именемъ своего высшаго бога обозначали главныя божества иноземцевъ ¹⁾, не обращая вниманія на ихъ индивидуальное значеніе, или вслѣдствіе философско-мифологическихъ умозрѣній отдѣльныхъ позднѣйшихъ писателей, которыя не имѣли никакого вліянія на общенародное вѣрованіе. Какъ мало опоры имѣли подобныя мечтанія въ народномъ воображеніи, въ особенности видно изъ доводовъ, къ которымъ прибѣгъ Макробій (Saturn. I, 13), видѣвшій во всемъ боговъ солнца и желавшій доказать, что и Юпитеръ былъ представителемъ этого свѣтила. Нимбъ и лучезарный вѣнецъ такимъ образомъ только въ такихъ изображеніяхъ Зевса могутъ быть

1) Кромѣ многихъ другихъ названій, сюда принадлежитъ Зевсъ Ἀστέριος въ Гортинѣ (Preller: Gr. Mythol. Th. II. стр. 80). Это не что иное, какъ греческое имя перенесеннаго туда изъ Финикии Вааль-Молоха. Послѣ того какъ въ Критѣ развилось служеніе эллинскому Зевсу и оттѣснило на второй планъ то древнѣйшее богопочитаніе, прежняго иноземнаго бога стали называть между прочимъ и именемъ своего высшаго божества, отличая впрочемъ отъ послѣдняго прибавкою Ἀστέριος, именно потому, что тотъ не былъ звѣзднымъ богомъ. Это почитаніе получило поясненіе очень стоящее вниманія, хотя донинѣ выпускаемое изъ виду, отъ одной достопримѣчательной бронзовой монеты помянутого города (Combe Num. Mus. Brit. Tab. 8, 12. Miopnet Suppl. T. IV. стр. 320, 162. Guignaut: Rel. de l'ant. Pl. 158 bis 620 *), на которой повторяется обыкновенная фигура вола и несомой имъ Европы. Но здѣсь эта группа, совершенно вопреки обычаю, какъ Геліосъ и его колесница на одной вазѣ вѣскаго собранія, о которой упоминаемъ ниже, окружена большимъ кругомъ лучей, который доселѣ принимали, какъ кажется, за обыкновенный на монетахъ ободокъ изъ перловъ, такъ какъ объ немъ при описаніи этой монеты вовсе и не упоминали. Но жемчужный ободокъ вокругъ фигуръ на монетахъ обыкновенно бываетъ безъ прибавленныхъ здѣсь, большихъ и ясныхъ лучей, и потому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь не украшеніе монеты, ничего не значащее, а рассчитанную прибавку для нагляднаго изображенія. Жители Гортины, продолжая непрерывно служеніе Зевсу Ἀστέριος, лучше другихъ Грековъ знали, что этотъ Зевсъ, въ видѣ вола принесшій къ нимъ Европу, есть не обыкновенный эллинскій Зевсъ, а ихъ Зевсъ Ἀστέριος, т. е. другими словами, финикійскій богъ солнца, Вааль-Молохъ, и потому на разсматриваемой монетѣ они окружили его лучами, которые мы видимъ еще вокругъ колесницы Геліоса.

объясняемы звѣзднымъ значеніемъ, въ которыхъ, кромѣ самаго свойства, мѣсто и время происхожденія достаточно указываютъ, что они возникли подъ влияніемъ котораго - нибудь изъ двухъ обозначенныхъ нами направлений. Но во всѣхъ произведеніяхъ искусства, которыя очевидно имѣли въ виду представить бога, какъ представлялъ его вообще греческій и римскій народъ, эти атрибуты относятся въ огненному сіянію и чистому свѣту зѣира ¹⁾).

Относительно картины подъ № 1, частности которой очевидно обозначаютъ преимущественно бога зѣира, въ этомъ едвали кто будетъ сомнѣваться. Зевесъ изъ облаковъ смотритъ внизъ на подвластный ему міръ, и непосредственно надъ нимъ возвышается дугою сводъ небесный ²⁾). Также должны

1) Блестящіе глаза (Иліад. XIII, 8. 7. XIV, 286. XVI, 645) приписываются ему, конечно, только какъ и всякому другому богу. См. выше, стр. 5, 8, 9).

2) Безъ лучей, какъ здѣсь, небесный сводъ встрѣчается и на другихъ стѣнныхъ картинахъ (Bartoli: *Vetera sepulcra* Tab. 5. Montfaucon: *Ant. Expl.* T. V. Pl. 6. Spence: *Polymetis* Pl. 27), также на вазѣ (Nouv. Ann. de l'Inst. arch. T. I, стр. 487. Pl. 10), въ Ватиканской рукописи *Виргилія* № 3867 (Mai: *Virg. Pict.* Tab. 18. 66) и можетъ-быть также на столбѣ Эееской Артемиды (Montfaucon: *Ant. Expl.* T. I, Pl. 96), если въ числѣ этихъ вещей есть что нибудь подлинное. Обыкновенно же небесному своду, по причинѣ его огненного существа, придавались лучи, какъ напр. на красивой вазѣ барона Лотцбека, на которой изображена гигантомахія (Bull. Napol. T. II. Tav. 6. Wieseler: *Denkm.* Th. II. № 843) и на одной, совершенно такой-же вазѣ неаполитанскаго собранія (Bull. Napol. Nuova Ser. T. I, стр. 142). И на извѣстной вазѣ съ изображеніемъ Зевса, въ видѣ орла, уносящаго на небо Талию (Tischbein: *Engravings* T. I. Pl. 26. Müller: *Denkm.* Th. II. № 47. Lenormant: *Elite céramogr.* T. I. Pl. 16. Panofka: *Zeus und Aëgina* Taf. 2. № 6. *Dissertaz. della Pontif. Accad. Rom.* T. III, стр. 391. Creuzer: *Symbol.* Th. III, 2. Taf. 1. Stephani: *Bull. hist.-phil.* T. XII. стр. 272 = *Mél. gréco-rom.* T. I. стр. 544) лучистый полукругъ, простирающійся надъ группой, означаетъ не солнце, какъ доселѣ думали, а огненный зѣиръ. Особенно яснымъ становится это, когда съ той картиной сравниваешь опускаемый доселѣ изъ виду рядъ позднѣйшихъ монетъ, которыя выражаютъ ту же самую мысль то линіею дуги, проведенной отъ оконечности одного крыла орла къ оконечности другаго (чеканена въ Цезареѣ, при Каракаллѣ. Vaillant: *Num. aeg. Imp. in colon. perc.* T. II. p. 77. *Mus. Theup.* p. 705. Mionnet: *Descr.* T. V. p. 492, 30. *Suppl.* T. VIII. p. 339, 25. 26; тамъ же битая при Северѣ Александрѣ, Vaillant: *Num. aeg. Imp. in colon. perc.* T. II. p. 116. Mionnet: *Descr.* T. V, p. 492, 32. 33), то гирляндой такой-же формы (монета битая въ Александріи при Анніи Фаустинѣ, *Catalogue de la coll. de Benticinck* T. I. p. 587; тамъ-же битая при Галліенѣ, Zoega: *Num. Aeg.* p. 306. № 53. Tab. 18, можетъ-быть и у Mionnet: *Descr.* T. VI. p. 455, 3306. и *Mus. Theup.* T. II. p. 1184, описанная не точно; ср. также Zoega: *Bassiril.* Tav. 16) или частью въ такомъ-же видѣ (мон. битая въ Цезареѣ при Макринѣ, Haum: *Thea. Britt.*

быть понимаемы изображенія подъ № 2, 15 и 16, хотя они и не заключаютъ ничего, что указывало бы на такое именно namērenie ихъ составителей, тогда какъ изображеніе подъ № 3 представляетъ поводъ къ тому въ положеніи: сущность представленнаго сказанія заключается именно въ томъ, что Зевесъ приближается къ Семелѣ во всемъ своемъ божественномъ величіи. Напротивъ подъ № 4 — 13 вся совокупность подробностей ясно показываетъ, что сочинители этихъ картинъ ничего не имѣли въ виду, кромѣ общаго всѣмъ богамъ сіянія.

Лампа подъ № 14 представляетъ Юпитера Капитолійскаго, котораго конечно никто не сочтетъ за бога солнца ¹⁾; только около него, кромѣ Минервы, не Юнона, но Фортуна, какъ это бываетъ и въ другихъ мѣстахъ ²⁾. Лучи, хотя имѣютъ особенную форму, кажутся, судя по снимку, несомнѣнными и при этомъ божествѣ, часто встрѣчающемся безъ такого атрибута, и будутъ казаться менѣе странными, если будетъ доказано, что Капитолійскій Юпитеръ встрѣчается и съ нимбомъ. Гергардъ ³⁾ сдѣлалъ снимокъ съ римской императорской монеты этого рода, не сказавъ однако, на чемъ основывается его снимокъ. Венути ⁴⁾ представляетъ совершенно подобную монету, выбитую при Адрианѣ; но на ней то, что Гергардъ старается представить нимбомъ, принимается за вѣнецъ, возлагаемый орломъ на голову Юпитера. Совершенно такая-же монета вѣнскаго собранія ⁵⁾ съ грудными портретами Марка Аврелія и Люція Вера, кажется,

Т. II, Tab. 41. 11. Gessner: Num. Imp. Tab. 155, 10. Mionnet: Suppl. T. VIII. p. 339, 27). Не сюда ли принадлежать и нѣкоторыя монеты, битыя въ Цезареѣ при Траянѣ Деціи (Vaillant: Num. aeg. Imp. in colon. peregr. T. II. p. 195. Beger: Thes. Brand. T. II. p. 735. Eckhel: Cat. Mus. Vindob. T. I. p. 247, 5. Mionnet; Descr. T. V. p. 493, 41. Suppl. T. VIII. p. 340, 33. 34), безъ изслѣдованія хорошо сохранившихся экземпляровъ нельзя рѣшить, вслѣдствіе разнорѣчивыхъ показаній на разныхъ снимкахъ и въ описаніяхъ. Но у Зевса небесный сводъ и нимбъ, или лучистый вѣнецъ, очевидно, выражаютъ въ сущности ту же мысль, если послѣднимъ атрибутомъ сочинители рисунка хотѣли обозначить что-нибудь больше, чѣмъ свойственный всѣмъ богамъ блескъ.

1) Прекрасное развитіе этого понятія см. у Преллера въ Röm. Mythol. стр. 183.

2) См. Jahn: Arch. Beiträge стр. 85.

3) Uned. Bildw. Taf. 308, 28.

4) Num. maximi mod. T. I. Tab. 11.

5) Num. Cimet. Austr. T. II. p. 41.

такъ истерта, что надъ головою Юпитера ничего нельзя различить, да и кромѣ того она выставляется подозрительною. Въ другомъ экземплярѣ той-же самой монеты во Флоренціи ¹⁾ можно замѣтить неясный предметъ, который Гори, сколько можно судить по снимку, очевидно, не справедливо считаетъ за Побѣду съ вѣнкомъ. Объясненіе Венути съ перваго раза очень можетъ нравиться: оно даетъ понятъ ближайшій поводъ къ присутствію орла на головѣ Юпитера. Но не надобно забывать, что орла надъ головою Юпитера часто изображали и безъ всякаго подобнаго повода ²⁾. Не изслѣдовавъ еще разъ хорошо сохранившіеся экземпляры этихъ монетъ, конечно, нельзя достигнуть окончательнаго рѣшенія.

Увѣнчанная лучами фигура на денаріи фамиліи Egnatia обыкновенно считается за изображеніе Юпитера ³⁾. Лучи на хорошо сохранившихся экземплярахъ совершенно ясны, хотя на многихъ снимкахъ и не находятся; но принимать эту фигуру можно лишь съ нѣкоторою вѣроятностію, а не съ полною достовѣрностію. Молнія, находящаяся подъ изображеніемъ, также хорошо идетъ къ Солнцу, какъ и къ Юпитеру, и неясный атрибутъ, усматриваемый надъ женскою фигурою, естественнѣе принимать за кругъ мѣсяца, вслѣдствіе чего и самая фигура означала бы луну. Но богатое одѣяніе и скипетръ мужской фигуры, конечно, приличествуютъ болѣе Юпитеру, чѣмъ солнцу.

Далѣе надобно упомянуть о нѣкоторыхъ Галикарнасскихъ бронзовыхъ монетахъ римскаго времени, на которыхъ мы видимъ брадатую фигуру въ богатомъ верхнемъ и нижнемъ одѣяніи, стоящую прямо предъ зрителемъ съ опущенными внизъ руками. Съ обѣихъ сторонъ фигуры находится по дереву, на вершинѣ котораго сидитъ голубь. Голова этой фигуры разъ ⁴⁾

1) Gori: Num. Mus. Flor. Tab. 32.

2) Arist.: Aves 514 со схол. Cp. Wieseler: Gött. Gel. Anz. 1855. стр. 1825 и слѣд. Göttinger Antiken, стр. 5.

3) Vaillant: Num. fam. Rom. Tab. 60. Gessner: Num. fam. Rom. Tab. 14, 18. 19. Morelli: Thes. fam. Rom. T. I. p. 159. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 72. № 275. Riccio: Monete delle fam. Rom. Tav. 19, 3. Panofka: Comm. zu Pausanias Taf. 1, 9. 3, 11. Cohen: Méd. cons. Pl. 17, 3. Только съ послѣдней снимокъ годенъ.

4) Mus. Arigon. T. II. Num. imp. max. mod. Tab. 4, 11. Sestini: Catal. num. mus. Arig. p. 74. Mionnet: Descr. des monn. Suppl. T. VI. p. 497, 309.

украшена модіусомъ, чаще же ¹⁾ — лучистымъ вѣнцомъ. Уже Вальянъ принималъ эту фигуру за Додонскаго Юпитера и Штреберъ старался подробнѣе развить это мнѣніе, между тѣмъ Ратгеберъ ²⁾ полагаетъ скорѣе Гермафродита. Въ пользу послѣдняго мнѣнія ничего нельзя сказать кромѣ того, что сказаніе о Гермафродитѣ возникло первоначально въ Галикарнассѣ. Даже главное, совмѣщеніе двухъ половъ, монеты оставляютъ по меньшей мѣрѣ вовсе нерѣшеннымъ, а два дерева съ голубями ничего не находятъ для своего объясненія въ сказаніи о Гермафродитѣ. Съ другой стороны надо однако согласиться, что представленная фигура отнюдь не изображаетъ просто Додонскаго Юпитера: хотя для деревьевъ ³⁾ съ голубями не легко найти другое, болѣе подходящее объясненіе, какъ заимствованіе изъ Додонскаго культа, однако роскошное одѣяніе и натянутая осанка фигуры рѣшительно указываютъ, что она принадлежитъ не къ Додонскому, но къ азіатскому кругу представленія. Итакъ мы можемъ только сказать, что передъ нами находится изображеніе божества, котораго точнѣе опредѣлить мы не можемъ, и въ которомъ соединены элементы, заимствованные частію изъ азіатскаго культа, частію, можетъ быть, изъ культа Додонскаго Юпитера. Откуда же теперь объяснить лучезарный вѣнокъ на этой фигурѣ? Приданъ ли онъ божеству въ томъ смыслѣ, въ какомъ изображали греческаго Зевса съ атрибутами этого рода, или онъ относился къ азіатскому образу представленія, въ которомъ звѣздныя божества играютъ столь большую роль, это останется навсегда нерѣшеннымъ вопросомъ.

Наконецъ надобно упомянуть о Юпитерѣ Анкурѣ, котораго вообще сдѣлали богомъ солнца ⁴⁾, вслѣдствіе придаваемого

1) Монеты этого рода чеканены частію при Каракалѣ и Гетѣ (Sestini: *Lettere* T. IV. p. 80. Mionnet: *Suppl.* T. VI. p. 498. № 312. 313. 315. Streber: *Abb. der kön. bayr. Akad.* 1835. Th. I. стр. 226. Taf. 4, 4. Panofka: *Einfluss der Gottheiten auf Ortsnamen* Taf. 1, 7. Gerhard: *Arch. Zeit.* 1853: Taf. 58, 11.), частію при Гордіанѣ Піѣ (Mionnet: *Suppl.* T. VI. p. 501, 325).

2) *Bull. dell' Inst. arch.* 1839. стр. 180 и слѣд.

3) Герардъ возражаетъ, что въ деревьяхъ не ясно представлены дубы: но всакій знаетъ, что сказать на это касательно произведеній древняго искусства, и особенно монетъ временъ имперіи.

4) Даже Преллеръ (*Röm. Mythol.* стр. 238) недавно повторилъ эту уло-

ему, будто бы лучезарнаго вѣнца на денаріяхъ фамиліи Vibia¹⁾. Нѣтъ нужды повторять, какъ мало имѣло бы основанія это мнѣніе даже и въ томъ случаѣ, еслибы этотъ лучезарный вѣнецъ былъ достовѣрнѣе. Но вѣнецъ этотъ, такъ ясно изображенный фантазіею рисовальщика на всѣхъ снимкахъ, кромѣ того, который представленъ г. Коаномъ, при ближайшемъ разсматриваніи оригиналовъ превращается въ вѣнокъ изъ листьевъ. Единственно годнымъ къ употребленію русункомъ мы одолжены въ этомъ случаѣ г. Коану, который первыми вѣрными снимками римскихъ фамильныхъ монетъ оказалъ истинную услугу. Экземпляры, близко подходящіе къ рисунку Коана, не рѣдки, и всякій безпристрастный изслѣдователь (хотя Коанъ, не смотря на свой вѣрный снимокъ, крѣпко придерживается однажды высказаннаго мнѣнія) тотчасъ согласится, что изображенное на нихъ едва ли имѣетъ и отдаленное сходство съ формами лучезарнаго вѣнца, которыя впрочемъ въ древнемъ искусствѣ не бываютъ постоянны; онъ скорѣе приметъ это изображеніе за нѣсколько растрепанный и неискусно сдѣланный вѣнокъ изъ листьевъ. Часто также находятся и другіе, отчетливѣе сдѣланные экземпляры этой монеты (именно въ Императорскомъ Эрмитажѣ хранится превосходно сохранившійся экземпляръ), изъ которыхъ прямо видно, что мнимый лучезарный вѣнокъ есть несомнѣнно вѣнокъ изъ листьевъ: листья или мнимые лучи на нихъ, трудно опредѣляемые по остальнымъ частямъ своей формы, ясно опредѣляются тѣмъ, что идутъ не отъ головы, но плотно, какъ и у всякаго хорошо сдѣланнаго вѣнка, къ ней прилегаютъ, охватывая лобъ съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ Юпитеръ Анкуръ римскихъ денаріевъ будетъ исключенъ не только изъ

ренившуюся ошибку. Такъ какъ ниже я не разъ буду выставять свое развогласіе съ Преллеромъ, то не лишнимъ считаю здѣсь прямо объяснить, что я дѣлаю это потому, что его миеологія именно по причинѣ своихъ достоинствъ заслуживаетъ особеннаго вниманія всякій разъ, какъ скоро вновь пересматриваются вопросы, въ рѣшеніи которыхъ возможны еще улучшенія, и можетъ-быть я буду имѣть удовольствіе видѣть, что то или другое изъ моихъ замѣчаній поведетъ моего ученаго друга къ какому-либо измѣненію взгляда

1) Vaillant: Num. fam. Rom. Tab. 146. Gessner: Num. fam. Rom. Tab. 30, 88. Num. Pembroch. T. II, 3, 2. Morelli: Thes. fam. rom. T. II. p. 444. Millin: Gal. Myth. Pl. 9, 89. Riccio: Monete delle fam. Rom. Tav. 49, 14. Guigniaut: Relig. de l'ant. Pl. 69, 262. Cohen: Médailles cona. Pl. 41, 13.

числа божествъ солнца, но и изъ числа изображеній Юпитера съ лучезарнымъ вѣнцомъ.

Посидонъ.

1. Нимбъ, частію синій, частію красный, на мозаикѣ. De la Mare: Explor. scient. de l'Algérie. Archéol. Pl. 139 — 142.

2. Нимбъ въ ватиканской рукописи Виргилія № 3867. Mai: Pict. Virg. Tab. 18. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что художникъ на рисунокѣ № 2. имѣлъ въ виду обозначить сіяніе, свойственное всѣмъ богамъ вообще. Но съ такою-же увѣренностію можно сказать это и о рисунокѣ № 1, хотя въ этомъ случаѣ художникъ хотѣлъ, можетъ быть, обозначить нимбомъ въ Посидонѣ и сопровождающей его Амфитритѣ главныя фигуры картины въ числѣ другихъ фигуръ. Кто захотѣлъ бы относить здѣсь нимбъ къ сіянію воды, представляемой въ лицѣ Посидона, какъ на одной извѣстной вазѣ ¹⁾ лучами обозначено сіяніе образованнаго изъ воды брачнаго ложа Посидона и Амимоны и какъ особенно выставляютъ это сіяніе большею частію писатели ²⁾, тому можно бы возразить, что сіяніе это свойственно не водѣ собственно, а сообщается ей падающими лучами солнца.

Протей.

Лучезарный вѣнецъ въ рисунокѣ на вазѣ въ Неаполитанскомъ музеѣ. Mus. Borb. To. XIII. Tav. 58.

Уже издатель этой картины Кваранта справедливо замѣтилъ, что изображенная здѣсь сцена представляетъ бой между Протеемъ и Менелаемъ. Но не вникнувъ въ значеніе лучезарнаго вѣнца, на которомъ главнѣйшимъ образомъ основывается доказательство этого мнѣнія, онъ не сказалъ о немъ ни слова; это обстоятельство подало поводъ къ тому, что Янгъ ³⁾ сомнѣвается въ прямомъ отношеніи рисунка къ Протею. Однако всѣмъ извѣстно, что Протей, желая устрашить своего противника, точно также какъ и Ѳетида, принималъ на себя, между

1) Bull. Napol. To. II. Tav. 3. Lenormant: Elite céramogr. T. III. Pl. 30.

2) См. Hom. Od. XI, 235 и слѣд. Philostrat I, 8. II, 8, и что приведено на послѣдніа два мѣста Якобсомъ и Велькеромъ.

3) Sitzungsber. der kön. sächs. Ges. der Wiss. 1854. стр. 191.

прочимъ, и огненный видъ ¹⁾. Если бросимъ взглядъ на рядъ существъ, которые далѣе разсматриваются съ большими подробностями, и которымъ искусство, для обозначенія ихъ страшнаго характера, распространяющаго повсюду ужасъ и разрушеніе, придавало лучезарный вѣнецъ или нимбъ; если именно обратимъ вниманіе на разсматриваемое ниже, почти современное тому изображеніе на вазѣ, гдѣ такое-же превращеніе Оетиды и въ такихъ-же обстоятельствахъ обозначено нимбомъ, то легко убѣдимся, что морское чудовище, изображенное на неаполитанской вазѣ, есть Протей, и что приданный ему лучезарный вѣнецъ въ основаніи своемъ имѣетъ мысль обозначить превращеніе чудовища въ образъ огня ²⁾.

Аресъ.

1. Нимбъ въ миланской рукописи Гомера. Mai: Pict. Hom. Tab. 9. Inghirami: Gall. Omer. To. I. Tab. 38.

2. Нимбъ тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 10. Inghirami: Gall. Omer. To. I. Tav. 41.

3. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 23 ³⁾.

Очевидно, что нимбъ означаетъ здѣсь сіяніе, свойственное богамъ вообще, хотя всѣмъ божествамъ войны, какъ мы сей-часъ увидимъ, нимбъ и лучезарный вѣнецъ придавались еще и по другимъ, особеннымъ причинамъ.

1) Hom.: Od. IV, 417 и слѣд.

πάντα δὲ γιγνώμενος κερήσεται, ὅσσ' ἐπὶ γαῖαν
ἔρπειτ' ἰγύνονται, καὶ ὕδωρ καὶ θεσπίδαες πῦρ.

Virgil: Georg. IV, 407 и слѣд.

*Fiet enim subito sus horridus, atraque tigris,
Squamosusque draco et fulva cervice leaena;
Aut acrem flammæ sonitum dabit atque ita vindis
Excidet, aut in aquas tenues dilapsus abibit.*

Тамъ-же IV, 441 и слѣд.

*Omnia transformat sese in miracula rerum,
Ignetque, horribilemque feram fluviumque liquentem.*

2) По одинаковости всей композиціи нельзя сомнѣваться, что и рисунокъ на вазѣ стараго стиля, въ послѣдній разъ изданный и разсмотрѣнный Визелеромъ (Denkm. Th. II. № 850), хотя въ немъ и нѣтъ лучезарнаго вѣнца именно по причинѣ его древности, относится не къ битвѣ гигантовъ, какъ думаетъ Визелеръ, а къ битвѣ Менелая съ Протеемъ.

3) Марса же, можетъ быть, надобно видѣть и у Май: Pict. Virg. Tab. 18.

Деймосъ или Фобосъ.

Лучезарный вѣнецъ, на украшеніи бронзовой колесницы. Piranesi: Vasi, Candelabri etc. T. I. Tav. 13. Visconti: Mus. Pio-Clem. T. V. Tav. agg. B, 4.

Кромѣ головы Медузы, замѣчаемъ мы, что къ этой мѣдной боевой колесницѣ придѣлана безбородая, крылатая фигура, у которой большой лучезарный вѣнецъ обычнымъ образомъ для Висконти послужилъ достаточнымъ основаніемъ принять ее за бога солнца. Однако каждый безпристрастный изслѣдователь съ удивленіемъ спроситъ, какимъ образомъ изображеніе бога солнца и сверхъ того въ такомъ необыкновенномъ видѣ могло появиться на боевой колесницѣ. Находящаяся здѣсь, кромѣ этого изображенія, голова Медузы, общій обычай украшать боевую утварь Горгонами и изображеніями Деймоса и Фобоса, наконецъ то обстоятельство, что эта фигура, не смотря на лучезарный вѣнецъ, вполне соотвѣтствуетъ ¹⁾ изображеніямъ Деймоса и Фобоса, извѣстнымъ намъ изъ многочисленныхъ памятниковъ древняго искусства, все это заставляетъ насъ съ увѣренностію сказать, что и въ настоящемъ случаѣ на колесницѣ изображенъ Деймосъ или Фобосъ. Въ какой степени прилично изображеніямъ подобнаго рода придавать лучезарный вѣнецъ, каждый легко убѣдится, кто припомнитъ, какъ огнемъ или огненнымъ сіяніемъ существенно усиливался въ глазахъ людей ужасъ явленія, и какъ часто такой образъ воззрѣнія выражается у древнихъ писателей. На одномъ извѣстномъ рисункѣ вазы ²⁾ самое колесо, къ которому прикованъ Иксіонъ, обозначено многочисленными лучами свѣта и представлено какъ-бы огненнымъ, чтобы возбудить бѣльшій ужасъ въ душѣ зрителя. О самомъ Марсѣ, богъ войны, и о его сынѣ Кикносѣ Гезіодъ (Scut. Hercul. 58 и слѣд.) говорить:

Εὔρε γὰρ ἐν τεμένει ἐκατηβόλου Ἀπόλλωνος
αὐτὸν καὶ πατέρα ὄν, Ἄρην, ἄτον πολέμοιο,

1) Довольно здѣсь указать на сказанное Яномъ въ Ber. der kön. sächs. Ges. der Wiss. 1855. стр. 57 и слѣд. и на цитаты Преллера въ Griech. Myth. Th. I. стр. 205.

2) Raoul-Rochette: Mon. Inéd. Pl. 45. Gerhard: Mysterienbilder Taf. 1—3. Arch. Zeit. 1844. Taf. 13. Panofka: Zufluchtsgoth. Taf. 4, 7. Wieseler: Denkm. Th. II. № 863.

τεύχεσι λαμπομένους σέλας ὧς πυρὸς αἰζομένου,
ἑσταότ' ἐν δίφρῳ,

и тотчасъ потомъ ¹⁾:

πᾶν δ' ἄλσος καὶ βωμὸς Ἀπόλλωνος Παγασαίου
λάμπεν ὑπαὶ δεινοῦ θεοῦ τευχέων τε καὶ αὐτοῦ·
πῦρ δ' ὧς ὀφθαλμῶν ἀπελάμπετο.

Мы уже видѣли, что герои вообще въ минуту самаго неистоваго боя обыкновенно выпускали огонь и пламя (см. выше стр. 13); что Протей, желая устрашить своего противника, принималъ на себя между прочимъ и образъ огня, и что древнее искусство обозначало это посредствомъ лучезарнаго вѣнца (см. выше стр. 26). Въ продолженіи этого изслѣдованія мы найдемъ, что нимбъ и лучезарный вѣнецъ въ такомъ-же смыслѣ приданы Беллерофону, Фуріямъ (и можетъ-быть также Лиссѣ), Сфинксу, Оетидѣ, Сиріусу, Льву, богинѣ войны Мао, и можетъ-быть Нетосу, Никѣ и Нанѣ. Даже если въ вышеприведенномъ мѣстѣ (см. выше, стр. 6) Виргилій называетъ Минерву:

nimbo effulgens et Gorgone saeva,

то не надо забывать, что этимъ сопоставленіемъ нимба съ головою горгоны поэтъ придаетъ ей нимбъ въ томъ самомъ смыслѣ, о которомъ мы сейчасъ говорили ²⁾.

Діонисъ.

1. Нимбъ на мозаикѣ. Schmidt: Rec. d'antiq. trouvées à Avenches Pl. 4.

2. Нимбъ на стѣнной картинѣ въ Помпеѣ. Mus. Borb. T. XIV. Tav. 21. По Шульцу: Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 102. нимбъ синяго цвѣта.

Въ позднѣйшихъ памятникахъ искусства при изображеніи Діониса часто показывается отношеніе его къ солнцу. Намъ нѣтъ надобности пускаться здѣсь въ споры о томъ, принадле-

1) Scut. Herc. 70 и слѣд. Ср. также Ном. П. VIII, 349.

Γοργούς ὀμνᾷτ' ἔχων ἡδὲ βροτολογίου Ἄρτος.

2) Акад. Шифнеръ сообщалъ мнѣ, что и въ буддйской религіи нимбомъ снабжаются именно гнѣвные и страшныя божества.

жало ли ему это отношеніе съ самаго начала, или придано ему позднѣйшею древностію. Въ многочисленныхъ и частію превосходныхъ произведеніяхъ искусства и поэзіи, которымъ основною мыслію послужило сказаніе объ обхожденіи Діониса съ Ариадною на остр. Наксосѣ, онъ ясно и постоянно представляется богомъ вина, цвѣтущимъ роскошною юностію, и до такой степени чуждымъ всякому отношенію къ солнцу, что было бы въ высшей степени страннымъ, еслибы художникъ мозаики № 1, повторивъ общезвѣстныя черты этой сцены, представилъ Діониса по своему собственному произволу богомъ солнца и обозначилъ это нимбомъ. Гораздо правдоподобнѣе предположить, что художникъ въ этомъ случаѣ нимбомъ хотѣлъ сдѣлать нагляднымъ сіяніе божественной красоты и цвѣтущей юности, которое окружало Діониса въ то время, когда онъ приближался къ своей невѣстѣ. Поэтому также едва ли можно сомнѣваться, что одно изъ трехъ божествъ, изображаемыхъ на картинѣ № 2, есть Діонисъ. Мы видимъ здѣсь двухъ юныхъ боговъ и одну богиню, которые, не имѣя никакихъ характеристическихъ атрибутовъ, имѣютъ однако общій нимбъ; послѣдняя фигура представлена обнаженною и поэтому надобно думать, что она представляетъ Афродиту. Что можетъ быть вѣроятнѣе, какъ не то, что эти три божества, отличающіяся ослѣпительнымъ блескомъ свѣжей юности, представляютъ Діониса, Аполлона и Афродиту?

Гермесъ.

1. Нимбъ въ миланской рукописи Гомера. Mai: Pict. Nom. Tab. 9. Inghirami: Gall. Omer. T. I. Tav. 38.

2. Нимбъ въ ватиканской рукописи Виргилія № 3867. Mai: Pict. Virg. Tab. 66. Agincourt: Denkmäler der Malerei. Taf. 63.

3. Нимбъ на фрагментѣ, извѣстномъ по рисунку Пейреска. Montfaucon: Antiq. Expl. T. I. Pl. 224. Suppl. T. I. Pl. 17.

Очевидно, что нимбъ подъ № 1 и № 2 означаетъ сіяніе, свойственное богамъ вообще, а нимбъ на фрагментѣ № 3, представляющемъ планету Меркурій, означаетъ сіяніе, свойственное въ частности звѣздамъ. Если это сіяніе дано только планетамъ, а изображеніямъ другихъ звѣздъ, судя по тому въ какомъ видѣ они дошли до насъ, въ этомъ отказано, то это, очевидно,

могло быть сдѣлано только для того, чтобы представить сіяніе планетъ болѣе сильнымъ, чѣмъ сіяніе звѣздъ.

АПОЛЛОНЪ.

1. Нимбъ на геркуланской стѣнной картинѣ. Pitt. d'Ercol. T. II. стр. 113. Mus. Borb. T. VII. Tav. 19. Kaiser: Herculanum u. Pompeji Th. II. Taf. 30. Ternite: Wandgemälde H. 1. Taf. 3. Archaeol. Zeit. 1845. Taf. 29, 1. Milman: Horatii Opera. стр. 82. Overbeck: Heroen-Gallerie Taf. 6, 11. По Шульцу: Bull. dell'Inst. 1841. стр. 103. Нимбъ желтый.

2. Нимбъ на геркуланской стѣнной картинѣ. Pitt. d'Ercol. T. III. стр. 5.

3. Нимбъ на помпейской стѣнной картинѣ. Gell: Pompeii 1832. T. II. Pl. 72.

4. Нимбъ на помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. X, Tav. 37. По Шульцу: Bull. dell'Inst. arch. 1841. стр. 103 нимбъ желтый.

5) Нимбъ на помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. X. Tav. 38. По Шульцу: Bull. dell'Inst. 1841. стр. 103 нимбъ желтый.

6. Нимбъ съ лучами на помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. XI. Tav. 33.

7. Нимбъ на помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. XI. Tav. 47. Raoul-Rochette: Mon. Inéd. Pl. 76. Overbeck: Heroen-Gallerie Taf. 30, 14. По Шульцу: Bull. dell'Inst. 1841. стр. 104 нимбъ синій.

8. Нимбъ на помпейской стѣнной картинѣ. Avellino: Mem. dell' Accad. Ercol. T. III. Tav. 6. Mus. Borb. T. XII. Tav. 2. По Шульцу: Bull. dell'Inst. arch. 1841. стр. 103 нимбъ желтый.

9. Нимбъ на помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. XIV. Tav. 21. Отношеніе къ Аполлону, предлагаемое авторомъ, не достовѣрно, однако очень вѣроятно; нимбъ, по Шульцу: Bull. dell'Inst. arch. 1841. стр. 102., синій ¹⁾.

10. Нимбъ въ миланской рукописи Гомера. Mai: Pict. Hom. Tab. 9. Inghirami: Gall. Omer. T. I. Tav. 38.

1) Шульцъ (въ вышепомянутомъ сочиненіи стр. 104), по видимому, знаетъ еще другія помпейскія стѣнныя картины, на которыхъ Аполлонъ встрѣчается съ нимбомъ.

11. Нимбъ въ миланской рукописи Гомера. Mai: Pict. Hom. Tav. 10. Inghirami: Gall. Omer. T. I. Tav. 41.

12. Нимбъ въ миланской рукописи Гомера. Mai: Pict. Hom. Tav. 23.

13. Нимбъ въ миланской рукописи Гомера. Mai: Pict. Hom. Tav. 51.

14. Нимбъ въ ватиканской рукописи Виргилія № 3867. Mai: Pict. Virg. Tab. 18. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63.

15. Нимбъ, на этрусскомъ зеркалѣ римскаго собранія, въ стилѣ римскаго періода. Mon. Ined. dell' Inst. arch. T. II. Tav. 60. Mus. Greg. T. I. Tav. 24. Forchhammer: Apollo's Ankunft in Delphi. Taf. 1. Gerhard. Etrusk. Spiegel Taf. 76. Etrusk. Gotth. Taf. 2, 2.

16. Лучезарный вѣнецъ на бронзовой доскѣ. Spon: Misc. erud. ant. стр. 87. Saggi di Cortona T. II. Tav. 1. Lanzi: Saggio di lingua Etrusca T. III. Tav. 15, 7. Guigniant: Rel. de l'ant. Pl. 152. № 585^a.

17. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной милетской монетѣ съ изображеніемъ Юліи Домны, Дидимейскій Аполлонъ. Vaillant: Num. graec. стр. 92, 23. Mionnet: Supl. T. VI. стр. 278, 1276.

18. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной милетской монетѣ, выбитой при Гелиогабалѣ. Sestini: Mus. Hederv. T. II. стр. 183. Tab. 19, 6. Mionnet: Suppl. T. VI. стр. 280, 1285.

19. Лучезарный вѣнецъ, на мѣдной милетской монетѣ съ грудными изображеніями Пупіена, Бальбина и Гордіана. Mionnet: Descr. T. III. стр. 173, 805. Wieseler: Denkm. Th. I. № 20.

20. Лучезарный вѣнецъ, на милетской монетѣ, выбитой при Галліенѣ. Mionnet: Descr. T. III. стр. 174, 811.

21. Нимбъ на мѣдной монетѣ изъ Александріи троадской. Аполлонъ Сминеей. Sestini: Lettere T. VII. стр. 77. Mus. Rembroch. T. II. Tab. 35, 9. Mionnet: Descr. T. II. стр. 639, 65. Suppl. T. V. стр. 509, 71. De Witte: Rev. num. 1858. стр. 24. Pl. 1, 1. Нимбъ не совершенно ясенъ; однако то, что на указанномъ снимкѣ окружаетъ голову бога, едвали можно принять за что-нибудь другое.

Съ самаго ли начала или только позднѣе Аполлонъ получилъ значеніе бога солнца, во всякомъ случаѣ достовѣрно то,

что это значеніе приписывалось ему въ обширнѣйшемъ кругѣ людей уже задолго до появленія вышеисчисленныхъ произведеній художества и удержалось до позднѣйшихъ временъ. По этому конечно нельзя сомнѣваться, что въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ онъ снабженъ лучезарнымъ вѣнцомъ (*№ 6. 16 — 20*) ¹⁾, имѣется въ виду обозначить его особенное существо. Не должно впрочемъ удивляться, что ему лучезарный вѣнецъ дается, сравнительно, рѣже, чѣмъ нимбъ, хотя только первый способенъ означать такой большой и сильный свѣтъ, какъ свѣтъ солнца; послѣдній же означаетъ болѣе кроткое сіяніе, почему и является въ отчетливомъ изображеніи и можетъ-быть безъ исключеній у Гелиоса, какъ скоро художнику приходило на мысль обозначать его свѣтлость. Потому очень естественно полагать, что художники, придававшіе Аполлону нимбъ безъ лучей, отнюдь не думали представить его богомъ солнца; по крайней мѣрѣ касательно миниатюръ, судя по правиламъ, очень опредѣленно обнаруживаемымъ ихъ сочинителями, не можетъ быть сомнѣнія, что въ нихъ имѣлось въ виду только общее всѣмъ богамъ сіяніе. О прочихъ картинахъ, именно о тѣхъ, на которыхъ нимбъ, придаваемый Аполлону, не простирается на дру-

1) Эти примѣры можно впрочемъ умножить. Такъ при точнѣйшемъ изслѣдованіи хорошо сохранившихся экземпляровъ родосской монеты (*Combe: Mus. Hunter. Tab. 45, 19. Miopnet: Suppl. T. VI. p. 601, 291. Panoфа: Einfl. der. Goth. auf Ortsnamen, Taf. 4, 15*) въ сомнительной фигурѣ окажется вѣроятно Аполлонъ въ пифійскомъ костюмѣ. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакой вѣроятности въ пользу мнѣнія Панофы, который признаетъ здѣсь Галію. Такимъ-же образомъ надобно признать за Аполлона, а не за Гелиоса фигуры на монетахъ бактрійскихъ царей Эвтидема (*Wilson: Ariana ant. Pl. 2, 1*) и Деметрія (*Wilson: Ariana ant. Pl. 21, 3. Lassen: Indische Alterthumskunde Th. II. стр. 302, 5*), если данный этимъ фигурамъ лукъ вѣренъ. И небольшую бронзовую статую римскаго стиля, въ послѣдній разъ изданную въ рисунокѣ Стиккелемъ (*Das Etruskische Taf. 2, 6*), всего вѣроятнѣе принять за Аполлона, если вокругъ головы дѣйствительно есть лучи. Но противъ представляемаго Герардомъ (*Etruskische Goth. Taf. 2, 5*) отношенія другой бронзовой статуэтки (*Gori: Mus. Etrusc. T. I. Tab. 37, 1*) къ этрусскому богу солнца можно возразить не только тѣмъ, что въ статуэткѣ вовсе не видно этрусскаго стиля и одѣяніе указываетъ скорѣе на Аполлона, чѣмъ на Гелиоса, но надобно сказать еще и то, что мнимые лучи, какъ замѣтилъ уже Горм, похожи скорѣе на безобразно сдѣланные листья, чѣмъ на лучи. Рѣшительно изъ листьевъ, а не изъ лучей, состоитъ и вѣнокъ одной гермы на извѣстной чашѣ Блакъ (*Musée Blacas. Pl. 7. Arch. Zeit. 1844. Taf. 14. Stephani: Bull. hist.-philol. T. XII. p. 277 = Mél. gréco-rom. T. I. p. 551. № 56*), если тамъ вообще разумѣется Аполлонова герма.

гія, тутъ-же изображаемыя божества, какъ напр. № 4, 15 и др., это объясненіе едва ли удовлетворить всякаго; и въ самомъ дѣлѣ, если примемъ въ соображеніе существо Аполлона, равно и аналогіи выше (стр. 28) показанныхъ изображеній Діониса и разсматриваемыхъ ниже фигуръ Ахиллеса, Адониса, Афродиты, Леды, Аріадны, Кирки и Медеи, конечно, будетъ очевидно, что художники скорѣе всего считали своей задачей особенно выставить блескъ цвѣтущей молодости, такъ тѣсно связанной съ представленіемъ бога лиры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у иныхъ художниковъ болѣе или менѣе могло имѣть вліяніе еще желаніе выставить Аполлона главнымъ лицомъ изображаемой сцены. Впрочемъ здѣсь это желаніе не обнаруживается по крайней мѣрѣ такъ ясно, какъ въ изображеніи Фрикса, о которомъ будетъ сказано ниже.

Геліосъ.

Собрать безчисленное множество картинъ, на которыхъ Геліосъ представленъ съ лучезарнымъ вѣнцомъ, было бы почти невозможно, да едва ли и нужно¹⁾. Не должно только выпускать изъ виду, что эти произведенія художествъ простираются до позднѣйшихъ временъ; но ни одно изъ нихъ нельзя считать древнѣе, по высшей мѣрѣ, червертаго столѣтія до Р. Х.; и дѣйствительно, во времена, предшествовавшія этому столѣтію, искусство, по видимому, вовсе не пользовалось этимъ атрибутомъ

1) Только то заслуживаетъ особеннаго упоминанія, что рѣзчики чекановъ у Индоскиескихъ царей: Эрки (1. Wilson: *Ariana* Pl. 14, 2. Thomas: *Journ. of the R. Asiat. Soc.* T. XII. Pl. 6, 3. Lassen: *Indische Alterthumsk.* Th. II. стр. 833. № 2. — 2. Wilson: тамъ-же, Pl. 14, 10. Lassen: тамъ-же, стр. 834, 8), Канерки (1. Wilson: тамъ-же, Pl. 11, 15. Lassen: тамъ-же, стр. 837, 3. Lepointant: *Trésor de numism. Rois grecs* Pl. 80, 12. — 2. Wilson: тамъ-же, Pl. 11, 16. Lassen: тамъ-же, стр. 837, 1. — 3. Wilson: тамъ-же, Pl. 12, 11. 14. 15. Thomas: *Journ. of R. Asiat. Soc.* T. XII. Pl. 4, 8. Lassen: тамъ-же, стр. 837, 2. 11.) и Эрѣ-Керано (Wilson: тамъ-же, Pl. 13, 6. 9. 16. Lassen: тамъ-же, стр. 867, 3. 5.) постоянно придавали нимбъ съ острыми лучами даже древне-иранскому богу Митрѣ, который тогда хотя уже считался богомъ солнца, однако ни въ одномъ изъ необыкновеннаго множества изображеній на западѣ не встрѣчается съ лучезарнымъ вѣнцомъ или съ нимбомъ. Очевидно, что они только перенесли этотъ атрибутъ отъ греческаго бога солнца, какъ на двухъ вышеупомянутыхъ монетахъ (Канерки № 1. 2.) даже имя **НЛІОС**. А какъ этотъ способъ изображенія, введенный сперва рѣзчиками чекановъ, продолжался въ Индіи, можно видѣть изъ замѣтки, сообщенной Веберомъ (*Indische Skizzen*, стр. 104).

даже для Гелиоса. Мы отнюдь не лишены довольно древних изображений этого бога, но въ нихъ не видно никакой заботы наметнуть лучами на солнечное сіяніе даже и тогда, когда Гелиосъ помѣщается на нихъ богомъ солнца, посредствомъ кружка надъ его головою ¹⁾. Но позднѣе, когда начали обозначать блескъ, какъ Гелиоса, такъ и другихъ боговъ, лучезарнымъ вѣнцомъ вокругъ головы, стали снабжать лучами и тотъ кружокъ надъ головой Гелиоса ²⁾; около того времени возникли двѣ другія художественныя формы, однородныя съ этой и не менѣе достопримѣчательныя. Изображенія бога являются то по грудь ³⁾, то во весь ростъ, снабженныя полнымъ кругомъ лучей, вмѣщающимъ въ себѣ фигуру бога вмѣстѣ съ колесницей и конями ⁴⁾.

1) Сюда принадлежатъ: аттическія вазы у Штакельберга: *Gräber der Hellenen* Taf. 15, 5. (= *Creuzer Symbolik* Th. II. H. 3. Taf. 6. Gerhard: *Lichtgotth.* Taf. 1, 5) и двѣ другія, изъ которыхъ одна отпечатана въ снимкѣ у Caylus: *Rec. T. II. Pl. 20.* Laborde: *Vases de Lamberg* T. II. p. 3. Dubois-Maisonnette: *Introduit*, Pl. 29. Lenormant: *Elite céramogr.* T. II. Pl. 115, другая у Laborde: *Vases de Lamberg* T. II на заглавномъ листѣ и у Lenormant: *Elite céramogr.* T. II. Pl. 116, всѣ съ черными фигурами въ старинномъ стилѣ. Шарики грубой работы, видимые на краю чаши на вазѣ, обозначенной нами на второмъ мѣстѣ, никакъ не могутъ представлять лучи.

2) Такъ на черепкѣ вазы съ красными фигурами въ Неаполитанскомъ Музеѣ, *Bull. Napol. Nuova Ser.* T. I. p. 143. Такимъ-же образомъ не рѣдко видимъ мы на вазахъ, позднѣйшаго времени, что рисовальщики вносили въ свой рисунокъ кругъ солнца безъ бога солнца и изображали его болѣе или менѣе полнымъ кружкомъ съ лучами, какъ напр. на извѣстной вазѣ Астеаса у Millingen: *Uned. Mon.* Pl. 27; на другой вазѣ у Millin: *Mon. Inéd.* T. I. Pl. 29. = *Gal. Myth.* Pl. 171, 623. = Guigniaut: *Rel. de l'ant.* Pl. 244, 836; на третьей у Millin: *Mon. Inéd.* T. II. Pl. 26. = *Gal. Myth.* Pl. 98, 395. = Inghirami: *Vasi fitt.* Tav. 239. = Guigniaut: *Rel. de l'Ant.* Pl. 163, 623.; на четвертой у Tischbein: *Engrav.* T. I. Pl. 12. = Inghirami: *Vasi fitt.* Tav. 14. = Millin: *Gal. Myth.* Pl. 122, 443. = Guigniaut: *Rel. de l'ant.* Pl. 190, 662 и на пятой у Inghirami: *Vasi fitt.* Tav. 23. И на рѣзныхъ камняхъ римскаго времени видимъ мы то совершенно тоже самое (Ulrichs: *Dreizehn Gemmen* № 8), то рѣзительно подобное, съ человѣческимъ лицомъ внутри круга (Carpello: *Prodromus* № 1. Matter: *Histoire du gnost.* Pl. 7, 6.). Если же на рисункахъ вазъ позднѣйшаго времени встрѣчаются простые круги или полукруги безъ лучей, какъ напр. въ *Arch. Zeit.* 1848 Taf. 15. 17. 1857. Taf. 106., то конечно надобно безъ исключенія разумѣть щиты.

3) На извѣстной вазѣ велико-герцогскаго собранія въ Пармѣ, *Mon. Ined. pubbl. dall' Inst. arch.* T. II. Tav. 55. Atti dell' Acc. Rom. T. XI. Tav. 2. Gerhard: *Lichtg.* Taf. 1, 1. Creuzer: *Symb.* Th. II. H. 3, 6. Welcker: *Denkm.* Th. III. Taf. 11. Stephani: *Bull. hist.-phil.* T. XII. p. 273. = *Mél. gréco-rom.* T. I. p. 545. № 18.

4) На одной вазѣ вѣнскаго собранія, *Arch. Zeit.* 1848. Taf. 20. По очень вѣроятной догадкѣ Визелера (*Phaethon* стр. 26.) тоже должно полагать и въ

Важень также вопросъ: древніе художники оставались ли въ своихъ изображеніяхъ при сознаніи вышепоказаннаго (см. стр. 32) естественнаго различія между лучезарнымъ вѣнцомъ и нимбомъ, и не потому ли Геліоса никогда не изображали съ нимбомъ безъ лучей, а Селена, наоборотъ, никогда не является съ лучистымъ вѣнцомъ? Нимбомъ съ лучами они нерѣдко снабжали бога солнца. У расписывавшихъ вазы это было даже господствующимъ обычаемъ, хотя они обозначали нимбъ не всегда нѣсколькими широкими полосами, но иногда и одною узкою линіей ¹⁾. Такія изображенія встрѣчаются впрочемъ и въ про-

картинѣ, описанной Филостратомъ. Но приведенный Визелеромъ халцедонъ (у Липперта: *Dact.* I, 194) едва-ли подлинный.

1) Сюда принадлежатъ слѣдующіе рисунки на вазахъ съ красными фигурами:

а) Въ Собраніи Блэкъ: Panofka: *Le lever du soleil.* 1883. *Musée Blacas* Pl. 18. *Bilder antiker Lebens* Taf. 15, 1. Raoul-Rochette: *Mon. Inéd.* Pl. 78. Gargiulo: *Rec. de monum.* T. II. Pl. 48. *Mon. pubbl. dall' Inst. arch.* T. II. Tav. 55. *Atti della Pont. Acc. Rom.* T. XI. Tav. 2. Lenormant: *Elite céramogr.* T. II. Pl. 111. Gerhard: *Lichtg.* Taf. 1, 2. Creuzer: *Symb. Th.* II. H. 3. Taf. 6. Welcker: *Denkm. Th.* III. Taf. 9. Stephani: *Bull. hist.-phil.* T. XII. p. 273. = *Mél. gréco-rom.* T. I. p. 545. № 19.

б) Въ Неаполитанскомъ собраніи. *Mon. pubbl. dall' Inst. arch.* T. II. Tav. 31. 32. Gerhard: *Lichtg.* Taf. 2.

в) Въ Мюнхенскомъ собраніи. Millin: *Tomb. de Canose* Pl. 5. Inghirami: *Vasi fitt.* Tav. 394. Gerhard: *Lichtg.* Taf. 3, 1. Guigniaut: *Rel. de l'ant.* Pl. 149^{тер}. № 555 ^а.

г) Ваза Рубо. *Ann. dell' Inst. arch.* T. IX. Tav. agg. H.

е) Ваза принадлежавшая некогда княгинѣ Голицыной. Millin: *Peint. de vas.* T. II. Pl. 49. Gal. *Myth.* Pl. 60. № 234. Lenormant: *Elite céramogr.* T. II. Pl. 112 ^а. Guigniant: *Rel. de l'ant.* Pl. 117. № 448.

ж) Въ Ватиканѣ. Passeri: *Pict. Etr.* T. III. Tab. 268. Millin: *Peint. de vas.* T. I. Pl. 15. Inghirami: *Vasi fitt.* Tav. 52. Gerhard: *Lichtg.* Taf. 3, 2.

з) Въ Парижскомъ собраніи. Lenormant: *Elite céramogr.* T. II. Pl. 113.

h) Въ Парижскомъ собраніи: Passeri: *Pict. Etr.* T. III. Tab. 269. Montfaucon: *Suppl.* T. III. Pl. 35. Winckelmann: *Mon. inéd.* № 22. Magnan: *Ville de Rome* T. IV. Pl. 96. Dubois-Maisonneuve: *Introduit.* Pl. 1. Gerhard: *Lichtg.* Taf. 3, 3. Creuzer: *Symbolik* Th. II. H. 3. Taf. 5. *Ann. dell' Inst. arch.* T. XXIV. Tav. agg. F. Welcker: *Denkm. Th.* III. Taf. 10, 1. Lenormant: *Elite céramogr.* T. II. Pl. 114. Ни одинъ изъ приведенныхъ рисунковъ послѣдней вазы не годится. Ленорманъ, спустя много времени послѣ того какъ уже исправилъ свой рисунокъ по прежнимъ, опять изслѣдовалъ оригиналъ, и тутъ только мы узнаемъ изъ его текста, какъ прежніе рисунки неточны. Впрочемъ то, что два рожа на лбу женской фигуры, за которые она признава была многими за Селену, принадлежатъ только фантазіи рисовальщика, а на дѣлѣ вмѣсто ихъ лежитъ богатая повязка, можно бы было усмотрѣть, даже не дожидаясь увѣренія Ленормана. Потому что заставлятъ солнце и луну выѣзжать изъ океана на одной и той-же колесницѣ безмыс-

изведеніяхъ другаго рода, которыя почти безъ исключенія придаютъ Геліосу простой лучезарный вѣнецъ ¹⁾. Но нимбъ безъ лучей я знаю только въ какихъ-нибудь двухъ, не совсѣмъ надежныхъ примѣрахъ.

Извѣстный рисунокъ на вазѣ въ Неаполитанскомъ Музеѣ ²⁾, представляющій Геракла и Гесперидъ, въ верхней своей части содержитъ еще фигуру, съ нимбомъ безъ лучей, которую, по формѣ тѣла, можно считать и женщиной, и мужчиной ³⁾. Она

ленно. Если Аполлонъ и Артемида ѣдутъ въ одной колесницѣ, то они, при устраненіи ихъ точнаго физическаго значенія, представляются именно только братомъ и сестрою. Въ-рядъ съ Геліосомъ къ такой совокупности годится только Эосъ, которой рога, разумѣется, не свойственны. Но и Селену древнее искусство, какъ кажется, никогда не снабжало настоящими рогами, хотя это и утверждаютъ большею частію ученые руководства, и наконецъ даже Прехлеръ (Griech. Myth. Th. I, 298), ссылаясь на слова Павзанія (VI, 24, 5); Ἑσπερίδι δὲ Νάρκισσος καὶ Σελήνη λίθου τὰ ἀνάλματα, καὶ τῆς μὲν κέρατα ἐκ τῆς κεφαλῆς, τοῦ δὲ αἱ ἀκτίνες ἀνέχουσιν; окончности полумѣсяца называются, какъ всякій знаетъ, *рогами*, не только въ нѣмецкомъ и въ латинскомъ: *cornu*, но и въ греческомъ *κέρατα*. Agat. Phaenon. 778 и слѣд. со схолиями. Anthol. Palat. V. 123. Maxim.: Κατάρχ. 337. И такъ какъ до насъ дошло безчисленное множество изображеній Селены съ полумѣсяцемъ, но ни одного съ настоящими рогами, то ужъ по одному этому надо допустить, что и Павзаній, говорящій о чемъ-то совершенно обыкновенномъ, представлялъ себѣ не иное что, какъ концы полумѣсяца. Но это доказывается еще положительно, прибавкой: ἐκ τῆς κεφαλῆς. При настоящихъ рогахъ это точнѣйшее опредѣленіе было бы лишнимъ, потому что древнее искусство не придавало рога ни къ какой другой части человѣческаго тѣла кромѣ головы. Но эта прибавка была совершенно кстати, если Павзаній говоритъ о рогахъ полумѣсяца, потому что они, какъ извѣстно, выставляются столь же часто изъ плечь, какъ и изъ головы боговъ луны. Слѣдовательно выраженія позднѣйшихъ поэтовъ, какъ напр. ταυρόκερος Μήνη въ девятомъ Орфическомъ гимнѣ, или у Нонна (Dionys. XXIII, 809)

ταυροφύτης κερόσσα βωὸν ἐλάτεια Σελήνη

по всей вѣроятности выходили за предѣлы представленій наистического и живописнаго художествъ.

1) Напр. на стѣнныхъ картинахъ Mus. Borb. T. VII. Tav. 55 и T. XI. Tav. 3.; на рельефахъ у Монфокона: Ant. Expl. T. I. Pl. 93, 4. Foggini: Mus. Capit. T. IV. p. 77. и Lajard: Culte de Mithra Pl. 78.; на одной картинѣ Ватиканской рукописи Виргилія № 3225 у Ман: Pict. Virg. Tab. 12.

2) Nouv. Ann. de l' Inst. arch. Pl. 6. Gerhard: Archemoros und die Hesper. Taf. 2. Gargiulo: Rec. T. II. Pl. 45. Inghirami: Vasi fitt. Tav. 372. Creuzer: Symb. Th. III. H. 1. Taf. 10. Guignaut: Rel. de l'ant. Pl. 207, 665 б.

3) Короткими волосами ни кто не затрудняется, кто сколько-нибудь знакомъ съ живописью на вазахъ. Изъ множества примѣровъ этого стиля привожу одинъ. Такіе-же волосы видимъ мы на Ахеморовой вазѣ у служанки, несомнѣнно женской фигуры, которая держитъ зонтикъ, и у Гипсипилы. Gargiulo: Rec. des monum. T. II. Pl. 44.

идеть на парѣ, а передъ нею верхомъ на лошади—мальчикъ съ факеломъ. Не смотря на этотъ нимбъ безъ лучей, и хотя рѣшительно не понятно, какъ попали сюда Гелиосъ и Фосфоръ, всѣ объяснители однако считаютъ дѣломъ рѣшеннымъ, что тутъ являются именно эти два божества. Между тѣмъ всякому извѣстно, какъ тѣсно связанъ Гесперъ съ Атлантомъ и Гесперидами, и что къ нему естественно идти въ товарищи не Гелиосъ, а Селена. И въ самомъ дѣлѣ, рисовальщикъ вазъ удостоверяетъ въ этомъ одинаковой во всемъ существенномъ композиціей картины и подписью ¹⁾. И такъ здѣсь, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло не съ Гелиосомъ, а съ Селеной, а тогда и отсутствіе лучей у нимба совершенно оправдывается.

Не такъ опредѣлительно рѣшается вопросъ о рисункѣ на другой вазѣ въ томъ-же музеѣ ²⁾. Тамъ парящую впереди крылатую женскую фигуру одинаково можно принимать и за ночь и за Эосъ. Но четверня можетъ принадлежать только Гелиосу, а не Селенѣ ³⁾. Потому здѣсь нужно вновь тщательно изслѣдовать оригиналъ, чтобы рѣшить, не стерлись ли только лучи, бывъ первоначально нарисованы бѣлою краской. Я хотя и видѣлъ эту вазу, но ничего въ этомъ отношеніи не замѣтилъ.

Если, наконецъ, рисунокъ монеты индо-скинскаго царя Эрки ⁴⁾, сообщаемый Вильсономъ, представляетъ нимбъ безъ лучей, то, принимая въ соображеніе, что даже на другихъ полуварварскихъ монетахъ этого царя строго и безъ исключенія соблюдается различіе между лучезарнымъ сіяніемъ и нимбомъ безъ лучей, нельзя сомнѣваться, что на этой необыкновенно малой монетѣ тонкія острія лучей стерлись, либо были недосмотрѣны рисовальщикомъ.

Фосфоръ.

Лучезарный вѣнецъ, на вазѣ мюнхенскаго собранія. Millin: *Tomb. de Canose Pl. 5. Inghirami: Vari fitt. Tav. 394. Ger-*

1) Wieseler: *Denkm. Th. II. № 828.*

2) Gerhard: *Lichtgotth. Taf. 2. Mon pubbl. dall' Inst. arch. T. IV. Tav. 16.*

3) Сколько я знаю, только однажды встрѣчается четверня съ Селеной. Малала: *Chronograph. p. 261. ed. Dind.* говоритъ о Веспасіанѣ: *Στήσας ἄνεσ στήλην χαλκῆν εἰς τιμὴν τῇ σελήνῃ μετὰ τεσσάρων ταύρων προσεχόντων ἐπὶ τῇ Ἱερουσαλὴμ· νυκτὸς γὰρ αὐτὴν παρέλαβε λαμπροῦς τῆς σελήνης.* Но и здѣсь, по неопредѣленности выраженій, можно понимать дѣло иначе.

4) См. выше, стр. 33, въ прим. монету Эрки № 2.

hard: Lichtgotth. Taf. 3, 1. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 149ter. № 555^b.

Блескъ денницы, даже въ обыкновенномъ словоупотребленіи, выставляется такъ рѣзко ¹⁾, что надобно удивляться только воздержности, какую обнаруживаютъ художественныя изображенія Фосфора въ употребленіи соотвѣтствующаго атрибута.

Кронъ.

1. Нимбъ на обломкѣ, извѣстномъ только по рисунку Пейреска. Montfaucon: Ant. Expl. T. I. Pl. 224. Suppl. T. I. Pl. 17.

2. Лучезарный вѣнецъ на сердоликѣ. Imp. gemm. pubbl. dall' Inst. arch. arch. Cent. II, 4. Wieseler: Denkm. Th. II. № 802.

На № 1 до сихъ поръ видѣли изображеніе не Крона, а Зевса. Но одежда, расprostертая надъ головой фигуры, заставляетъ принять перваго. Что нимбъ этой картины относится собственно къ блеску извѣстной подъ этимъ именемъ планеты, ни кто не будетъ сомнѣваться; но я не нахожу основанія иначе понимать и рисунокъ рѣзнаго камня № 2, такъ какъ на рѣзныхъ камняхъ римскаго времени астрономическія изображенія были необыкновенно часты. Визелеръ расположенъ видѣть въ лучезарномъ вѣнцѣ этого рѣзнаго камня намекъ на свойство Крона, какъ бога солнечнаго зноя, чѣмъ Кронъ въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣйствительно былъ. Но я очень опасаясь, что этимъ толкованіемъ сочинителю этого бѣднаго рисунка приписывается такая глубина премудрости, о какой онъ и не думалъ.

Акеста.

Нимбъ въ ватиканской рукописи Виргилія № 3867. Mai: Pict. Virgil. Tab. 40. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63.

Всякій согласится безъ дальнѣйшихъ справокъ, что нимбъ не означаетъ здѣсь ничего другаго, кромѣ желанія—сверхъестественнымъ блескомъ представить Акеста выше обыкновенныхъ смертныхъ.

1) Paulus Dias. стр. 104: *Jubar stella, quam Graeci appellant φωσφόρον vel ἑσπερον, hoc est lucifer, quod splendor ejus diffunditur in modum jubar leonis*. Ср. съ этимъ Сервія на Аен. IV, 130 и приведенное О. Мюллеромъ на слова Павла Діака.

Ахиллесъ.

Лучезарный вѣнецъ на рѣзномъ камнѣ, прежде принадлежавшій Боттари. Вгасси: *Mem. degli incis.* Т. I. Tav. agg. 5, 1.

На этомъ камнѣ повторяется извѣстное изображеніе Хирона, который учитъ юнаго Ахиллеса играть на лирѣ. Не смотря на необыкновенный лучезарный вѣнецъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что и здѣсь сохранено обыкновенное значеніе этой сцены. Другіе извѣстные ученики Хирона, конечно, не больше Ахиллеса имѣли права на это отличіе; а попытка Браччи найти отношеніе къ Аполлону не имѣетъ для себя поддержки ни въ одномъ изъ извѣстныхъ сказаній. Чтобы рѣзчикъ принималъ во вниманіе три выше (стр. 13, 14) приведенныя мѣста у Гомера, вовсе не вѣроятно, такъ какъ къ изображенному здѣсь положенію лучезарный вѣнецъ идетъ вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ объ этомъ Гомеръ. Скорѣе всего по выше (стр. 33) приведеннымъ аналогіямъ надобно полагать, что художникъ имѣлъ въ виду блескъ цвѣтущей молодости.

Адонисъ.

Лучезарный вѣнецъ на помпейской стѣнной картинѣ. Gell: *Romprejana* 1817. Pl. 41. Schulz: *Bull. dell'Inst. arch.* 1841 p. 104, говоритъ объ нимбѣ.

Хотя у юноши, представляемаго, помощію двухъ дротиковъ, охотникомъ, не видно обыкновеннаго въ другихъ изображеніяхъ тойже сцены намека на рану, однако вовсе не можетъ подлежать сомнѣнію, что здѣсь разумѣется Адонисъ, потому что стоящая противъ него женщина, сопровождаемая Эротомъ, своею наготой довольно ясно даетъ узнать въ себѣ Афродиту. Художникъ взялъ здѣсь для изображенія не смерть Адониса прямо, какъ обыкновенно бываетъ въ другихъ картинахъ этого содержанія, но предшествующій моментъ, когда богиня, какъ достаточно показываетъ ея осанка, вовсе неидушая къ той катастрофѣ, влекомая страстною любовью, приближается къ своему любимцу, отдыхающему послѣ охоты.

Что греческій Адонисъ произошелъ изъ азіатскаго бога солнца¹⁾, конечно, нельзя сомнѣваться, какъ бы ни были различ-

1) Ср. именно *Movers: Phoenizier* Th. I. стр. 211 и слѣд., 542.

ны мнѣнія о частностяхъ этого вопроса. Но многочисленныя и обстоятельныя толки у писателей, равно и немалое количество художественныхъ изображеній, вполне удостовѣряють насъ, что въ то время, къ которому относится разсматриваемая стѣнная картина, уже давно забыли первоначальное значеніе Адониса и видѣли въ немъ только любимца Афродиты, отличающагося юношескою красотою и своею знаменательною для людей судьбою ¹⁾. Поэтому въ сочинителѣ этой картины, снабдившемъ, противъ обыкновенія, голову Адониса лучезарнымъ вѣнцомъ или нимбомъ, пельзя предполагать никакой другой мысли, кромѣ желанія наглядно изобразить ослѣпительную юношескую свѣжесть и красоту (см. выше, стр. 33). Конечно, на снимкѣ видна надъ головою юноши звѣзда; но она обозначена лишь чрезвычайно слабо, и Шульцемъ, который видѣлъ эту картину, осталась даже не замѣченною, такъ что ея присутствіе въ подлинникѣ не совсѣмъ еще достовѣрно. Если же впрочемъ она дѣйствительно есть, то подъ нею разумѣтся безъ сомнѣнія звѣзда Венеры ²⁾ съ указаніемъ на значеніе, какое приписывали ей при сочетаніи жениха съ невестой (Catull. 62).

Эней.

1. Нимбъ въ ватиканской рукописи Виргилія № 3867. Bartoli: Pict. Virg. Vat. Tab. 37. Spon: Misc. erud. ant. p. 306. Montfaucon: Ant. Expl. T. III. Pl. 58. Millin: Gal. Myth. Pl. 176. № 647*. Mai: Pict. Virg. Tab. 22. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63. Guigniaut: Rel. del'ant. Pl. 250. № 864. Milman: Horatii Opera стр. 392.

2. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Virg. Tab. 40. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63.

1) Если же Адонисъ раза два у писателей гораздо позднѣйшаго времени (Macrobian. Saturn: I, 24. Martian Capella: De nupt. phil. II, 192) дѣйствительно выставляется солнцемъ, то это, очевидно, не въ слѣдствіе непрерывнаго преданія, а на основаніи позднѣйшихъ самостоятельныхъ умствованій, которымъ здѣсь легко было попасть на правду.

2) Virg.: Aen. VIII, 589 и слѣд.

*Qualis, ubi Oceani perfusus Lucifer unda,
Quem Venus ante alios astrorum diligit ignis,
Extulit os sacrum coelo tenebrasque resolvit.*

Къ этимъ картинамъ идетъ тоже, что сказано было объ Акестѣ.

Беллерофонтъ.

Лучезарный вѣнецъ на вазѣ въ собраніи великаго герцога пармскаго. Jahn: Arch. Beitr. Taf. 5.

Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстна эта картина, всѣ считаютъ дѣломъ рѣшеннымъ, что Беллерофонтъ первоначально былъ богомъ солнца, на томъ основаніи, что лучезарный вѣнецъ издавна принято считать за отличительный признакъ боговъ солнца¹⁾. Не упустили подтвердить это значеніе героя и этимологіей его имени, и истолковать въ этомъ смыслѣ отдѣльныя черты сказанія. Что касается послѣднихъ, то даже послѣдователи этого мнѣнія принуждены сознаться, что сами по себѣ онѣ не имѣютъ доказательной силы, потому что по меньшей мѣрѣ столь-же легко допускаютъ нѣсколько другихъ объясненій, и только тогда могли бы быть понимаемы прямо въ этомъ смыслѣ, когда солнечное значеніе Беллерофонта было бы доказано другимъ путемъ. Но этимологія имени была бы важнѣе, еслибы дѣйствительно выведена была строгимъ путемъ науки и давала въ результатѣ указаніе на солнечное существо героя безъ всякой двусмысленности. Не таковы однако были этимологіи имени Беллерофонта. Попытку Г. А. Фишера (Bellerophon стр. 86), конечно, нельзя пройти молчаніемъ; но Поттъ²⁾ предложилъ уже совсѣмъ иное объясненіе, производя имя Беллерофонта отъ индійскаго *Urtrahán*. Этотъ заслуженный лингвистъ въ послѣднее время смѣло пускался въ чуждую ему область греческихъ сказаній, безъ всякаго самостоятельнаго изслѣдованія, и благодаря своему авторитету, можетъ причинить только большой вредъ дѣлу. Къ счастью, Максъ Мюллеръ³⁾ уже доказалъ несосто-

1) Г. А. Фишеръ (Bellerophon, стр. 86) говоритъ о лучезарномъ вѣнцѣ: «*welches Zeichen nur einem Sonnengotte zukommt*»; Преллеръ (Griech. Myth. Th. II. стр. 58): «*wodurch er vollends deutlich als der streitbare Sonnenheld charakterisirt wird*»; Дункеръ (Geschichte des Alterthums Th. II. стр. 116): «*da die Strahlen der Sonne sein, (des Bellerophon) Haupt umgeben, muss er ein Geist des Lichts sein*»; къ этому надо прибавить, что Дункеръ, по своей поверхностной манерѣ, изъ одной этой картины на вазѣ дѣлаетъ *многоразличные* изображения.

2) Zeitschrift für vergl. Sprachforsch. Th. IV. стр. 416.

3) Zeitschrift für vergl. Sprachforsch. Th. V. стр. 140.

тельность его мнѣнія, и я могу еще прибавить, что и Бетлингъ вполне согласенъ въ этомъ съ Мюллеромъ. По мнѣнію самого Мюллера, имя Беллерофонта значить *убійцу мохнатого чудовища*, разумѣя подъ мохнатымъ чудовищемъ облако, и убійцею его принимая солнце. Но положимъ, что разложеніе имени сдѣлано Мюллеромъ правильно, хотя всякій безпристрастный найдетъ это разложеніе по меньшей мѣрѣ покуда ненадежнымъ; все-же дальнѣйшія два заключенія Мюллера касательно облака и солнца, оставаясь безъ всякаго ручательства для разсматриваемаго случая ¹⁾, очевидно, сдѣланы изъ предрасположенія къ солнечному значенію Беллерофонта, которое, по его мнѣнію, уже доказано другимъ путемъ, тогда какъ всякій видитъ, что *убійцу мохнатого чудовища* съ такимъ-же или еще съ большимъ правомъ можно понимать совсѣмъ иначе. И кто не замѣтитъ противорѣчія, въ которое впадаетъ Мюллеръ: выставляя противъ Потта (какъ кажется, совершенно справедливо), что имя Беллерофонта образовалось у Грековъ уже по отдѣленіи ихъ отъ Аріійцевъ, и указывая, что слово *villosus*, сопоставляемое Поттомъ съ *βελλερο*, Римляне употребляли преимущественно о чудовищахъ, какъ *Cacus, Medusa* и др., въ которыхъ ничего нѣтъ общаго съ облаками, Мюллеръ старается однако подкрѣпить отношеніе *βελлερο* *мохнатый* къ облакамъ только индійскими аналогіями. Воздадимъ же долгъ правдѣ и сознаемся, что этимологія имени Беллерофонта еще далека отъ научной достовѣрности и даже вѣроятности, и что этимъ путемъ всего меньше можно упрочить за героемъ желаемое первоначальное значеніе солнечнаго бога.

Изъ этого уже выходитъ, что мы не имѣемъ никакого права лучезарный вѣнецъ, съ самаго начала его употребленія имѣвшій гораздо обширнѣйшее значеніе, у Беллерофонта принимать прямо за признакъ солнечнаго существа, и что напротивъ мы

1) Этимъ конечно не отвергается тотъ извѣстный фактъ, что барашъ или баранья шкура у Грековъ не рѣдко служили символомъ облака. Но при этомъ съ одной стороны принималась въ расчетъ, кажется, больше одинаковая плодovitость, нежели сходство во внѣшнемъ явленіи; а тамъ понятіемъ *мохнатого* дается вѣсь именно послѣднему. Съ другой стороны, отношеніе мохнатого чудовища къ облаку въ имени Беллерофонта тѣмъ больше нуждалось бы въ подтвержденіи самымъ сказаніемъ, чѣмъ естественнѣе разумѣть подъ мохнатымъ чудовищемъ Химеру.

должны смотрѣть безъ предубѣжденія, на какое значеніе указываютъ намъ ближайшія къ настоящему случаю аналогіи. Ктому-же, еслибы Беллерофонтъ и былъ первоначально богомъ солнца, то по крайней мѣрѣ въ то время, когда сочинена рассматриваемая картина, въ сознаніи древнихъ уже исчезло всякое воспоминаніе объ этомъ первобытномъ значеніи, какъ удостоверяютъ насъ всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства писателей и произведенія искусствъ. Какимъ же образомъ въ такое позднее, сравнительно, время художникъ, расписывавшій вазы, могъ бы дойти до такого глубокомыслія? Само сказаніе вовсе недвусмысленными чертами наводитъ на иную мысль о происхожденіи Беллерофонта. Отецъ его былъ Посидонъ или Главкъ, то-есть личность, происшедшая отъ Посидона чрезъ отложеніе его эпитета; его мать называется Эвримедой или Эвриномой: имена эти, точно также какъ соотвѣтствующія имена Нереидъ и Океанидъ, также относятся навѣрное къ морю. Прибавимъ къ тому еще тѣсную связь его съ Пегасомъ, который представляетъ, очевидно, ту-же стихію. Кто же, зная обычай героическихъ сказаній, не былъ бы удивленъ въ высшей степени, еслибы Беллерофонтъ первоначально былъ солнечнымъ существомъ, а Коринѳяне связали бы его генеалогію не съ древнимъ служеніемъ ихъ Геліосу, а съ младшимъ Посидономъ и съ его кругомъ? Итакъ о Беллерофонтѣ съ нѣкоторою вѣроятностью можно сказать пока только то, что онъ не солнечный, а посидоновскій герой ¹⁾. Прочія черты сказанія столь-же легко истолковать въ этомъ, какъ и въ другихъ смыслахъ; я сознаюсь даже, мнѣ не легко понять солнечнаго героя, который напр. убиваетъ Химеру, то-есть, по собственному объясненію тѣхъ ученыхъ, вулканическія силы Ликіи, другими словами: мнѣ трудно понять героя, представляющаго огонь, который убиваетъ самаго себя въ другомъ видѣ ²⁾, тогда какъ вовсе не

1) Такъ всѣ думали до открытія рассматриваемой вазы, напр. Völcker: Mythol. des Japet. Geschlechts стр. 108 и дальше; O. Müller: Prolegomena стр. 273; Eckeremann: Lehrb. der Mythol. Th. II. стр. 71.

2) Такъ однакожъ выходитъ даже у Дункера: Geschichte des Alterthums Th. III. стр. 116; а выставленное мной затрудненіе онъ обходитъ такимъ путемъ, на которомъ онъ едва-ли будетъ имѣть товарища. Пламень изрыгающая Химера значить у него «*жранъ и туманъ зимы*».

нужды объяснять кому-либо, какъ можетъ случиться, что по-сидоновскій герой побѣждаетъ именно такого рода чудовище. Все это естественно располагаетъ насъ понимать лучезарный вѣнецъ на разсматриваемой вазѣ въ томъ значеніи, которое лучше солнечнаго будетъ подходить къ существу героя.

Разсмотримъ же теперь многочисленныя мѣста, въ которыхъ древніе поэты придаютъ героямъ во время битвъ сверхъестественное сіяніе (см. выше стр. 13); примемъ въ соображеніе именно вышеприведенное, столь обстоятельное мѣсто у Гомера (П. XVIII, 203 и слѣд.), гдѣ онъ изображаетъ бой Ахиллеса за тѣло Патрокла, и спросимъ: какимъ образомъ художникъ того времени, къ которому относится разсматриваемая ваза, могъ, по тогдашнему художественному обычаю, представить въ образахъ слова Гомера¹⁾; разсмотримъ еще вышеупомянутое изображеніе Протея (см. выше стр. 25 и 27) и припомнимъ, какъ древнее искусство обыкновенно изображало блескъ именно Сиріуса, съ которымъ Гомеръ въ двухъ изъ вышеприведенныхъ мѣстъ сравниваетъ свѣтъ, окружающій героевъ: мы конечно должны будемъ убѣдиться, что тогда это можно было сдѣлать именно только въ той формѣ, какая употреблена на разсматриваемой вазѣ при Беллерофонтѣ и что эту картину должно понимать не иначе какъ въ томъ самомъ смыслѣ, какой имѣютъ тѣ мѣста у Гомера. Мы уже не можемъ сомнѣваться, что художникъ, снабжая Беллерофонта въ битвѣ съ Химерой большимъ лучезарнымъ вѣнцомъ, слѣдовалъ тому-же самому представленію, какъ Гомеръ, у котораго головѣ Ахиллеса въ битвѣ его за трупъ Патрокла даетъ сіяніе Аѳины; однимъ словомъ, этимъ огненнымъ блескомъ въ подобныхъ случаяхъ поэты и художники хотѣли только представить дѣйствующими подъ особымъ покровительствомъ боговъ и приводящими своихъ враговъ въ ужасъ и на край гибели.

Художникъ, рисовавшій на вазахъ, могъ допустить эту черту, хотя бы она прямо не предписывалась ему сказаніемъ. Окружать героевъ, бившихся подъ покровительствомъ боговъ, въ

1) Позднѣйшій художникъ, рисовавшій миниатюры въ миланской рукописи Иліады, конечно, нашелся иначе поступить въ этомъ отношеніи при Діомедѣ. См. Mai: Pict. Hom. Tab. 16. 17.

рѣшительныя минуты сверхъестественнымъ блескомъ, очевидно было у древнихъ такимъ обыкновеннымъ представленіемъ, что художникъ долженъ былъ считать себя въ правѣ вводить подобный атрибутъ въ свою картину, хотя бы сказаніе или переработавшій оное поэтъ не уполномочивалъ его на это. Но художникъ, украсившій разсматриваемую вазу, могъ находить у какого-либо, до насъ недошедшаго поэта прямое указаніе. Очень естественно даже предполагать, что часто разсматриваемыя, но все еще не объясненныя слова Гомера (II. VI, 183):

Ζεῶν τράσσει πύρρος

содержать въ себѣ не иное что, какъ краткій намекъ на черту въ сказаніи о Беллерофонтѣ, совершенно сходную съ упомянутою чертой сказанія объ Ахиллесѣ, тѣмъ болѣе, что Аѳина столько-же, какъ Ахиллесу, была скорою на помощь покровительницей Беллерофонтѣ. Этой догадкѣ чувствуется подтвержденіе въ мозаикѣ изъ римскаго періода, найденной въ Отѣнѣ ¹⁾. Тамъ у Беллерофонта въ битвѣ съ Химерой нѣтъ лучезарнаго вѣнца, но есть вмѣсто того узкая полоса изъ платья, которая около головы и верхней части тѣла описываетъ полный кругъ. Я надѣюсь въ другомъ мѣстѣ подробно разсмотрѣть разныя символическія значенія, въ какихъ одежда въ этомъ видѣ почти безчисленно употребляется римскимъ искусствомъ; тамъ будетъ кстати собрать дальнѣйшія указанія, которыя хотя не ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, однакожъ дѣлаютъ довольно вѣроятнымъ, что одежда въ этомъ видѣ иногда имѣла назначеніемъ замѣнять нимбъ или лучезарный вѣнецъ. Здѣсь довольно указать на то, что такое согласіе гораздо позднѣйшаго художника съ рисовальщикомъ вазъ при совершенномъ различіи формы можетъ придавать нѣкоторую вѣроятность догадкѣ о томъ, что это согласіе основывается на какомъ-нибудь преданіи, которое не сохранено для насъ ясно писателями.

Пусть впрочемъ вопросъ остается нерѣшеннымъ. Но можно рѣшительно сказать, что увѣренность, съ какою въ послѣднее время объявляли Беллерофонта солнечнымъ существомъ, по

1) Рисунки изданы въ Illustrated London News 20 іюля 1850 и въ Ann. dell' Inst. arch. 1854, стр. 44.

меньшей крайней мѣрѣ преждевременна, что теперь еще нѣтъ ничего въ пользу этого мнѣнія и что во всякомъ случаѣ лучезарный вѣнецъ на разсматриваемой вазѣ имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ.

Битіасъ.

Нимбъ въ ватиканской рукописи *Виргилія* № 3867. Bartoli: Pict. Virg. Tab. 37. Spon: Misc. erud. ant. стр. 306. Montfaucon: Ant. Expl. T. III. Pl. 58. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63. Millin: Gal. Myth. Pl. 176. № 647*. Mai: Pict. Virg. Vat. Tab. 22. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 250. № 864. Milman: Horatii Op. стр. 392.

Гелимъ.

Нимбъ въ ватиканской рукописи *Виргилія* № 3867. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63. Mai: Pict. Virg. Vat. Tab. 40.

Какъ о Битіасѣ, такъ и о Гелимѣ надобно сказанія тоже, что замѣчено объ Энеѣ.

Геракль.

Лучезарный вѣнецъ на сердоликѣ во флорентійскомъ собраніи. Gori: Thes. gemm. astrif. T. I Tab. 121.

Здѣсь можно оставить нерѣшеннымъ, хранилось ли непрерывнымъ преданіемъ хотя бы въ тѣсномъ кругу болѣе или менѣе ясное воспоминаніе о томъ несомнѣнномъ фактѣ, что Геракль первоначально былъ азіатскимъ богомъ солнца, не смотря на неисчерпаемое обиліе представленій совсѣмъ другого рода, которымъ греческое сказаніе заглушило и устранило то первоначальное значеніе героя. Вслѣдствіе ли такого, постоянно жившаго преданія, или вслѣдствіе позднѣйшаго, самостоятельнаго соображенія, во всякомъ случаѣ это значеніе Геракла такъ часто и такъ рѣшительно высказывается писателями времени имперіи ¹⁾, что вовсе неудивительно, если что-нибудь изъ

1) Никомакъ у Лавр. Лид. IV, 46: 'Ηρακλῆς δὲ ὁ χρόνος παρὰ τῷ Νικομάχῳ εἴρηται, ἀλλὰ μὴν καὶ Ἥλιος, λέγοντι οὕτως: 'Ηρακλῆς μὲν οὖν ὁ τὴν περὶ τὴν αἶρα κλάσιν τῇ τῶν ὡρῶν περιτροπῇ ποιούμενος, τοῦτέστιν Ἥλιος. Порфирій у Евсевія: Πραераг. Evang. III, 11. Καθὼ δὲ ἀπαλεξίκαχός ἐστι τῶν ἐπιγείων ὁ Ἥλιος, Ἡρακλέα αὐτὸν προσέειπον ἐκ τοῦ κλάσαι αὐτὸν πρὸς τὸν αἶρα, ἀπ' ἀνατολῆς εἰς δύσιν ἰόντα. Macrobi.: Saturn. I, 20, 6. Sed neque Hercules a substantia

этихъ представлений перешло въ болѣе обширный кругъ, именно къ рѣзчикамъ на дорожныхъ камняхъ, такъ охотно усвоившимъ новыя воззрѣнія, тогда заимствованныя съ востока и распространенныя на западѣ. Конечно, Гори считалъ болѣе вѣроятнымъ, что на означенномъ сердоликѣ, очевидно, принадлежащемъ этому позднѣйшему періоду, лучезарный вѣнецъ и пять звѣздъ приданы Гераклу для того, чтобы вообще обозначить его обоготвореніе. Но для изображенія божественности Геракла вообще, безъ примѣси понятія о солнцѣ, древнее искусство, какъ извѣстно, пустило въ ходъ рядъ другихъ, болѣе выразительныхъ формъ. Потому я не сомнѣваюсь, что рѣзчикъ этого камня имѣлъ въ головѣ именно громко тогда заявленную мысль о тождествѣ Геракла съ Геліосомъ и употребилъ лучезарный вѣнецъ прямо для того, чтобы представить Геракла богомъ солнца. Для дальнѣйшаго обозначенія мысли о небесныхъ свѣтилахъ вообще присовокупилъ онъ и звѣзды, и если поставилъ ихъ пять только по небрежности, вмѣсто шести, то даже и въ этомъ былъ бы прямой намекъ на солнце, потому что по этому предположенію онѣ, вмѣстѣ съ Геракломъ, представляли бы семь планетъ.

Труднѣе сдѣлать определенное заключеніе объ одномъ изъ этрусскихъ зеркалъ ¹⁾. Здѣсь невыразимая грубость, при аналогіи другихъ грубыхъ изображеній на зеркалахъ ²⁾, оставляетъ насъ въ недоумѣніи даже насчетъ того, хотѣлъ ли мастеръ дѣйствительно представить лучи, или эти линіи проведены безъ всякой мысли. Если онъ дѣйствительно имѣлъ въ мысляхъ лучи, то трудно сказать, въ какомъ значеніи онъ употребилъ ихъ, потому что на Гераклѣ, въ которомъ можно признать скорѣе Іолая, нежели, съ Герардомъ, Аполлона, мы видимъ такое же головное украшеніе, а на Аэянѣ его нѣтъ. Къ счастью,

solis alienus est; quippe Hercules ea est solis potestas, quae humano generi virtutem ad similitudinem praestat deorum. Тамъ-же § 10. *Et revera Herculem solem esse vel ex nomine claret. — Praeterea sacrorum administrationes apud Aegyptios multiplici actu multiplicem dei adserunt potestatem, significantes Herculem hunc esse τὸ ἐν πᾶσι καὶ διὰ πάντων ἥλιον.*

1) Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 163.

2) Нанп. Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 173.

наука едва ли много потеряетъ, если не достигнетъ опредѣленнаго результата касательно такого грубаго издѣлія.

Наконецъ надобно еще упомянуть о бронзовой монетѣ, чеканенной въ Александріи при Антонинѣ Благочестивомъ, на которой, по указанію Сестини ¹⁾, Гераклъ является съ лучезарнымъ вѣнцомъ. Такъ какъ для представленной здѣсь сцены Гераклъ, какъ богъ солнца, вовсе бы не годился, то лучи, если они дѣйствительно есть, должны имѣть болѣе общее значеніе. Но здѣсь мы едва ли не встрѣчаемся опять съ однимъ изъ безчисленныхъ примѣровъ легкомыслія Сестини, которое слишкомъ часто не ставятъ въ вину люди, мало занимающіеся монетами. Хорошо сохранившійся экземпляръ той-же монеты (только годъ другой, что опять, вѣроятно, падаетъ на счетъ Сестини) въ чрезвычайно тщательномъ и надежномъ рисункѣ у Цоэги ²⁾ не имѣетъ лучезарнаго вѣнца.

Фриксъ.

Нимбъ на помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. II. Tav. d'agg. A.

Смыслъ сказанія о Фриксѣ опредѣляется этимологіей имени и родствомъ героя такъ ясно ³⁾, что нимбъ, которымъ онъ снабженъ на указанной картинѣ, едва ли удастся отнести къ особенному существу его. Еслибы имѣлось въ виду его особенное существо, то живописецъ, напротивъ, долженъ бы былъ отказать ему въ нимбѣ и дать Геллѣ; или онъ снабдилъ бы имъ обоихъ, чтобы выставить блескъ цвѣтущей молодости. Такимъ образомъ здѣсь оказывается намѣреніе только выставить Фрикса главнымъ и важнѣйшимъ лицомъ въ картинѣ и этимъ примѣромъ оправдывается подобная догадка о другихъ произведеніяхъ художества, которыя сами не представляютъ въ себѣ рѣшительныхъ признаковъ для такого заключенія.

Піамъ.

Нимбъ въ ватиканской рукописи Виргилія № 3867. Bartoli:

1) Mus. Hederv. Contin. della terza parte p. 84. № 20. Mionnet: Suppl. T. IX. p. 71. № 268.

2) Num. Aegypt. p. 176. Tab. 11.

3) Preller: Griech. Myth. Th. II. стр. 210.

Pict. Virg. Vat. Tab. 52. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63. Mai: Pict. Virg. Tab. 23.

Какъ Фриксъ на выше объясненной картинѣ, такъ здѣсь Пріамъ и Гекуба нимбомъ выставляются только главными и знатнѣйшими лицами предъ другими Троянцами.

Мао.

I. Въ мужескомъ видѣ.

1. Нимбъ на мѣдной монетѣ индо-скинскаго царя Канерки. Wilson: Ariana ant. Pl. 11, 21. Lassen: Indische Alterthumsk. Th. II. стр. 838. № 5.

2. Нимбъ, сбивающійся на полумѣсяцъ, на мѣдной монетѣ того-же царя. Wilson: Ariana Pl. 12, 13. Lassen: Ind. Alterth. T. II. стр. 838. № 11.

3. Нимбъ, болѣе или менѣе сбивающійся на полумѣсяцъ, на мѣдныхъ монетахъ индо-скинскаго царя Эръ-Кенорано. Wilson: Ariana Pl. 13. № 4. 10. 13. 14. 18. Lassen: Ind. Alterth. Th. II. стр. 867. № 1. 6. 10.

Никто не будетъ сомнѣваться, что рѣзчикъ штемпеля, снабжая нимбомъ древне-иранскаго бога луны, преимущественно имѣлъ въ головѣ кроткій свѣтъ луны. Впрочемъ этотъ нимбъ опредѣленно выполненъ только на монетѣ № 1. А на монетахъ подъ № 2 и 3 въ грубыхъ очертаніяхъ одинаково можно разумѣть какъ полумѣсяцъ, такъ и нимбъ, и рѣшительно опредѣлить то или другое тѣмъ труднѣе, что на другихъ монетахъ какъ царя Эрки ¹⁾, такъ и Канерки ²⁾ богъ Мао ясно снабженъ полумѣсяцемъ ³⁾.

1) Золотая монета у Вильсона: Ariana ant. Pl. 14, 6. Thomas: Journ. of the R. As. Soc. T. XII. Pl. 4, 10. Lassen: Ind. Alterth. T. II стр. 833. № 5. Lenormant: Trés. de num. Rois grecs Pl. 79, 11.

2) Золотая монета у Вильсона Ariana Pl. 12. 1. Lassen: Ind. Alterth. Th. II. стр. 837. № 4. Lenormant: Trés. de num. Rois grecs. Pl. 80, 1.

3) На монетахъ трапезунтскихъ и трапезопольскихъ (Patin: Num. Imp. Rom. p. 265. Jobert: La science des méd. T. I. Pl. 10, 8. Ramus: Cat. num. mus. reg. Dan. T. I. p. 195, 1. Fröhlich: Quatuor tentam. p. 246. Gessner: Num. Imp. Tab. 127, 84. 136, 43. Eckhel: Cat. mus. caes. Vindob. T. I. p. 138, 1. Sestini: Lettere num. contin. T. VII. p. 34. № 2. 3. 5. Mionnet: Descr. T. III. p. 389, 495. Suppl. T. IV. p. 456. № 210. 212. 213. 216. Lajard: Culte de Mithra Pl. 67, 3) хотѣли видѣть мужскаго бога луны азіатской религіи даже во фригійской шапкѣ съ лучами и на этомъ былъ основанъ рядъ самыхъ

II. ВЪ ЖЕНСКОМЪ ВИДѢ.

Лучезарный вѣнецъ, на мѣдной монетѣ, выбитой при Септимиѣ Северѣ въ Команѣ. Millingen: *Ancient coins of cities and kings*, стр. 67. Pl. 5. 4. Sestini: *Mus. Hederv. T. II. p. 14. Tav. 16, 2. Mionnet: Suppl. T. IV. p. 446, 166.*

Каппадокійской ли Команѣ принадлежитъ эта монета, или Понтійской, какъ думаютъ названные ученые, для нашего изслѣдованія все равно. О послѣдней мѣстности Страбонъ (Geogr. XII, 557) рассказываетъ слѣдующее: «Υπὲρ δὲ τῆς Φαναρείας ἐστὶ τὰ Κόμανα τὰ ἐν τῷ Πόντῳ, ὁμώνυμα τοῖς ἐν τῇ μεγάλῃ Καππαδοκίᾳ καὶ τῇ αὐτῇ θεῷ κατερωμένα, ἀφιδρυθέντα ἐκείθεν, σχεδὸν δέ τι καὶ τῇ ἀγωγῇ παραπλησίᾳ κεχρημένα τῶν τε ἱερουργιῶν καὶ τῶν θεοφοριῶν καὶ τῆς περὶ τοὺς ἱερέας τιμῆς καὶ μάλιστα ἐπὶ τῶν πρὸ τοῦ βασιλέων, а о первой (Geogr. XII, 535): 'Εν δὲ τῷ Ἀντιταύρῳ τούτῳ βαθεῖς καὶ στενοὶ εἰσὶν αὐλῶνες, ἐν οἷς ἱδρυται τὰ Κόμανα καὶ τὸ τῆς Ἐνυοῦς ἱερόν, ὃ ἐκείνοι Μᾶ ὀνομάζουσι. Изъ этого сравненія Команской богини съ Греческою Энїо выходить, что ее представляли тогда прежде всего дикою, воинственною богиней, и это подтверждается далѣе Гирціемъ, который называетъ ее Беллоной (De bello Alexandr. 66). По основному же понятію

несостоятельныхъ предположеній, именно Штреберомъ, хотя въ другихъ случаяхъ онъ такъ разсудителенъ (см. Abh. der kön. bayer. Akad. der Wissensch. 1835 Th. I. стр. 185), и они, къ сожалѣнію, повторены Герардомъ (Arch. Zeit. 1854. стр. 209 и слѣд.). Здѣсь довольно замѣтить, что болѣе или менѣе острые зубцы, которые въ этомъ случаѣ сочли нужнымъ принять за лучи свѣта, неизчислимо часто встрѣчаются на верхнемъ краю той-же головной покрывки у Амазонокъ (Inghirami: Vasi fitt. Tav. 226. Bull. Nap. N. Ser. T. II. Tav. 4), у Медей (Inghirami: Vasi fitt. Tav. 388. Mon. pubbl. dall' Inst. arch. T. V. Tav. 12), у Персей (Inghirami: Vasi fitt. Tav. 366.), у Париса (Mon. pubbl. dall' Inst. arch. T. IV. Tav. 18. Overbeck: Heroen-Gall. Taf. 10, 5.), у Радамантиды и Тантала (Wieseler: Denkm. Th. I. № 275.) у Ээта (Inghirami: Vasi fitt. Tav. 388.), у Приама (Mon. pubbl. dall' Inst. arch. T. V. Tav. 11.), у Дарей (Arch. Zeit. 1857. Taf. 103.) и у многихъ другихъ лицъ, съ особеннымъ сходствомъ формы въ изображеніи Аримасповъ (Bull. Napol. N. Ser. T. V. Tav. 9.), на двухъ неизвѣстныхъ азіатскихъ лицахъ (Bull. Napol. N. Ser. T. V. Tav. 13) и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ никому еще не приходило въ голову, и совершенно справедливо, выдавать за лучи свѣта зубчатое украшеніе кидариса, или какъ бы ни назывался этотъ покровъ головы, и трудно было бы сказать, что могло бы въ этихъ случаяхъ давать право такъ перетолковать дѣло и основываясь на этомъ превращать понтійскаго и карійскаго бога луны въ бога солнца. Какъ поступало древнее искусство, когда ему приводилось сочетать лучи свѣта съ фригійскою шапкой, можно видѣть ниже на двухъ изображеніяхъ Гекаты.

она была богиней луны и сдѣлалась богиней войны только по причинѣ своего страшнаго характера, какъ видно изъ сообщеннаго Страбономъ ¹⁾ сказанія объ основаніи ея капища, и изъ атрибута ея, полумѣсяца, на одной монетѣ Каппадокійской Команы ²⁾. Такимъ образомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія и на счетъ существеннаго въ туземномъ имени, которое въ приведенныхъ мѣстахъ Страбона испорчено (въ рукописи въ одномъ мѣстѣ пробѣлъ, въ другомъ стоитъ μάων, въ третьемъ χόρανα), хотя я считаю болѣе вѣроятнымъ, что Страбонъ употребилъ Зендскую форму Мао, чѣмъ Санскритскую Мас ³⁾, какъ до сихъ поръ было принято.

На монетѣ, указанной нами въ началѣ параграфа, богиня рѣшительно изображена страшнымъ божествомъ войны. Въ одной рукѣ она держитъ большой щитъ, въ другой — тяжелую палицу. Стало быть, намъ предстоитъ теперь рѣшить, не указываетъ ли и лучезарный вѣнецъ, вмѣстѣ съ этими атрибутами, на дикій, губительный характеръ богини войны, какъ въ выше (стр. 21) приведенныхъ примѣрахъ, или онъ изображаетъ тихій свѣтъ луны. Я не колеблюсь объявить свое мнѣніе рѣшительно въ пользу перваго, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ни одного примѣра, чтобы греческое или римское искусство обозначало лучезарнымъ вѣнцомъ кроткій свѣтъ луны.

1) Geogr. XII. 535. τὰ δὲ ἱερὰ ταῦτα δοκεῖ Ὀρέστης μετὰ τῆς ἀδελφῆς Ἰφιγενείας κορίσαι δεῦρο ἀπὸ τῆς Ταυρικῆς Σχυθίας, τὰ τῆς Ταυροπόλου Ἀρτέμιδος, ἐν ταύτῃ δὲ καὶ τὴν κέντρικον κομὴν ἀποδέσσει, ἀφ' ἧς καὶ τοῦνομα τῇ πόλει. Еще подробнѣе и лишь съ несущественными перемѣнами рассказано это-же сказаніе у Прокопія De bello Pers. I, 17. p. 88. De bello Goth. IV, 5. p. 480. ed. Dind.

2) Sestini: Mus. Hederv. T. II. p. 376. Tav. 28, 3. Mionnet: Suppl. T. VII. p. 711, 308. Хотя Сестини принимаетъ настоящіе коровьи рога, но его снѣжокъ оставляетъ это по меньшей мѣрѣ вовсе не рѣшеннымъ и сверхъ того этимъ доказывалось бы тоже самое.

3) Въ женскомъ видѣ находимъ мы древне-иранское божество луны и на монетахъ индо-скинскаго царя Эрки. Lassen: Ind. Alterth. T. II. стр. 834. № 10 и стр. 839. Но совершенно непонятно, какъ Штреберъ (Abhandl. der kbn. bayer. Akad. der Wissensch. 1835. Th. I стр. 183) могъ утверждать, что команское божество луны на разсматриваемой монетѣ изображено мужчиной въ женскомъ платьѣ. На монетѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда мужскаго пола, а другія свидѣтельства, нами приведенныя, не оставляютъ никакого сомнѣнія о женскомъ полѣ божества.

Фаро.

Нимбъ на золотой монетѣ индо-скиѣскаго царя Эрки. Wilson: *Ariana* Pl. 14, 3. Thomas: *Journ. of. the R. Asiat. Soc.* T. XII. Pl. 6, 2. Lassen: *Ind. Alterth. Th.* II. стр. 833. № 3. стр. 842.

Существо этого древне-иранскаго бога еще вовсе не извѣстно. Справедливо ли Лассенъ выводитъ изъ имени значеніе бога дождя, предоставляю судить лингвистамъ. Поэтому, конечно, еще менѣе можно сказать опредѣленно о значеніи приданнаго ему нимба.

Аргеосъ.

1. Лучезарный вѣнецъ, на серебряной монетѣ, выбитой въ Кесаріи Каппадокійской въ царствованіе Тиберія. Morelli: *Thes. Imp.* T. I. стр. 568. Tab. 86, 38. Wiczay: *Mus. Hederv.* № 5511. Sestini: *Mus. Hederv.* T. II. стр. 364. Mionnet: *Suppl.* T. VII. стр. 660. № 13.

2. Лучезарный вѣнецъ, на кесарійской мѣдной монетѣ, выбитой во время Домиціана. Wiczay: *Mus. Hederv.* № 5513. Sestini: *Mus. Hederv.* T. II. стр. 366. № 17. Mionnet: *Suppl.* T. VII. стр. 665. № 35. 36.

3. Лучезарный вѣнецъ, на кесарійской серебряной монетѣ, выбитой въ царствованіе Траяна. Sestini: *Mus. Hederv.* T. II. стр. 368. № 26. Mionnet: *Suppl.* T. VII. стр. 667. № 46.

4. Лучезарный вѣнецъ, на кесарійской мѣдной монетѣ, съ груднымъ изображеніемъ Юліи Домны. Mionnet: *Suppl.* T. VII. стр. 684. № 154.

Каппадокійская гора Аргеосъ, изображеніе которой въ естественномъ видѣ находится на многочисленныхъ монетахъ и рѣзныхъ камняхъ, считалась у древнихъ божествомъ ¹⁾. Кромѣ различныхъ прибавленій къ ея изображенію со стороны искусства, весьма часто на вершинѣ ея представляется муж-

1) Maxim. Tyr. *Diss.* VIII, 8. Ὅρος Καππαδοκίας καὶ εἰς καὶ ὄρος καὶ ἀγάλμα. Ср. Strabo XII, 538. Κεῖται γὰρ ὑπὸ τῷ Ἀργαίῳ ὄρει πάντων ὑψηλοτάτῳ καὶ ἀνέκλειπτον χιόνι τὴν ἀκρόρειαν ἔχοντι, ἀφ' ἧς φασιν οἱ ἀναβαίνοντες (οὗτοι δ' εἰσὶν ὀλίγοι) κατοπτρῆσθαι ταῖς αἰθρίαις ἄμφω τὰ πελάγη, τὸ τε Ποντικὸν καὶ τὸ Ἰασικόν. — Μικρὸν δ' ἔτι προϊούσι καὶ πυρὶληπτα πεδία καὶ μεστὰ βόδρων πυρὸς ἐπὶ σταδίους πολλοὺς, ὥστε κόρρωθεν ἡ κομιδὴ τῶν ἐπιτηδείων.

ская фигура обыкновенно въ стоячемъ, а иногда и въ сидячемъ положеніи. Одни принимаютъ эту фигуру за изображеніе Аполлона Дидимейскаго, другіе — за изображеніе императора, при которомъ выбита монета; наконецъ нѣкоторые думаютъ, что въ ней должно видѣть Зевса Аргейскаго. Первое мнѣніе не требуетъ никакого опроверженія, второе оказывается несостоятельнымъ при одномъ замѣчаніи, что означенное изображеніе встрѣчается и на рѣзныхъ камняхъ ¹⁾; наконецъ послѣднее мнѣніе естественно прежде всего нуждается въ свѣдѣтельствахъ, что сами древніе знали Зевса Аргейскаго ²⁾. Указаніемъ на этого бога можно бы было счесть орла, который изображается иногда не только на вершинѣ горы, но даже на рукѣ разсматриваемой фигуры, какъ показываетъ одно ³⁾ изображеніе; но присутствіе этой птицы въ такомъ случаѣ легко объясняется также ея естественною любовью къ высокимъ мѣстностямъ. Впрочемъ еслибы и было доказано, что древніе упоминаютъ о Зевсѣ Аргейскомъ, то и тогда слѣдовало бы предположить, что имя греческаго бога, которому преимущественно посвящены были вершины высочайшихъ горъ ⁴⁾, они перенесли на иноземное горное божество. Итакъ какъ бы оно ни называлось, каждый, взглянувъ на означенныя монеты безъ предубѣжденія, пойметъ, что разсматриваемая фигура есть не что иное, какъ по обыкновенію, глубоко укоренившемуся въ греческомъ искусствѣ ⁵⁾, олицетвореніе той-же самой горы, которая изображена въ своемъ естественномъ видѣ.

1) Напр. у Gori: Thes. gemm. astrif. T. I. Tab. 15.

2) Сочиненіе Hicely: Disp. de historia Cappadociae 1836, къ сожалѣнію, еще не было въ моихъ рукахъ, а потому я не знаю, на чемъ основывается общепринятое теперь предположеніе о «*Zeus Argaeos*».

3) Mionnet: Suppl. T. VII. стр. 685. № 159.

4) Max. Tyr.: Diss. VIII, 8. Ἐλεφάντιον δὲ καὶ διὰ ἀγάλματα οἱ πρῶτοι αὖ Ἐρῆτοι, κορυφαὶ δὲ ὄρων, Ὀλύμπου καὶ Ἰδίου καὶ ἐν τῷ ἄλλῳ ὄρος πλησιάζει τῷ οὐρανῷ. Preller: Griech. Myth. Th. I. стр. 77.

5) См. мое замѣчаніе въ Bull. hist.-phil. T. XII. стр. 301. = Mém. gr.-rom. T. I. стр. 580, и ниже на стр. 67. Конечно, при изображеніи горнаго божества безъ смѣшенія представленій, чуждыхъ этому понятію, покажется страннымъ шаръ, который весьма многіе находили въ рукѣ означенной фигуры. Однако я долженъ сознаться, что этотъ атрибутъ кажется весьма сомнительнымъ; такъ какъ я не замѣтилъ его ни на одномъ изъ экземпляровъ, отчасти очень хорошо сохранившихся и представляющихъ самую фигуру въ весьма маломъ размѣрѣ.

Если же мы обратимъ вниманіе на нимбъ, который украшаетъ изображеніе одной скопи, какъ показано будетъ ниже, равно какъ и на полулуніе и звѣзды, которыя находятся при другихъ, многочисленныхъ изображеніяхъ горы Аргеоса (очевидно для означенія ея высоты ¹⁾), потому что другое соотношеніе между горою и звѣздами немыслимо), то поймемъ, что и лучезарный вѣнецъ, въ которомъ является олицетвореніе горы Аргеоса, служить для выраженія того, что вершина этой гѣсистой горы подымается до огненного зѣира. Но огонь, который представляется пылающимъ на равнинахъ, окружающихъ гору, не можетъ быть принимаемъ какъ-бы въ замѣнъ лучезарнаго вѣнца, какъ потому что въ большей части изображеній горы онъ имѣетъ непосредственное значеніе, такъ и потому что принадлежитъ подошвѣ, а не вершинѣ горы.

Кабиры

Лучезарный вѣнецъ, на монетахъ, которыя приписываются одними острову Косурѣ, другими — Балеарскимъ островамъ, а нѣкоторыми — Питіусскимъ. Gesenius: Monum. Phoen. стр. 300. Tab. 39. De la Marmora: Voyage en Sardaigne, Atlas T. II. Pl. 39. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 55. № 216^a. Bose: Zeitschr. für Münz-, Siegel-, und Wappenkunde 1844. Taf. 5. Akerman: Ancient coins of cities Pl. 12, 5 — 9.

Общепринятое мнѣніе, что изображенныхъ двухъ карликовъ на означенныхъ монетахъ должно считать финикійскими Кабирами, болѣе, чѣмъ правдоподобно, хотя о наружномъ видѣ этихъ божествъ мы можемъ составить себѣ понятіе только предположительно, по египетскимъ Кабирамъ. (Herod. III, 37). На нѣкоторыхъ изъ означенныхъ монетъ ясно виденъ украшающій Кабировъ лучезарный вѣнецъ; но нельзя рѣшить, что три остроконечія, которыя на другихъ монетахъ занимаютъ его мѣсто, служатъ къ изображенію лучей свѣта ²⁾). Послѣ ро-

1) Такъ напр. Эсхилъ: Prom. 719 приписываетъ Кавказу ἀστρουειτόνας χορυφαίς.

2) Эти остроконечія находятся также и при египетскихъ Кабирахъ, напр. на рельефѣ, срисованномъ у Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 39. № 157, на жукѣ, находящемся въ берлинскомъ собраніи (Winckelmann: Pierr. gr. du feu Stosch стр. 9. № 36. Stosch. Abdr. I, 36. Tölken: Verzeichniss стр. 9. № 4.)

зысканій Моверса (Phoenizier Th. I. стр. 528. 652) едвали можно сомнѣваться въ томъ, что финикійскіе Кабиры суть олицетворенія какихъ-то свѣтилъ небесныхъ, и мы имѣемъ указанія, что и въ позднѣйшія времена не было забыто это ихъ значеніе (см. у Моверса тамъ-же). Итакъ мы въ правѣ думать, что лучезарный вѣнецъ данъ Кабирамъ согласно съ ихъ происхожденіемъ.

Сераписъ.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцемъ бюстъ въ ватиканскомъ музеѣ. Winckelmann: Werke T. IV. Tab. 5. Visconti: Mus. Pio-Clem. T. VI. Tav. 15. Musée Napoléon T. IV. Pl. 57. Bouillon: Musée des ant. T. I. Pl. 66. Hirt: Bilderbuch Taf. 9. № 1. Gerhard: Beschreib. Roms Th. II. 2. стр. 226. Wieseler: Denkm. Th. I. № 390.

2. Лучезарный вѣнецъ, на лампѣ. Beger: Lucernae T. II. Tab. 5.

3. Лучезарный вѣнецъ, на лампѣ. Passeri: Lucernae T. III. Tab. 64.

4. Лучезарный вѣнецъ, на лампѣ. Passeri: Lucernae T. III. Tab. 68.

5. Лучезарный вѣнецъ, на обломкѣ отъ глинянаго сосуда. Romano: Antichità inedite Tav. 4, 5.

6. Лучезарный вѣнецъ, на обломкѣ отъ глинянаго сосуда. Romano: Antichità inedite Tav. 4, 9.

7. Лучезарный вѣнецъ, на агатѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Горлею. Gorlaeus: Dact. T. I № 193. ed. Gron. Chiflet: Abraxas. Tab. 26. № 109. Lamy: Cabinet de pierr. gr. Pl. 100. Montfaucon. Ant. Expl. T. II. Pl. 152.

8. Лучезарный вѣнецъ, на сардониксѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Горлею. Gorlaeus: Dact. T. I. № 29. ed. Gron. Lamy: Cabinet de pierr. gr. Pl. 15.

9. Лучезарный вѣнецъ, на агатѣ. Capello: Prodrömus № 114.

10. Лучезарный вѣнецъ, на гіацинтѣ. Causeo de la Chaussée: Gemme Tav. 6. Montfaucon: Ant. Expl. T. I. Pl. 64, 9.

и т. д.; однако, сколько мнѣ извѣстно, они никогда не образуютъ лучезарнаго вѣнца.

11. Лучезарный вѣнецъ на халцедонѣ. Causeo de la Chausse: Gemme Tav. 5. Montfaucon: Ant. Expl. T. I. Pl. 64, 8.

12. Лучезарный вѣнецъ на ониксѣ. Causeo de la Chausse: Gemme Tav. 56. Montfaucon: Ant. Expl. T. I. Pl. 63, 2.

13. Лучезарный вѣнецъ на халцедонѣ, принадлежавшемъ некогда Шифле. Chiflet: Abraxas Tab. 26, 110. Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 152.

14. Лучезарный вѣнецъ на рѣзномъ камнѣ. Hirt: Bilderbuch Taf. 9, 2. Этотъ камень, можетъ быть, одинаковъ съ предыдущимъ

15. Лучезарный вѣнецъ на сердоликѣ, хранящемся въ берлинскомъ собраніи. Winckelmann: Pierr. gr. du feu Stosch стр. 43. № 63. Stosch. Abdr. II, 63. Tölken: Verz. стр. 20. № 64.

16. Лучезарный вѣнецъ на стеклянномъ отливкѣ, хранящемся въ берлинскомъ собраніи. Winckelmann: Pierr. gr. du feu Stosch стр. 43. № 62. Stosch. Abdr. II, 62. Tölken: Verz. стр. 20. № 65.

17. Лучезарный вѣнецъ на стеклянномъ отливкѣ, хранящемся въ берлинскомъ собраніи. Winckelmann: Pierr. gr. du feu Stosch стр. 25. № 101. Stosch. Abdr. I, 101. Tölken: Verz. стр. 25. № 100.

18. Лучезарный вѣнецъ на катанской мѣдной монетѣ. Combe: Mus. Hunt. Tab. 16. № 2. 3. Mionnet: Descr. T. I. стр. 227. № 158. Suppl. T. I. стр. 380. № 160. Panofka: Dionysos und die Thyiaden Taf. 3, 1.

19. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ, выбитой въ Александріи во время Антонина Благочестиваго, ЛΔ. Num. Rembroch. T. III. Tab. 95. Zoega: Num. Aeg. стр. 169. № 56.

20. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ, выбитой въ Александріи во время Антонина Благ., ЛЄ. Zoega: Num. Aegypt. стр. 173. № 97. Tab. 10. Emeric-David: Jupiter. Pl. 1, 4.

21. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ, выбитой въ Александріи въ царствованіе Антонина Благ., ЛЄ. Zoega: Num. Aegypt. стр. 173. № 98. Tab. 10.

22. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ, выбитой въ Александріи въ царствованіе Антонина Благ. **LN.** Haverkamp: Num. Reg. Christ. Tab. 17, 9.

23. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ, выбитой въ Александріи въ царствованіе Антонина Благ. **LK.** Zoega: Num. Aegypt. стр. 206. № 390. Tab. 12.

24. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ Юліана Отступника, съ надписью «*Deo Sarapidi*». Num. Pembroch. T. III. Tab. 59.

25. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ Юліана Отступника, съ надписью «*Deo Sarapidi*». Du Cange: Familiae Byzantinae стр. 39. № 17. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 235. № 17.

26. Лучезарный вѣнецъ на мѣдной монетѣ Юліана Отступника, съ надписью «*Vota publica*». Du Cange: Familiae Byzantinae стр. 39. № 20. Banduri: Num. Imper. Rom. T. II. стр. 235. № 20.

Многократно засвидѣтельствованное отношеніе Сераписа къ солнцу всѣмъ извѣстно, а потому никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что лучезарный вѣнецъ, съ которымъ это божество является на означенныхъ произведеніяхъ искусства, число которыхъ еще много можно увеличить рѣзными камнями и монетами ¹⁾, главнѣйшимъ образомъ служить къ выраженію солнечнаго блеска. Но съ другой стороны нельзя не обратить вниманія на мнѣніе Юлія Валерика, который, какъ мы видѣли выше, приписывая Серапису больше блеска въ сравненіи съ другими богами, говоритъ, что этотъ атрибутъ принадлежитъ ему вообще какъ богу, а не какъ олицетворенію солнца. Въ особенности ясно, въ изображеніи Сераписа, указа-

1) Именно, см. Разре: Catalogue № 1391 и слѣд. Берлинскій слѣпокъ у Тэлькена: Verz. стр. 18. № 50 и яшму у Винкельмана: Pierr. gr. du feu Stosch стр. 24. № 100. Stosch. Abdr. 1, 100. и у Тэлькена: Verz. стр. 18. № 51. я не выставилъ въ перечнѣ, потому что неизвѣстно, какое имя должно принять здѣсь, Сераписа или Озириса, котораго отношеніе къ солнцу доказывать старался Янъ въ примѣчаніи къ Макробію: Saturn. I, 21, 11. Другіе памятники, какъ сардониксъ, о которомъ говоритъ Винкельманъ: Pierr. gr. du feu Stosch стр. 42. № 55, слѣпокъ, упоминаемый въ томъ-же сочиненіи стр. 42. № 56. и т. д., кажутся произведеніями новѣйшаго времени.

ніе на его отношеніе къ солнцу на обломкахъ подѣ № 5 и 6, гдѣ этотъ богъ является вмѣстѣ съ Селеной, которую легко узнать по полумѣсяцу (но на обломкѣ подѣ № 6, полумѣсяцъ не уцѣлѣлъ). Разумѣть самого Геліоса не позволяетъ видѣ братаго мужчины, похожаго на Зевса, съ лучезарнымъ вѣнцомъ. Также безъ основанія нѣкоторые видятъ этого бога въ фигурѣ, изображенной на монетѣ подѣ № 18. Обратная сторона этой монеты, на которой изображены Изида и Горосъ, показываетъ, что въ той фигурѣ скорѣе всего слѣдуетъ искать Сераписа, у котораго волосы на головѣ и борода и въ другихъ случаяхъ изображаются, какъ у Зевса, въ слѣдствіе его сходства съ послѣднимъ, а лучи объясняются, какъ атрибутъ солнца. Въ томъ пантеистическомъ смыслѣ, въ какомъ Сераписа въ позднѣйшее время представляли божествомъ, соединяющимъ въ себѣ весь міръ и всѣхъ боговъ ¹⁾, еще понятнѣе его изображеніе на драгоценныхъ камняхъ подѣ № 8, 10 — 16 и на монетахъ подѣ № 19 — 26. Онъ является здѣсь не только съ лучезарнымъ вѣнцомъ, но и безъ бороды, какъ Геліосъ (№ 8. 10. 11. 12. 25), и съ лавровымъ вѣнкомъ Зевса (№ 11), съ модіусомъ Плутона (№ 8. 12. 13. 14. 15. 16. 19 — 26), съ трезубцемъ и дельфиномъ Посидона (№ 11. 15. 16. 19. 20. 21. 22 и, можетъ быть, 23), съ змѣею Асклепія (№ 15. 16), съ бараньими рогами Аммона (№ 8. 10. 13. 14. 15. 16. 19. 20. 21. 22. 23), съ полумѣсяцемъ Селены (№ 11) и безъ бороды, какъ Геліосъ (№ 8. 10. 11. 12 — 25). Рогъ же изобилія (№ 12. 19. 20. 22), онъ могъ заимствовать какъ отъ Геліоса, такъ и отъ богини Abundantia или Fortuna.

Горосъ.

1. Лучезарный вѣнецъ на сардониксѣ. Spon.: Misc. erud. ant. стр. 16. № 22.

2. Лучезарный вѣнецъ на яшмѣ Spon.: Misc. erud. ant. стр. 16. № 29.

3. Лучезарный вѣнецъ на геміотропѣ. Chiflet: Abra-

2) См. Preller: Röm. Myth. стр. 732. Сюда относятся именно рѣзные камни, находящіеся во всѣхъ собраніяхъ съ надписью: Εἰς Ζεὺς Σάρατις. Нѣкоторые изъ нихъ можно видѣть у Разре: 1471. 1474. 1490. 1506. Gori: Thes. gemm. astr. T. I. Tab. 87. Корр: Palaeogr. Crit. T. IV. стр. 271 и т. д.

has. Tab. 9. № 35. Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 158. Matter: Hist. du gnost. Pl. 3, 6.

4. Лучезарный вѣнецъ на магнитномъ камнѣ. Chiflet: Abraxas Tab. 14. № 59. Gorlaeus: Dact. № 402. Super: Harpocr. стр. 12. Raspe: Catal. Pl. 8. № 351. Kopp: Palaeogr. Crit. T. IV. стр. 83.

5. Лучезарный вѣнецъ на яшмѣ. Capello: Prodromus № 22. Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 153. Kopp: Palaeogr. Crit. T. IV. стр. 266. Matter: Hist. du Gnost. Pl. 3, 4.

6. Лучезарный нимбъ на магнитномъ камнѣ, нѣкогда принадлежавшемъ г. Жаксону. Raspe: Catal. Pl. 8. № 353. Kopp: Palaeogr. Crit. T. IV. стр. 243.

7. Лучезарный нимбъ на рѣзномъ камнѣ. Montfaucon: Ant. Expl. Suppl. T. II. Pl. 55, 4. Kopp: Palaeogr. Crit. T. IV. стр. 33.

8. Лучезарный вѣнецъ на рѣзномъ камнѣ. Monaldini: Nov. Thes. Gemm. T. I. Tab. 30.

9. Лучезарный нимбъ на рѣзномъ камнѣ. Gerhard: Uned. Bildwerke Taf. 308, 33.

10. Лучезарный вѣнецъ, бронзовая статуэтка. Spon: Misc. erud. ant. стр. 18. № 34.

11. Лучезарный вѣнецъ, бронзовая статуэтка. Spon: Misc. erud. ant. стр. 18. № 38.

12. Лучезарный вѣнецъ, бронзовая статуэтка, принадлежавшая нѣкогда г. Спаджіари. Bull. dell' Inst. arch. 1855, стр. 10. № 8.

Имѣя самыя положительныя указанія, что Горось или Гарпократъ, есть олицетвореніе солнца ¹⁾, мы уже поэтому могли бы объяснить себѣ находящійся при немъ лучезарный вѣнецъ, еслибы даже художники, трудившіеся надъ камнями подъ № 2—6, не выразили этого яснѣе, давъ ему въ руку плеть, съ которою изображается богъ солнца, и присоединивъ къ нему полумѣсяцъ, звѣзды и прочіе атрибуты, принадлежащіе олицетвореніямъ свѣтилъ небесныхъ. Кромѣ того, изображеніе Гороса подъ № 8,

1) Достаточно указать здѣсь на цитату Яна въ примѣчаніяхъ къ Макробію: Saturn. I, 21. 13.

9, 11, 12, должно объяснять въ пантеистическомъ значеніи, какъ объясненъ былъ Сераписъ въ упомянутыхъ выше произведеніяхъ искусства.

Нетосъ.

Macrobius: Saturn. I, 19, 4. «*Cum igitur Liber pater idem ac sol sit, Mars vero idem ac Liber pater, Martem solem esse quis dubitet? Accitani etiam, Hispana gens, simulachrum Martis radiis ornatum maxima religione celebrant, Neton vocantes*».

Эти слова Макробія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что богъ, чтимый Акцитанами, былъ ему извѣстенъ только, какъ богъ войны. Заключение же, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и богомъ солнца, выводится означеннымъ писателемъ изъ его лучезарнаго вѣнца, безъ дальнѣйшаго объясненія. Но это заключеніе, пока оно не будетъ подкрѣплено болѣе опредѣленными показаніями, можетъ быть замѣнено другимъ, если вспомнимъ то, что было изложено выше въ этомъ изслѣдованіи, при изображеніяхъ Деймоса и Фобоса, вообще о божествахъ войны. Конечно, и въ греческомъ богѣ войны Аресѣ видно отношеніе къ солнцу ¹⁾, и несомнѣнно также то, что команская богиня войны, Мао, была собственно богинею луны. Поэтому можно допустить предположеніе, что испанскій богъ войны, Нетосъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и богомъ солнца. Но этого заключенія никакъ не должно выводить изъ его лучезарнаго вѣнца, который можно также принимать за атрибутъ бога войны, и не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, что выводъ этотъ сдѣланъ писателемъ, который превращаетъ всѣхъ боговъ въ олицетворенія солнца.

Дѣло приняло бы иной видъ, еслибы можно было доказать соотвѣтствіе между этимъ богомъ войны Акцитановъ и богомъ, имя котораго намъ неизвѣстно, но почитаніе котораго въ Малакѣ подтверждается монетами этого города. На монетахъ, выбитыхъ въ этомъ городѣ, мы видимъ украшенное лучезарнымъ вѣнцомъ грудное изображеніе, которое можетъ представлять какъ мужчину, такъ и женщину ²⁾. Что лучезарный вѣнецъ

1) См. Preller: Griech. Myth. Th. I. стр. 207.

2) Florez: Medallas de España Pl. 56, 9 — 12. Münter: Rel. der Karth.

должно понимать здѣсь за указаніе на свѣтила небесныя, слѣдуетъ заключить изъ того, что это грудное изображеніе на другихъ монетахъ этого-же города, впрочемъ совершенно похожихъ на означенныя выше, замѣняется звѣздой ¹⁾, и такъ какъ Малака основана Финикіянами, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ этомъ случаѣ, какъ принимаетъ Моверсъ ²⁾, изображается какое-либо финикійское божество. Но чтобы доказать тожество бога войны, который былъ почитаемъ Акцитанами, съ божествомъ малакскимъ, мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ, и имя перваго, которое, по видимому, не можетъ быть семитическаго происхожденія, противорѣчитъ этому предположенію. Итакъ, пока не представятся обстоятельства, которыя могли бы послужить къ рѣшенію этого вопроса, мы должны остановиться на предположеніи, что лучезарный вѣнецъ Нетоса, какъ бога войны, назначенъ для выраженія его грознаго величія.

Гера.

1. Нимбъ, въ миланскомъ спискѣ Гомера. Mai: Pict. Hom. Tab. 9. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 38.

2. Нимбъ, тамъ же. Mai: Pict. Hom. Tab. 10. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 41.

3. Нимбъ, тамъ же. Mai: Pict. Hom. Tab. 19. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 72.

4. Нимбъ, тамъ же. Mai: Pict. Hom. Tab. 21. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 75.

5. Нимбъ, тамъ же. Mai: Pict. Hom. Tab. 22. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 77.

Taf. 2, 3. 4. Gesenius: Mon. Phoen. Tab. 41. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 54. № 198, 199. Panofka: Malachisch Taf. 2, 2. 3. Akerman: Ancient coins of cities Pl. 5, 5. Sabatier: Iconogr. de méd. Monn. Celtib. Pl. 3, 21. 22. Только два послѣднихъ снимка годны, такъ какъ они вѣрно передаютъ оригиналы; прочіе же набиты воображаемыми чертами, и это стоитъ замѣтить для оцѣнки мѣнны тѣхъ, которые видятъ въ фигурѣ признаки только женскаго пола.

1) Florez: Medallas de España Pl. 56, 18. Munter: Rel. der Karth. Taf. 2, 5. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 54. № 200. Panofka: Malachisch Taf. 2, 4. Akerman: Ancient coins of cities Pl. 5, 6.

2) Phoenizier Th. II, 2 стр. 652. Противъ предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ, что здѣсь разумѣется Астарта, говорятъ уже самыя лучи; такъ какъ при божествѣ луны скорѣе всего должно ожидать нимба.

6. Нимбъ, тамъ же. Mai: Pict. Nom. Tab. 23.

7. Нимбъ, тамъ же. Mai: Pict. Nom. Tab. 29.

8. Нимбъ, въ ватиканскомъ спискѣ Виргилія. № 3867. Mai: Pict. Virg. Tab. 66. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63¹⁾).

Никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что сіяніе, окружающее Геру въ этихъ миниатюрахъ, имѣетъ значеніе атрибута, общаго всѣмъ богамъ²⁾).

Деметра.

Нимбъ, въ одной помпейской стѣнной картинѣ. Zahn: Die schönsten Ornamente Th. II. Taf. 48. Müller: Denkm. Th. II. № 90. Mus. Borbon. T. IX. Tav. 35. Kaiser: Herculaneum und Pompeji Th. III. Taf. 50. Braun: Vorschule Taf. 29. По показанію Цана, нимбъ этотъ голубой, а по Шульцу: Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 103, — бѣлый.

Для разъясненія этой прекрасной картины совершенно достаточно вспомнить слова Гомера, о которыхъ подробнѣе было сказано выше (стр. 5):

ἡ δ' ἄρ' ἐπ' οὐδὸν ἔβη ποσί, καὶ ῥα μελάϊστρον
хѣре хѣρη, πλῆσεν δὲ θυράς σέλαος θείοιο³⁾).

Рея.

Съ нимбомъ, на мраморной доскѣ, въ парижемъ Нумизматическомъ Кабинетѣ. Bull. arch. de l'Athén. français 1855. Pl. 6.

У Преллера⁴⁾ мы можемъ найти необходимыя свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ Рея во времена Императоровъ сдѣла-

1) Вѣроятно и женская фигура въ столцѣмъ положеніи у Mai: Pict. Virg. Tab. 18, на головѣ которой находится покрывало, есть Гера.

2) Впрочемъ ср. сказанное выше на стр. 10.

3) Ср. ст. 188. Если грудное изображеніе въ лучахъ на берлинскомъ сардоникѣ (Winckelmann: Pierr. gr. du feu Stosch ст. 12. № 45. Stosch. Abdr. 1, 45. Tölken: Verzeichn. стр. 15. № 29.) дѣйствительно украшено колосьями, которые однако я не могъ замѣтить на снимкахъ, находящихся въ моихъ рукахъ, то и здѣсь естественнѣе всего видѣть Деметру. Предположеніе же Винкельмана и Тэлькена объ Изидѣ не имѣетъ никакого основанія.

4) Römische Mythol. стр. 789.

лась божествомъ всего существующаго, и въ особенности о томъ, какъ въ почитаніи ея проявились тогда элементы, указывающіе на отношеніе ея къ свѣтилу небесному и вполне выразившіеся въ томъ, что любимецъ Великой Матери, Аттисъ, при посредствѣ котораго она создаетъ и дѣлаетъ все, получилъ названіе *Μηνωτέρωνος* и *Πανδηλος*. Последнее, можетъ быть, имѣлъ въ виду художникъ, который работалъ надъ этой мраморной доской, принадлежащей самому позднему времени, и выразилъ это, украсивъ спинку сѣдалища, на которомъ сидитъ Рея, изображеніемъ, какъ кажется, Геліоса, въ видѣ головы, окруженной лучезарнымъ вѣнцемъ. Но никакъ нельзя согласиться съ предположеніемъ, что и сіяніе, которое художникъ изобразилъ вокругъ богини, имѣетъ такое-же значеніе, а не служить для обыкновеннаго представленія божества въ свойственномъ ему величіи и могуществѣ. При такомъ предположеніи, съ одной стороны, непонятно будетъ, почему, вопреки письменнымъ памятникамъ, Аттисъ является здѣсь безъ сіянія, которое принадлежитъ ему, какъ свѣтилу небесному; а съ другой стороны, мы не будемъ въ состояніи объяснить, какое отношеніе къ свѣтиламъ небеснымъ можетъ имѣть Менада, которая изображена здѣсь съ нимбомъ и является спутницею Реи, вслѣдствіе извѣстнаго смѣшенія празднованій Реи и Діониса ¹⁾. Но я не думаю также, что нимбъ Менады служитъ для контраста ея съ богинею, выражая юность и красоту первой. Безъ сомнѣнія, этимъ атрибутомъ художникъ желалъ отличить обѣ означенныя фигуры отъ всего человѣческаго и перенести ихъ въ высшую сферу, и, можетъ быть, онъ помнилъ слова Виргилія, которыя приведены были выше (стр. 11):

*Hic primum nova lux oculis offulsit, et ingens
Visus ab Aurora coelum transcurrere nimbus,
Idacique chori* ²⁾,

понявъ ихъ, какъ понималъ Сервій.

1) Относительно смѣшенія обоихъ божествъ, и именно свойственныхъ имъ спутниковъ, слѣдуетъ здѣсь указать на главное свидѣтельство у Страбона: Geogr. X, 469 — 472.

2) Аеп. IX, 110 и слѣд.

Менады

1. Нимбъ на мраморной доскѣ, хранящейся въ парижскомъ Нумизматическомъ Кабинетѣ. Bull. archéol. de l'Athén. français 1855. Pl. 6.

2. Нимбъ на серебряномъ блюдѣ, хранящемся въ Британскомъ Музеѣ. Arch. Anzeig. 1856. стр. 186.

О Менадѣ подѣ № 1, изложено все необходимое въ предыдущей статьѣ подѣ заглавіемъ «Рей». Относительно же Менады подѣ № 2, нельзя сдѣлать окончательнаго заключенія, пока вышеуказанное недостаточное описаніе означеннаго блюда не будетъ пополнено вѣрнымъ снимкомъ. Конечно, по сравненію съ изображеніями на нѣкоторыхъ рѣзныхъ камняхъ ¹⁾, можно предположить, что колесницу Діониса на этомъ блюдѣ везутъ не Менады, но Психей. Однако описаніе говоритъ объ изображеніи *двухъ женщинъ*, а эти слова не согласуются съ юнымъ возрастомъ Психей. И кромѣ того ничего не сказано, даны ли этимъ фигурамъ крылья ²⁾, такъ-что, пока не узнаемъ дѣла обстоятельно по вѣрному снимку, мы должны принять означенныя фигуры за Менадъ, у которыхъ нимбъ или имѣетъ такое-же значеніе, какъ у Менады подѣ № 1, либо служить для выраженія ихъ цвѣтущей юности.

Амфитрита.

Нимбъ, отчасти голубой, отчасти красный, на мозаичномъ произведеніи. De la Mare: Explor. scient. de l'Algérie. Archéol. Pl. 139 — 142.

Достаточно вспомнить то, что сказано было выше о Посидонѣ.

1) Сюда относятся, очевидно, античной работы рѣзные камни: знаменитый неаполитанскій камей (Mus. Borb. T. IV. Tav. 39.) и одинъ флорентійскій (Gall. di Firenze Ser. V. Tav. 18, 5.). Болѣе или менѣе близкія подражанія неаполитанскому камей, изъ которыхъ одно находится во Флоренціи (Cades XI, A, 419), другое принадлежало нѣкогда Лоренцо Медичи (Raspe: Cat. Pl. 35, 3116.), а третье и четвертое поименованы у Распе подѣ № 3114 и 3115, представляютъ болѣе или менѣе явные признаки позднѣйшаго происхожденія.

2) Также и на камей, означенномъ выше (Распе: 3114), обѣ дѣвицы, везущія колесницу, изображены безъ крыльевъ. Но этотъ камей, составляющій впрочемъ весьма свободное подражаніе неаполитанскому, не оставляетъ сомнѣнія о своемъ новѣйшемъ происхожденіи ни въ комъ, кто только видѣлъ снимокъ съ него.

Θετιδα.

Нимбъ въ одной картинѣ на вазѣ въ ватиканскомъ собраніи. Passeri: Pict. Etrusc. T. I. Tab. 9. Dubois-Maison-neuve: Introd. à l'étude des vas. Pl. 31, 1. Millingen: Uned. Monum. T. I. Pl. 10. Overbeck: Heroen-Gall. Taf. 7. № 8.

Уже Миллингенъ, у котораго одного только и есть годный снимокъ, совершенно справедливо замѣтилъ, что кругъ, украшающій голову Θετιды, указываетъ на превращенія, посредствомъ которыхъ богиня хотѣла устроить Пелея. Онъ ошибся только въ томъ, что принялъ этотъ кругъ за радугу. Еслибы живописецъ это имѣлъ въ виду, то долженъ бы былъ ограничиться полукругомъ. Но на отличномъ снимкѣ, находящемся у Миллингена, можно видѣть, что онъ не остановился на полукругѣ, но что нижняя часть круга заслонена фигурами, изображенными въ борьбѣ между собою. Притомъ величина этой радуги не соответствовала бы размѣрамъ всего рисунка, и наконецъ никто изъ писателей древности, обстоятельно рассказывающихъ о превращеніяхъ Θετιды въ борьбѣ съ Пелеемъ, не говоритъ о томъ, чтобы она превращалась въ радугу. Да и нельзя предположить, чтобы это пришло въ голову кому-либо изъ древнихъ. Принимая различные виды, богиня хотѣла страхомъ и изумленіемъ заставить Пелея отказаться отъ своего намѣренія; но выборъ радуги для этой цѣли былъ бы весьма неудаченъ. Вѣроятно, вслѣдствіе подобныхъ соображеній, Де Витте ¹⁾ однажды назвалъ этотъ кругъ нимбомъ; но онъ не понялъ его значенія и въ заключеніе согласился съ мнѣніемъ Миллингена, дозволивъ себѣ впрочемъ другое, нисколько не лучшее объясненіе значенія радуги въ этой картинѣ. Но съ того времени, какъ сдѣлалось извѣстнымъ вышеупомянутое (стр. 25) изображеніе Протея, не можетъ быть никакого недоумѣнія относительно намѣренія художника ²⁾. Посредствомъ сравненія съ этимъ изображеніемъ, становится совершенно понятнымъ то, что нимбъ служить здѣсь для указанія на огонь, въ который, какъ говоритъ сказаніе, превра-

1) Ann. dell' Inst. arch. T. IV. стр. 112.

2) Овербекъ однако снова предложилъ мнѣніе Миллингена, даже послѣ того, какъ изображеніе Протея сдѣлалось извѣстнымъ.

щалась Оетида во время борьбы съ Пелеемъ ¹⁾, и который на одной вазѣ съ черными фигурами изображенъ въ видѣ пламени, подымающагося отъ плечъ богини, потому-что въ то время искусство еще не знало ни нимба, ни лучезарнаго вѣнца ²⁾.

Наяды

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится мозаичное произведение, за нѣсколько лѣтъ назадъ найденное близъ Рима. На первомъ планѣ, въ серединѣ всего рисунка, изображено пѣ-которое углубленіе въ землѣ, поросшее тростникомъ. По обѣимъ сторонамъ этого углубленія находится по одному возвышенію, а на каждомъ изъ нихъ сидитъ по одной, почти совершенно обнаженной нимфѣ, въ вѣнкѣ изъ тростниковыхъ листьевъ и съ большимъ голубымъ нимбомъ вокругъ головы. Въ рукахъ же, поднятыхъ вверхъ, каждая изъ нихъ держитъ сосудъ, изъ котораго изобильно льется вода, въ видѣ большой дуги, въ углубленіе, изображенное въ самой серединѣ картины. Изъ углубленія, ближе къ нимфѣ, находящейся на правой сторонѣ отъ зрителя, показывается голова третьей фигуры, какъ по очертанію, такъ и по положенію и цвѣту волосъ, совершенно похожая на головы первыхъ двухъ фигуръ, но безъ нимба и безъ вѣнка изъ тростниковыхъ листьевъ. На заднемъ планѣ картины, почти въ серединѣ, изъ-за возвышенія, изображеннаго здѣсь, выглядываетъ юноша въ хламидѣ, слабо застегнутой у шеи;

1) Pindar: Nem. IV, 101 и сл.

πῦρ δὲ παύκρατὲς Ἐρασυμαχάνων τελεόντων
ἔνυχας δ'εὐτάτους ἀχμαῖν
τε δεινотάτων χάσας δδόντων
ἔγμεν ὑψιθρόνων μίαν Νηρείδων.

Sophokl. Fragm. № 155. ed. Nauck.

τίς γάρ με μόχος οὐκ ἐπεσάται;
λέων δράκων τε, πῦρ, ὕδωρ.

Apoll.: Bibl. III, 13, 5. Γνωμένην δὲ ὅτι μὲν πῦρ, ὅτι δὲ ὕδωρ, ὅτι δὲ θηρίον, οὐ πρότερον ἀνῆκε πρὶν τὴν ἀρχαίαν μορφήν εἶδεν ἀπολαβοῦσαν.

2) Gerhard: Auserlesene Vasenbilder, Taf. 227. Overbeck: Heroen-Galerie Taf. 7, 5. Точно также на монетахъ индо-скинскаго царя, Эрки, мы видимъ пламя, подымающееся отъ плечъ древне-иранскаго бога огня, Аеро, Wilson: Ariana, Pl. 14, 7. Thomas: Journ. of the As. Soc. T. XII. Pl. 6, 6.

своими короткими, свѣтло-бѣлокурыми волосами на головѣ онъ рѣзко отличается отъ прочихъ трехъ лицъ, у которыхъ волосы темно-каштановаго цвѣта.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эта картина изображаетъ сказаніе о Гиласѣ ¹⁾; но отдѣльныя ея части далеко не совсѣмъ ясны. Главное затрудненіе въ томъ, что нельзя сказать опредѣлительно, кому принадлежитъ голова, выдающаяся изъ углубленія, Гиласу ли, или третьей нимфѣ. Въ пользу перваго свидѣтельствуется то обстоятельство, что голова эта безъ нимба и безъ вѣнка; въ пользу же послѣдняго говоритъ сходство ея по цвѣту и расположенію волосъ съ головами первыхъ двухъ нимфъ. Если же принять ее за голову Гиласа, то присутствіе юноши, съ любопытствомъ смотрящаго на нимфъ, понятно будетъ, какъ олицетвореніе горы Арганеоніуса ²⁾, и слѣдуетъ предположить, что Гиласа увлекаютъ въ глубину другія нимфы, скрывающіяся въ водѣ. Но если въ фигурѣ, которой принадлежитъ рассматриваемая голова, художникъ желалъ представить третью нимфу, наслаждающуюся плаваніемъ въ прохладныхъ струяхъ источника, то въ бѣлокуромъ юношѣ, онъ, безъ сомнѣнія, изобразилъ Гиласа. Въ такомъ случаѣ, предметомъ для своей картины онъ избралъ не самое похищеніе, но моментъ, предшествующій ему, когда Гиласъ, стоя за возвышеніемъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на то, что происходило у источника. Но въ отсутствіи нимба и вѣнка у третьей нимфы мы видимъ ту непоследовательность, которая такъ часто замѣчается въ произведеніяхъ позднѣйшаго искусства. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ предположить, что нимбомъ художникъ могъ выразить не только сіяніе, принадлежащее всѣмъ высшимъ существамъ, но и ослѣпительную красоту цвѣтущей юности.

Аѳина.

1. Нимбъ въ миланскомъ спискѣ Гомера. Mai: Pict. Rom. Tab. 9. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 38.

1) Къ произведеніямъ искусства, изображающимъ это сказаніе и упомянутымъ мною въ *Ant. du Bosph. Ciméer.* T. I. стр. 261, присоединилась между тѣмъ одна Помпейская стѣнная картина *Bull. Napol. Nuova Ser. T. IV. стр. 23.*

2) *Strabo: XII, 564. 'Υπέρκειται δὲ τῆς Προυσιᾶδος ὄρος, ὃ καλοῦσιν Ἀργανώνιον. Ἐνταῦθα δὲ μετέουσιν τὸν Ὑλαν, ἕνα τῶν Ἡρακλέους ἐταίρων, συμπλέ-*

2. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 10. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 41.

3. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 11. Inghirami: T. I. Tav. 43.

4. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 19. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 72.

5. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 21. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 75.

6. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 22. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 77.

7. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 23.

8. Нимбъ, тамъ-же. Mai: Pict. Hom. Tab. 29.

9. Нимбъ въ ватиканскомъ спискѣ *Виргилія* № 3867. Mai: Pict. Virgil. Tab. 66. Agincourt: Denkmäler der Malerei, Taf. 63. ¹⁾

10. Нимбъ въ мозаичной картинѣ, принадлежавшей г-ну Giuseppe, аббату въ S. Maria di Capua. Schultz: Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 103.

Въ Аѳинѣ соединяются два элемента, которые даютъ ей двойное право на божественный блескъ. Съ одной стороны, она была богинею ярко-блестящаго ээира, съ другой же — принадлежала къ разряду божествъ войны, грозное величіе которыхъ фантазія древнихъ, какъ замѣчено выше (стр. 27), старалась выразить въ особенности представленіемъ ихъ въ огненномъ сіяніи. Изъ вышеприведенныхъ цитатъ ²⁾, приписывающихъ ей сверхъестественный блескъ, одинъ стихъ *Виргилія* (стр. 5) изображаетъ ее, какъ богиню войны, а другой стихъ *Валерія Флакка* (стр. 7) представляетъ ее богинею ээира. Но весь складъ рисунковъ подъ № 1 — 9 показываетъ, что нимбъ, съ которымъ изображена въ нихъ Аѳина, принадлежитъ ей, какъ общій атрибутъ боговъ, и не имѣетъ отношенія ни къ кото-

σαντα ἐπὶ τῆς Ἀργεῖς αὐτῇ, ἐξόντα δὲ ἐπὶ ὄρεσιν ὑπὸ Νυμφῶν ἀρπαγῆναι. О представленіи горныхъ божествъ въ человеческомъ видѣ см. выше, стр. 53.

1) Можетъ быть, и фигура, представленная въ сидячемъ положеніи, у Mai: Pict. Virg. Tab. 18, изображаетъ также Минерву.

2) См. стр. 5. 6. 7. 10. На ея ярко-блестящіе глаза съ особенною силою указываетъ Гомеръ также въ Ил. XXI, 415.

рому изъ означенныхъ двухъ качествъ. Что же касается до мозаичной картины подъ № 10, то мы ничего не можемъ сказать объ ней положительно, по недостатку обстоятельныхъ объ ней свѣдѣній.

Должно упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ искусства, въ которыхъ Аѳина является съ сіяніемъ особеннаго вида. Сюда относится одно зеркало, принадлежавшее нѣкогда Гергарду и отличающееся римскимъ стилемъ ¹⁾. На немъ изображена богиня въ сильномъ движеніи, преодо-
лѣвающею какого-то мужа съ бородою, вѣроятно, гиганта Энкелада. Сзади, отъ головы до ногъ, она окружена полукругомъ большихъ лучей особеннаго вида, которыхъ нѣтъ съ передней стороны ея, кажется, только по недостатку мѣста. Этотъ полукругъ лучей, безъ всякаго сомнѣнія, служилъ художнику для выраженія страшнаго могущества богини. Къ произведеніямъ этого рода принадлежатъ также монеты, которыя, за нѣсколько сотъ лѣтъ раньше означеннаго зеркала, выбиты въ Гераклеѣ, въ Луканіи, а можетъ-быть также и въ Тарентѣ ²⁾. На одной сторонѣ ихъ представляется женская голова, которую со всѣхъ сторонъ окружаетъ эгида. Что эта голова принадлежитъ Аѳинѣ, о томъ нѣтъ спору. Но въ этомъ сближеніи съ эгидой я не нахожу еще достаточнаго объясненія. Если же обратимъ вниманіе на змѣй, которыя образуютъ какъ-бы бах-
раму ея, и на вышеприведенныя слова Гомера ³⁾, который говоритъ, что Аѳина, набросивъ на плеча Ахилла эгиду, сообщила его головѣ лучезарный блескъ, то, кажется, можно будетъ допустить, что означенное украшеніе богини употреблено взамѣнъ обыкновеннаго сіянія. Впрочемъ трудно рѣ-
шить, имѣлось ли при томъ изображеніе Аѳины, какъ богини ээира, или какъ богини войны, потому-что эгида, по своему происхожденію ⁴⁾, могла соответствовать тому и другому, и только кроткое выраженіе лица и отсутствіе шлема гово-
рять больше въ пользу перваго предположенія.

1) Gerhard: Etruskische Spiegel Taf. 67.

2) Minervini: Saggio di osservaz. numism. стр. 118. Tav. 2, 14 — 16.

3) См. стр. 14. Также у Гомера: II. XVII, 594, эгида называется *μαρμαρέη*.

4) См. Preller: Griech. Myth. Th. I. стр. 79. 130.

Богиня побѣды (Нимѣ).

1. Нимбъ на одной вазѣ въ ватиканскомъ собраніи. Winkelmann: Mon. Ined. № 143. Millin: Peint. des vases T. II. Pl. 37. Gal. Myth. Pl. 169. № 611. Gerhard: Lichtgottheiten Taf. 3, 4. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 241. № 823. Overbeck: Heroen-Gall. Taf. 28, 1.

2. Нимбъ на золотыхъ монетахъ византійскихъ императоровъ Маврикія и Фоки, съ приписью: «*Victoria Augg.*» Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 664. 671.

При разсмотрѣніи вазы подъ № 1, уже Винкельманъ совершенно справедливо замѣтилъ, что въ крылатой фигурѣ на колесницѣ, въ которую запряжена четверня лошадей, должно видѣть богиню побѣды. Позднѣйшіе изслѣдователи, вслѣдствіе ложныхъ понятій о нимбѣ, искали другаго объясненія. Милленъ, а по его примѣру и Гиньо, называютъ эту фигуру Иридою, Гергардъ же считаетъ ее богинею Эосъ. Для подтвержденія перваго мнѣнія, едва-ли можно доказать, что древніе когда-либо представляли себѣ Ириду ѣдущею на четвернѣ. Но если мы допустимъ послѣднее мнѣніе, то не будемъ въ состояніи рѣшить вопросъ, почему предъ колесницей богини Эосъ бѣжитъ не Фосфоръ, а Гермесъ. Вооруженный юноша, къ которому спѣшитъ богиня, равно какъ и предметы (шляпа и мечъ), изображенные надъ лошадьми, останутся также безъ объясненія, и наконецъ нельзя будетъ устранить возраженіе, почему Эосъ, какъ представительница солнца, является не съ лучезарнымъ вѣнцомъ, а съ сплошнымъ нимбомъ. Напротивъ того, всѣмъ извѣстно, какъ часто подлѣ богини побѣды изображается ея товарищъ, Гермесъ. И если въ означенной фигурѣ мы будемъ видѣть эту богиню, то намъ понятенъ будетъ смыслъ предметовъ, изображенныхъ въ верхней части рисунка, и безъ натяжки объяснится присутствіе вооруженнаго юноши. Онъ стоитъ спокойно и, какъ кажется, отдыхаетъ послѣ счастливо-оконченной борьбы¹⁾; богиня же спѣшитъ къ нему, чтобы взять его къ себѣ въ колесницу и наградить триумфомъ. Наконецъ

1) О крестообразномъ положеніи ногъ смотри мое изслѣдованіе: Der ausruhende Herakles, стр. 173 и сл.

нимбъ, за исключеніемъ того, что онъ принадлежитъ этой богинѣ, какъ и всякому другому божеству, можетъ имѣть здѣсь двойное значеніе. Съ одной стороны, богиня побѣды принадлежала къ разряду тѣхъ божествъ¹⁾, которыя, какъ неоднократно было уже замѣчено выше (стр. 27), представлялись воображенію древнихъ не иначе, какъ въ огненномъ блескѣ; съ другой же стороны, съ понятіемъ о побѣдѣ соединяется понятіе о славѣ, а послѣднее во всѣ времена казалось нераздѣльнымъ съ представленіемъ о яркомъ блескѣ, что прекрасно выразилъ Пиндаръ²⁾ въ слѣдующихъ стихахъ:

ὁ κινητήρ δὲ γὰρ Ὀρχηστὸν οἰκέων
καὶ γέφυραν ποντιαῖα παρὰ Κορίνθου τειχέων,
τόνδε πορῶν γενεᾷ θαυμαστὸν ὕμνον
ἐκ λεχέων ἀνάγει Φάμαν παλαιὰν
εὐκλέων ἔργων· ἐν ὑπνῳ γὰρ πέσεν· ἀλλ' ἀνεγειρομένα χρῶτα
λάμπει,

Ἀωσφόρος θαητὸς ὧς ἄστροις ἐν ἄλλοις.

На византійскихъ монетахъ подъ № 2, Victoria является съ нимбомъ, конечно, безъ особенной цѣли, но по обыкновенію того времени, когда это украшеніе считалось необходимымъ атрибутомъ не только вообще всякаго божества, но и въ особенности олицетвореній отвлеченныхъ понятій. Для подтвержденія этого мнѣнія, можно бы было представить еще значительное число другихъ византійскихъ монетъ, но мы предоставляемъ это дѣло тѣмъ, которые посвятили себя болѣе подробному изученію этой части нумизматики.

Афродита.

1. Нимбъ на одной помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. IV. Тау. 17. Kaiser: Herculaneum und Pompeji Th. II. Taf. 105. Guhl: Denkm. Taf. 22, 4. По свидѣтельству

1) Поэтому Гезіодъ: Theog. 883 и сл. говорить:

Στῦξ δ' ἔτεχ' Ὀκεανοῦ θυγάτηρ Πάλλαντι μεγίστη
Ζῆλον καὶ Νίκην καλλίσφυρον ἐν μεγάροις,
καὶ Κράτος ἧδ' Βίην ἀριδείκτα γέιναι τέχνα.

И въ седьмомъ Гомеровомъ гимнѣ Аресъ называется (ст. 4) Νίκης εὐπολέμοιο πατήρ.

3) Isthm. III (IV), 34 и сл.

Шульца: *Bull. de l'Inst. arch.* 1841. стр. 103, этот нимбъ — бѣлаго цвѣта.

2. Нимбъ на одной помпейской стѣнной картинѣ. *Bull. Nap. Nuova Ser. T. I.* стр. 91.

3. Нимбъ на одной помпейской стѣнной картинѣ. *Mus. Borb. T. XIV. Taf. 21.* По Шульца: *Bull. de l'Inst. arch.* 1841. стр. 102, этотъ нимбъ — голубаго цвѣта. Хотя нѣтъ ясныхъ указаній на то, что въ этой картинѣ изображена Афродита, но, принимая въ соображеніе почти совершенную обнаженность фигуры, нельзя думать о другой богинѣ. См. выше стр. 29.

4. Нимбъ въ миланскомъ спискѣ Гомера. *Mai: Pict. Hom. Tab. 9. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 38.*

5. Нимбъ тамъ-же. *Mai: Pict. Hom. Tab. 10. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 41.*

6. Нимбъ тамъ-же. *Mai: Pict. Hom. Tab. 19. Inghirami: Gall. Om. T. I. Tav. 72.*

7. Нимбъ на обломкѣ, о которомъ мы знаемъ только по рисунку Пейреска. *Montfaucon: Ant. Expl. T. I. Pl. 224. Suppl. T. I. Pl. 17.*

8. Лучезарный вѣнецъ на этрусскомъ зеркалѣ. *Schiassi: De pateris Tab. 14. Inghirami: Monum. Etruschi T. II. Tav. 54. Gerhard: Etrusk. Spiegel. Taf. 59, 3.*

9. Лучезарный вѣнецъ на этрусскомъ зеркалѣ. *Inghirami: Mon. Etruschi T. II. Tav. 50. Gerhard: Etruskische Spiegel Taf. 59, 4.* Что на этихъ зеркалахъ изображена Афродита, о томъ можно заключить по сравненію съ третьимъ зеркаломъ, съ котораго снимокъ находится у Гергарда (тамъ-же *Taf. 59, 2*). Въ трудѣ художника замѣчается та-же самая компоновка, а къ фигурѣ, о которой идетъ дѣло, вмѣсто нимба, приписано имя означенной богини.

Въ существѣ Афродиты, и именно какъ Ураніи, конечно, нѣтъ недостатка въ элементахъ, значеніемъ которыхъ можно объяснить приписываемый ей нимбъ или лучезарный вѣнецъ, какъ атрибуты, принадлежащіе олицетвореніямъ свѣтилъ небесныхъ. Однако всякій внимательный изслѣдователь откажется отъ такого объясненія, за исключеніемъ лишь обломка подѣ

№ 7, на которомъ изображена планета Venus. Картина подъ № 1 представляетъ богиню, съ нѣжною заботливостью ухаживающею за раненымъ Адонисомъ. Въ такомъ-же расположеніи духа богиня, въ Гомеровомъ гимнѣ къ Афродитѣ, встрѣчается съ другимъ своимъ любимцемъ, Анхизомъ, а у Виргилія (стр. 9) является сыну своему Энею, съ цѣлю утѣшить его и ободрить. Почему же въ нимбѣ, которымъ живописецъ украсилъ Афродиту, не искать того-же значенія, какое находимъ у означенныхъ поэтовъ? А въ Гомеровомъ гимнѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія указанія, приведенныя выше, мы ясно видимъ, что при изображеніи Афродиты въ сіяніи поэтъ имѣлъ въ виду именно богиню красоты и цвѣтущей юности, вовсе не думая объ отношеніи ея къ небеснымъ свѣтиламъ. Если же плѣнительная богиня любви встрѣчается во многихъ другихъ произведеніяхъ искусства безъ нимба и безъ лучезарнаго вѣнца, то надобно ли этому удивляться, когда и поэты часто ничего не говорятъ опредѣленно объ ея ослѣпительномъ блескѣ, описывая ея наружный видъ съ большею или меньшею подробностью? — Сказанное о картинѣ подъ № 1, одинаково идетъ и къ произведенію подъ № 2, гдѣ, по всему вѣроятію, представляется нѣжное свиданіе Афродиты съ Аресомъ, который былъ любезенъ ей не менѣе Анхиза и Адониса. Понятно, что на такое свиданіе богъ войны не могъ явиться въ яркомъ блескѣ, который обыкновенно служилъ ему для возбужденія ужаса. И такъ какъ цвѣтущая юность не принадлежитъ къ характеристическимъ чертамъ этого бога, то онъ и представленъ безъ всякаго сіянья. А, отказывая въ такомъ украшеніи нѣжному Адонису въ первой картинѣ, художникъ, по видимому, хотѣлъ усилить этимъ выраженіе цвѣтущей юности богини, какъ въ другой вышеупомянутой картинѣ (стр. 41) это сдѣлано наоборотъ. Не менѣе ясно намѣреніе художника въ картинѣ подъ № 3. На ней являются три божества, которымъ равномѣрно и преимущественно предъ всѣми богами приличествуетъ блескъ цвѣтущей красоты, и потому каждое изъ нихъ изображено съ нимбомъ. Точно также долженъ быть объясненъ лучезарный вѣнецъ у Афродиты на зеркалахъ подъ № 8 и 9, и только о нимбѣ въ миниатюрахъ подъ № 4 и 6 можно сказать поло-

жительно, что онъ употребленъ здѣсь въ значеніи атрибута, общаго всѣмъ богамъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ фигурахъ, сдѣланныхъ изъ терракотты и найденныхъ на Таврическомъ полуостровѣ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одна, очевидно, представляетъ Афродиту¹⁾. Головной нарядъ ея имѣетъ большое сходство съ нимбомъ. Но такъ какъ нимбъ, кромѣ одной бронзовой статуи кассельскаго музея²⁾, и кромѣ Эфесской Артемиды съ обыкновеннымъ кружкомъ, по весьма понятнымъ причинамъ, никогда не встрѣчается при статуяхъ, и такъ какъ только одна изъ тѣхъ фигуръ съ достовѣрностью можетъ быть принята за изображеніе Афродиты, въ прочихъ же представляются лица изъ дѣйствительной жизни, то въ означенномъ головномъ нарядѣ ея должно видѣть нимбъ (головную повязку) въ томъ смыслѣ, въ какомъ опредѣляетъ его Исидоръ, какъ было сказано выше (стр. 8).

Артемида.

Нимбъ въ ватиканскомъ спискѣ *Virgilia*, № 3867. *Mai: Pict. Virg. Tab. 18. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63.*

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ изображеніи Артемиды художникъ не имѣлъ въ виду 'ничего, кромѣ

1) Stephani: *Ant. du Bosph. Cimmér. Pl. 65, 1. 66, 1. 67, 2.* Къ этимъ тремъ фигурамъ прибавились между тѣмъ двѣ другія. Одна изъ нихъ, отличаясь такимъ же головнымъ нарядомъ и кромѣ того длиннымъ нижнимъ платьемъ, держитъ одну ногу на какомъ-то возвышеніи и съ распростертыми руками склоняется нѣсколько впередъ. Вѣроятно, въ рукѣ ея находился какой-нибудь ея атрибутъ, который теперь утраченъ. Другая же, являясь въ такой же одеждѣ и головномъ нарядѣ, стоитъ прямо, въ совершенно спокойномъ положеніи, и обѣими руками прижимаетъ къ груди своей какую-то птицу.

2) Gerhard: *Etrusk. Spiegel Taf. 13, 5. 6. Unedirte Bildw. Taf. 313, 4.* Можно легко замѣтить, что головной нарядъ этой фигуры есть не вѣнокъ изъ цвѣтовъ или полосъ, какъ принимаетъ Гергардъ; но труднѣе сказать объ этой фигурѣ, что она дѣйствительно изображаетъ гермафродита. Если это предположеніе справедливо, то, безъ сомнѣнія, атрибутъ перенесенъ къ ней отъ Афродиты и въ такомъ же значеніи, въ какомъ онъ находится при вышеупомянутомъ изображеніи этой богини изъ терракотты, будемъ ли мы видѣть въ немъ только обыкновенный женскій головной нарядъ, или присоединимъ къ тому также указаніе на блескъ цвѣтущей юности.

блеска, свойственнаго всѣмъ богамъ. Кромѣ того Пельренъ¹⁾ находитъ изображеніе Артемиды съ нимбомъ на одной Казійской монетѣ. Я не видѣлъ этой монеты въ оригиналѣ, но Міоне²⁾ думаетъ, что Пельренъ за нимбъ принимаетъ часть одежды, дугообразно вздувшуюся по спинѣ богини, и это мнѣніе, кажется, не лишено основанія. Шульцъ³⁾ находитъ также Артемиду съ бѣлымъ нимбомъ «*in moltissimi depinti romprejani*». Однако до настоящаго времени ни одна изъ этихъ картинъ неизвѣстна, а изъ обѣихъ цитатъ, сдѣланныхъ Шульцемъ, замѣтно, что Артемиду онъ грубо смѣшиваетъ съ Селеною. Даже еслибы и подтвердилось имя ея, то и тогда должно быть крайне осмотрительнымъ относительно этихъ «*moltissimi depinti*». Наконецъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть также о безчисленныхъ изображеніяхъ Эфесской Артемиды съ кругомъ, находящимся около головы ея и болѣе или менѣе изукрашеннымъ. Этотъ кругъ, безъ сомнѣнія, первоначально изображалъ очертаніе луны или въ значеніи нимба выражалъ ея блескъ.

Селена.

1. Нимбъ въ изображеніи на одной вазѣ, находящейся въ неаполитанскомъ музеѣ. Nouv. Ann. de l'Inst. arch. Pl. 6. Gerhard: Archemoros und die Hesper. Taf. 2. Gargiulo: Rec. T. II. Pl. 45. Inghirami: Vasi fittili Tav. 372. Creuzer: Symb. Th. III. H. 1. Taf. 10.

2. Съ нимбомъ, въ изображеніи на одной вазѣ, хранящейся въ Неаполитанскомъ музеѣ. Minervini: Bull. Nap. Nuova Ser. T. II. стр. 60. 64.

3. Нимбъ въ изображеніи на вазѣ, принадлежащей г. Цану. Gerhard: König. Atlas Taf. 1. Wieseler: Denkm. Th. II. № 828.

4. Бѣлый нимбъ на одной геркуланской стѣнной картинѣ. Pitt. d'Ercol. T. III. стр. 17. Zahn: Die schönsten Ornam. Th. 1. Taf. 28. Ternite: Wandgemälde H. 10. Taf. 26. Mus. Borb. T. IX. Tav. 40.

1) Supplém. aux rec. des méd. T. I. Pl. 2. № 9.

2) Descr. T. II. стр. 247. № 28.

3) Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 108.

5. Нимбъ въ одной помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. IX. Tav. 3. Kaiser: Herculaneum und Pompeji Th. IV, I. Taf. 59. По свидѣтельству Шульца: Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 103, этотъ нимбъ — бѣлаго цвѣта.

6. Нимбъ на одной помпейской стѣнной картинѣ. Mus. Borb. T. XIV. Tav. 3.

7. Нимбъ въ изображеніи на одной памятной книжкѣ, состоящей изъ складныхъ табличекъ и принадлежащей графу della Gherardesca. Buonarrotti: Vetri antichi стр. 236. Millin: Gal. myth. Pl. 178. № 659. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 254. № 878.

8. Нимбъ въ изображеніи на обломкѣ, изданномъ въ рисунокѣ Пейрескомъ. Montfaucon: Ant. Expl. T. I. Pl. 224. Suppl. T. I. Pl. 17.

Уже выше (стр. 37) было доказано, что фигура, изображенная въ картинѣ подъ № 1, представляетъ не Геліоса, но Селену. Подобнымъ-же образомъ въ изображеніи подъ № 7, видѣн до сихъ поръ не Селену, но Геліоса, и это было бы основательно, еслибы спорная фигура дѣйствительно имѣла при себѣ «*disque radié*», какъ утверждаютъ Милленъ и Гиньо. На верхней части этой книжки, очевидно, изображается принятіе Ромула въ число свѣтилъ небесныхъ, именно планетъ. Пять изъ нихъ находятся на лѣвой сторонѣ отъ зрителя, шестая же, именно фигура, о которой идетъ дѣло, представлена на правой сторонѣ, а самъ Ромулъ готовится занять мѣсто седьмаго свѣтила. Итакъ, оставляя въ сторонѣ подробныя разъясненія, мы съ одинаковымъ вѣроятіемъ могли бы предположить, что Ромулъ займетъ либо мѣсто луны, и въ такомъ случаѣ шестое свѣтило есть солнце, либо мѣсто солнца, и тогда спорная фигура должна представлять луну; но въ пользу послѣдняго объясненія, по выше предложенному замѣчанію (стр. 35), свидѣтельствуетъ находящійся при ней сплошной нимбъ. На рисунокѣ у Буонаротти видны нѣкоторые линіи, идущія отъ нимба до зодіака, и онѣ невнимательнымъ изслѣдователемъ могутъ быть приняты за лучи. Но такъ какъ подобныхъ линій совсѣмъ нѣтъ у остальной, гораздо бѣльшей

части нимба, то, безъ сомнѣнія, и на другомъ мѣстѣ онѣ не могутъ имѣть значенія лучей; но, вѣроятно, служатъ для изображенія нѣкоторыхъ незначительныхъ углубленій и возвышеній на поверхности. Допуская мнѣніе, что изображение подѣ № 2, представляетъ Селену, Минервини говорить однако, что означенную фигуру можно принимать за богиню Эосъ. Но онѣ нисколько не объясняетъ, какъ послѣдняя могла попасть въ сообщество съ Медеєю ¹⁾, которое болѣе всего приличествуетъ богинѣ луны, какъ спутницѣ волшебства ²⁾.

При перечисленіи памятниковъ, относящихся къ этой статѣ, въ особенности удивляетъ насъ крайняя ихъ малочисленность, между тѣмъ какъ изображеніе Геліоса съ лучезарнымъ вѣнцомъ повторяется въ безчисленныхъ произведеніяхъ искусства. Причина этого, очевидно, заключается въ томъ, что полумѣсяцъ казался лучшимъ атрибутомъ для отличія Селены отъ всѣхъ прочихъ боговъ, и что въ слѣдствіе этого онѣ предпочтенъ былъ нимбу. Впрочемъ вышеупомянутое ³⁾ различіе между нимбомъ и лучезарнымъ вѣнцомъ художники наблюдали и при изображеніи богини луны и никогда не давали ей ни лучезарнаго вѣнца, ни лучистаго нимба. Въ изображеніяхъ подѣ № 3 и 6 замѣтно отступленіе отъ постояннаго правила только въ томъ, что круговая линія нимба не вполне параллельна съ очеркомъ лица, но проведена нѣсколько выше, можетъ быть, для того, чтобы изобразить очертаніе луны, а не сіяніе, распространяющееся отъ головы богини. Замѣтимъ, сверхъ того, противоположности, въ которыхъ Селена ставится другимъ свѣтиламъ въ рисункахъ подѣ № 5, 7 и 8. Въ рисункѣ подѣ № 8 всѣ планеты отличаются отъ прочихъ свѣтилъ нимбомъ. Въ картинѣ же подѣ № 5, представляющей однѣ планеты,

1) Конечно, нельзя объяснять это тѣмъ, будто живописецъ зналъ, что Медея была первоначально богиней луны. Представленіе Селены и Медеи въ видѣ различныхъ существъ показываетъ, что онѣ уже не помнили того значенія.

2) C. Fr. Hermann: Gottesdienst. Alterth. § 42, 10.

3) См. стр. 25. Совершенно необыкновенно то, что Гомеровъ гимнъ 32, 6 приписываетъ Селенѣ ἀστὴρ. Нѣтъ ли еще дальѣйшихъ указаній на то у другихъ поэтовъ?

только Гелиосъ и Селена, какъ болѣе свѣтлыя и значительнѣйшія изъ планетъ, снабжены — первый лучезарнымъ нимбомъ, а Селена — нимбомъ безъ лучей. Подъ № 7 это преимущество предъ прочими планетами и знаками зодіака оказано только богинѣ луны, потому что самого Гелиоса тутъ нѣтъ, и Ромулъ, готовясь занять его мѣсто, можетъ получить лучезарный вѣнецъ только въ минуту самаго вступленія.

Гѣжата.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцемъ бронзовая статуэтка въ Капитолійскомъ музеѣ. *Causeo de la Chausse: Romanum Mus. T. I, 2. Tab. 20 — 22. ed. 1746. Graevius: Thes. ant. Rom. T. V. Tab. 13 — 15. Montfaucon: Ant. Expl. T. I. Pl. 90, 5. Foggini: Mus. Capit. T. II. Tab. A. Armellini: Scult. del Campid. Tav. 294. Millin: Gall. Myth. Pl. 12. № 123. Clarac: Mus. de sculpt. Pl. 564. B. № 1201. B. Platner: Beschr. Roms. Th. III, 1. стр. 176. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 72. № 326^a. Milman: Horatii Opera стр. 167. Wieseler: Denkm. Th. II. № 891.*

2. Съ лучезарнымъ вѣнцемъ бронзовая статуэтка, находящаяся въ флорентійскомъ музеѣ. *Gori: Mus. Etrusc. T. I. Tab. 42.*

У Юлія Фирмика ¹⁾, между прочимъ, мы находимъ слѣдующее важное показаніе: «*Persae et Magi omnes, qui Persicae regionis incolunt fines, ignem praeferunt et omnibus elementis ignem putant debere praeponi. Hi itaque in duos dividunt potestates naturam ejus ad utrumque sexum transferentes et viri et feminae simulacro ignis substantiam deputantes. Et mulierem quidem triformi vultu constituunt monstrosis eam serpentibus inligantes*». Виндишманъ, въ превосходномъ разсужденіи о богѣ Митрѣ ²⁾ замѣчаетъ, что въ этомъ изображеніи къ Зороастрову ученію примѣшаны чужія понятія, и потому онъ думаетъ, что божество женскаго пола, о которомъ говорить Юлій Фирмикъ, есть

1) De err. prof. relig. 5.

2) Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes Th. I. стр. 65.

Изида, или богиня Митра, упоминаемая Геродотомъ, или наконецъ та богиня, которая на монетахъ Бактрійскаго царя Агаоокла изображается съ тремя головами и факеломъ. Но эту богиню онъ не считаетъ Гекатою, а старается произвести изъ восточнаго вѣрованія. Съ послѣднимъ мнѣніемъ знаменитаго ученаго, къ сожалѣнію, нельзя согласиться. Ни къ Изидѣ, ни къ Митрѣ не могутъ относиться два внѣшніе признака, о которыхъ говоритъ Фирмикъ: три головы и змѣи. Въ божествѣ, встрѣчающемся на монетахъ Агаоокла ¹⁾, я вижу не представленіе трехъ фазъ луны по восточному ученію, но чисто-греческую Гекату, и подтверждаю свое мнѣніе тѣмъ, что на одной изъ тѣхъ монетъ оно представлено съ тремя головами, а на другой — изображено съ одною головою. Кромѣ того, по всему своему виду это божество имѣетъ совершенное сходство съ означенною греческою богинею, да и вообще изображенія на монетахъ Агаоокла носятъ на себѣ черты, согласныя съ греческимъ ученіемъ о богахъ.

Итакъ въ божествѣ, о которомъ говоритъ Юлій Фирмикъ, должно признать Гекату, какъ сдѣлалъ это Штреберъ ²⁾, а за нимъ и Преллеръ ³⁾. Для дальнѣйшаго же объясненія ея сродства съ богомъ Митрой, послѣдній ⁴⁾ упоминаетъ только о римскихъ надписяхъ, въ которыхъ поименованны лица, въ санѣ *Patris* (отца) участвовавшія въ мистеріяхъ Митры и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнявшія обязанности іерофанта Гекаты ⁵⁾. Но для указанія этого сродства, какъ уже замѣтилъ Штреберъ, гораздо важнѣе бронзовая статуэтка подъ № 1, у которой многіе изъ атрибутовъ, и въ особенности фригійская или, лучше сказать, азіатская шапка, могутъ быть объяснены не иначе, какъ посредствомъ предположенія о заимствованіяхъ изъ празднованія Митрѣ.

Въ этой статуѣ, задуманной и исполненной совершенно въ

1) Wilson: *Ariana* Pl. 6, 3. 4. Lassen: *Indische Alterthumskunde* Th. II. стр. 291.

2) *Abhandl. der. kön. bayer. Akademie der Wissensch.* Th. I. 1835. стр. 180.

3) *Röm. Mythol.* стр. 763.

4) *Röm. Mythol.* стр. 770.

5) Orelli: *Inscr. lat.* № 2335. 2351 — 2353.

духъ первыхъ столѣтій по Р. Х. ¹⁾), однимъ лицомъ изображается, очевидно, солнце, другимъ — луна, обоими же вмѣстѣ — противоположность дня и ночи, свѣта и тьмы, жизни и смерти. Наконецъ третье лицо выражаетъ примиреніе обѣихъ противоположностей, переходъ изъ одного состоянія въ другое, а совокупность всѣхъ лицъ представляетъ Гекату, какъ богиню всего сущаго. Отъ греческаго Геліоса у перваго лица заимствованы лучи, которыхъ у Митры не бываетъ (стр. 33); но къ почитанію Митры относится не только фригійская шапка ²⁾, но и ножъ, и, можетъ быть, даже змѣя. Изъ атрибутовъ же втораго лица богини, полумѣсяцъ и факелы, удовлетворительно объясняются образованіемъ представленія о греческой Селенѣ, а цвѣтокъ лотоса показываетъ, что здѣсь взята была въ помощь и египетская Изиды, которую, какъ извѣстно, сближали съ Селеною во многихъ отношеніяхъ. Но изъ атрибутовъ третьяго лица непонятнѣе всего головной нарядъ, хотя не можетъ быть сомнѣнія, что ключъ и веревка выражаютъ начало и конецъ связи жизни со смертію, свѣта съ тьмою и дня съ ночью.

Послѣ этихъ выводовъ мы можемъ истолковать и статую подъ № 2, которая отличается особенною отчетливостію вы-

1) Удивительно, какъ превратно мнѣніе г. Ратгебера (*Ann. dell' Inst. arch. T. II. стр. 80*), съ которымъ согласился также Браунъ: *Ruinen und Museen von Rom* стр. 138: они полагаютъ, что эта статуя есть подражаніе извѣстному произведенію Алкамена, тогда какъ каждая ея стихія выражаетъ такія мысли, которыя для Алкамена и его времени были невозможны.

2) На доскѣ съ изображеніемъ Митры Фосфоръ и Гесперъ, служащіе для выраженія противоположности между свѣтомъ и тьмою, жизнью и смертію (см. Stephani: *Der ausruhende Heracles* стр. 31) являются, какъ извѣстно, въ азіатскомъ платьѣ, и я весьма склоняюсь въ пользу мнѣнія, что соотвѣтствующія имъ на надгробныхъ памятникахъ фигуры, въ которыхъ Naakh: *Verhandl. der sechzehnten Versamml. deutscher Philok.* стр. 176. съ большимъ остроуміемъ старался доказать представленіе Аттиса въ двойномъ видѣ, изображаютъ тѣ же самыя существа, только также въ одеждѣ, заимствованной изъ богослуженія Митры. Самъ Гаакъ, по видимому, признаетъ это въ прибавленіи къ своему сочиненію стр. 185. Но фигура, изображенная на лампѣ, срисованной у Passeri: *Lucernae T. I. Tab. 18* не можетъ быть принята за Аттиса, такъ какъ она представлена безъ штановъ и въ высоко-подобранномъ нижнемъ платьѣ. Она, безъ сомнѣнія, представляетъ Артемиду, какъ охотницу и какъ Гекату, и въ послѣднемъ значеніи она является во фригійской шапкѣ, заимствованной изъ богослуженія Митры по сродству ея съ этимъ божествомъ, въ первомъ же значеніи она получила прочіе атрибуты.

полненія въ подробностяхъ, но до сихъ поръ оставалась безъ объясненія. То, что принимали за шлемъ, есть не что иное, какъ фригійская шапка, и все цѣлое представляетъ Гекату въ *одномъ* лицѣ, съ заимствованіемъ лучезарнаго вѣнца отъ Геліуса, означенной шапки отъ Митры, а короткаго нижняго платья и высокихъ сапогъ отъ богини луны, Артемиды.

Досъ.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцемъ на одномъ этрусскомъ зеркалѣ, находящемся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Gori: Inscr. Etr. T. I. Tab. 16. Meyer: Geschichte der bildenden Künste Taf. 2. Stephani: Прописи Т. V. стр. 313. № 61. Лучезарный вѣнецъ представленъ въ такомъ-же видѣ, какъ на зеркалѣ подъ № 2. Но рисовавшій изображеніе для Гори провелъ линію вокругъ вѣнца, которой нѣтъ въ оригиналѣ, и притупилъ лучи, вслѣдствіе чего вмѣсто вѣнца вышелъ сплошной нимбъ.

2. Съ лучезарнымъ вѣнцемъ на одномъ этрусскомъ зеркалѣ, принадлежащемъ къ ватиканскому собранію. Mon. pubbl. dall' Inst. arch. T. III. Tav. 23. Mus. Gregor. T. I. Tav. 36, 1. Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 180. Abeken: Mittelitalien Taf. 7, 1.

3. Съ лучезарнымъ нимбомъ въ украшеніи ручки этрусскаго бронзоваго сосуда, находящейся въ ватиканскомъ собраніи. Mus. Gregor. T. I. Tav. 3, 1 ').

1) Изображеніе на зеркалѣ подъ № 1. сдѣлано въ позднемъ стилѣ римскаго искусства; изображенія же подъ № 2. 3. носятъ на себѣ характеръ древнѣйшаго этрусскаго стиля. Однако изъ послѣдняго обстоятельства никакъ нельзя сдѣлать заключеніе, что они явились въ свѣтъ до Александра Великаго. Этрусское искусство, какъ извѣстно, не прошло тѣхъ степеней развитія, которыя мы замѣчаемъ въ греческомъ; но упорно удерживало древній суровый стиль, пока во времена римскаго владычества безъ всякаго посредствующаго вліянія не перешло въ другой, усвоенный тогда греко-римскимъ искусствомъ. Поэтому при произведеніяхъ этрусскаго искусства мы лишены всякаго вспомогательнаго средства для точнѣйшаго опредѣленія времени ихъ происхожденія, такъ какъ этотъ древній стиль продолжался отъ древнѣйшихъ временъ до перваго столѣтія передъ Р. X. Но что оба названные произведенія № 2 и 3, равно какъ и всѣ другія этрусскія произведенія, въ которыхъ встрѣчается нимбъ или лучезарный вѣнецъ, простираются не далѣе времени Александра В., можно заключить изъ зависимаго отношенія, въ которомъ постоянно находилось этрусское искусство къ греческому. Вслѣдствіе этого не можетъ быть никакого сомнѣнія, что не оно передало эти атрибуты, какъ собственное изобрѣтеніе, греческому искусству, а за-

4. Съ лучезарнымъ нимбомъ на одной вазѣ, находящейся въ мюнхенскомъ собраніи. Millin: Tomb. de Canose Pl. 5. Inghirami: Vasi fittili Tav. 394. Gerhard: Lichtgottheiten Taf. 3, 1. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 149ter № 555^b.

Почему въ изображеніи подѣ № 2 должно видѣть богиню Эось и Кефала, а въ изображеніи подѣ № 3 — Эось и Мемнона, уже объяснено Яномъ ¹⁾; но украшеніе зеркала подѣ № 1, о которомъ нельзя было при этомъ умолчать, осталось ему неизвѣстнымъ. Впрочемъ едва-ли можно сомнѣваться, что и на зеркалѣ подѣ № 1 представлена также Эось, съ тѣмъ только особеннымъ отличіемъ, что крылья сдѣланы у нея не у плечъ, какъ обыкновенно, а у ножныхъ лодыжекъ. Понятно и то, что въ мужчинѣ съ бородой, который кажется мертвымъ или по крайней мѣрѣ безъ чувствъ, и котораго она несетъ съ помощію какой-то спутницы, могъ быть изображенъ не Кефалъ, а вѣроятноже всего Мемнонъ. Можно, конечно, находить затрудненіе въ томъ, что мужчина представленъ не обнаженнымъ или въ оружіи, а въ богатой верхней одеждѣ, и потому въ означенной сценѣ скорѣе можно видѣть попеченія богини о старомъ и дряхломъ Тисеонѣ. Но мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобъ это сказаніе и именно въ такой формѣ изображалось въ другихъ произведеніяхъ древняго искусства, между тѣмъ какъ положительно знаемъ, что представленіе богини Эось, уносящей трупъ сына съ поля битвы, было у древнихъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ ²⁾.

имствовало ихъ отъ послѣдняго, и это не могло произойти ранѣе Александра Великаго; такъ какъ и въ греческихъ произведеніяхъ явились эти атрибуты не ранѣе означеннаго времени. Согласно съ этимъ между прочимъ слѣдуетъ судить о времени происхожденія одной этрусской бронзовой фигуры въ древнемъ стилѣ (Micali: Storia. Tav. 35, 11), которая является съ крыльями и въ лучезарномъ вѣницѣ, и, можетъ быть, представляетъ богиню Эось. Но въ стилѣ греко-римскаго искусства исполнены три подставки канделябровъ или треножниковъ (одна изъ нихъ срисована у Gori: Mus. Etrusc. T. I. Tav. 36), которыхъ верхняя часть состоитъ изъ какой-то крылатой женской фигуры, украшенной лучезарнымъ нимбомъ или лучезарною короною. По труднѣе опредѣлить здѣсь имя изображеннаго лица.

1) Arch. Beitr. стр. 108 и сл.

2) Кромѣ произведений искусства, это показываетъ намъ одно недосмотрѣнное Яномъ замѣчаніе Поллюкса: Опом. IV, 130. 'Η δὲ γέρας μετὰντὴν ἐστὶν ἐκ μετεώρου κατὰφερόμενον ἐφ' ἀρπαγῇ σώματος, φ' αἰχμηταί

Уже выше (стр. 34) мы видѣли, что искусство въ древнѣйшія времена обозначало Геліоса, изображая надъ его головою простой кругъ и указывая тѣмъ не на блескъ солнца, а на очертаніе его, и что впослѣдствіи, начавъ выражать сіяніе Геліоса, равно какъ и прочихъ боговъ, оно стало выражать яркій блескъ солнца обыкновенно лучезарнымъ вѣнцомъ, а не сплошнымъ нимбомъ. Точно также, конечно, искусство должно было поступить относительно богини Эосъ, и въ самомъ дѣлѣ на рисункѣ одной вазы, которая сдѣлана была задолго до Александра В. и отличается грубостью древнѣйшаго искусства, хотя фигуры ея нарисованы красною краскою, мы находимъ эту богиню съ простымъ кругомъ, представленнымъ на ея головѣ¹⁾. Но произведенія, означенныя выше²⁾, доказываютъ, что впослѣдствіи, когда явилась мысль и при изображеніи Эосъ обозначать блескъ солнца, для этого брали не сплошной нимбъ, такъ мало соотвѣтствующій блеску солнца, а лучезарный вѣнецъ или нимбъ съ лучами.

Богиня ночи.

Съ лучезарнымъ вѣнцемъ въ парижской рукописи десятаго столѣтія № 1878. Montfaucon: Palaeogr. Gr. p. 13. Ant. Expl. T. I. Pl. 214, 1. Millin: Gal. Myth. Pl. 89, 352. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 150. № 333.

При мысли о лучезарномъ вѣнцѣ богини ночи, безъ сомнѣнія, каждый прежде всего будетъ думать о сіяніи звѣздъ; однако никакъ нельзя сказать положительно, чтобы это имѣлъ въ виду художникъ означеннаго произведенія, представляющаго въ нѣкоторыхъ частяхъ подражаніе древнимъ образцамъ. Не придавая особенной важности тому, что Виргилій, какъ мы ви-

¹⁾ *Ἡὸς ἀρκέουσα τὸ σῆμα τὸ Μένουον.* Эсхилъ, Софоклъ и Тимесидей, какъ извѣстно, воспользовались сказаніемъ о Мемнонѣ для театра, и замѣчаніе Поллюкса дѣлаетъ значительный намекъ на содержаніе этихъ трагедій.

1) Gerhard: *Lichtgotth.* Tab. 4, 3. Lepointant: *Elite céramogr.* T. II. Pl. 117. Противъ тѣхъ, которые видятъ въ этомъ изображеніи Селену, говорить то обстоятельство, что у лошадей изображены крылья, которыми, какъ доказано (Voss: *Mythol. Briefe* Ч. II. стр. 76.), отличаются только кони Геліоса и богини Эосъ.

2) Объ одномъ мнимомъ изображеніи Эосъ съ нимбомъ было сказано выше, стр. 70.

дѣли выше (стр. 6), богу сна, столь родственному богинѣ ночи, приписываетъ сверхъестественное сіяніе, которое въ этомъ случаѣ, конечно, не можетъ имѣть отношенія къ звѣздамъ, мы можемъ узнать намѣреніе художника посредствомъ сравненія прочихъ его изображеній. Такъ мы видимъ, что, кромѣ богини ночи, съ лучезарнымъ вѣнцомъ являются у него также *Πραΐτης*, *Σοφία*, *Προφητεία*, *Μετάνοια* и *Προσευχή*, а безъ вѣнца — *Μελωδία*, *Ἰσχυς*, *Δύναμις*, *Ἀλαζονεία*, *Ὁρῶρος*, *Ἐρημος*, *Βυθός*, *Ὄρος Βεῤῥεῖν*, *Ὄρος Σινά*, *Ἐρύθρα Θάλασσα* и даже богиня ночи въ другомъ изображеніи¹⁾. Изъ этого мы заключаемъ, что онъ смотрѣлъ на лучезарный вѣнецъ, какъ на принадлежность только изображеній всего возвышающагося надъ обыкновенною, человѣческою областью, и что въ иныхъ случаяхъ, по минутному расположенію, или для удобства, онъ не затруднялся опускать этотъ атрибутъ, не опасаясь существеннаго ущерба для значенія своихъ изображеній.

Ирида

1. Съ нимбомъ въ миланскомъ спискѣ Гомера. Mai: Pict. Nom. Tab. 29.

2. Съ нимбомъ и лучами въ ватиканскомъ спискѣ *Виргилія* № 3867. Bartoli: Pict. Virg. Tab. 6. Spence: Polymetis Pl. 29. Mai: Pict. Virg. Tab. 61. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63.

Рисовавшій картину подъ № 1, по всему вѣроятію, не имѣлъ на умѣ ничего другаго, кромѣ сіянія, общаго всѣмъ богамъ. Но на картинѣ подъ № 2 явно намѣреніе художника изобразить *Ириду* богинею радуги. Для обозначенія радуги служитъ нѣчто въ родѣ шарфа, дугообразно подымающагося надъ головой богини, и для выраженія блестящаго зѣира, на которомъ держится радуга, и игры ея цвѣтовъ, на которую въ особенности указываетъ *Виргилій*, хотя не въ томъ мѣстѣ²⁾,

1) См. Montfaucon: Palaeogr. Gr. стр. 11 — 13. Buonarrotti: Vetri ant. стр. 62. говоритъ, что въ одной греческой рукописи евангелія, находящейся въ ватиканскомъ собраніи, съ нимбомъ встрѣчаются также изображенія «*Giustizia*» и «*Misericordia*».

2) Aen. IV, 609 слѣд.

*Ille viam celerans per mille coloribus arcum,
Nulli visa, cito decurrit tramite virgo.*

куда относится картина, представлены нимбъ и безчисленные лучи, распространяющіеся отъ ея тѣла.

Послѣ этого можно обратиться съ попыткою объясненія къ извѣстной помпейской стѣнной картинѣ, о которой говорено было такъ много ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ я уже изложилъ доводы, почему фигуру, о которой шелъ споръ, нельзя принимать за изображеніе бога сна, почему ее скорѣе должно считать тожественною съ крылатою фигурою, которая въ другихъ произведеніяхъ встрѣчается подлѣ Аріадны. Здѣсь же, принимая въ соображеніе, что голубой нимбъ съ лучами, которымъ она отличена въ этой картинѣ отъ прочихъ божествъ, не оправдывается ни ея дѣйствіемъ, ни важною ея роли въ остальной группѣ, мы невольно приходимъ къ заключенію, что съ этимъ отличіемъ здѣсь соединяется представленіе объ особенномъ блескѣ, принадлежащемъ самому ея существу. Замѣчая, далѣе, что дѣйствіе и внѣшній видъ этой фигуры въ означенной картинѣ точно также, какъ въ вышеуказанныхъ изображеніяхъ Аріадны, вполне идетъ вѣстницѣ милосердыхъ боговъ, мы со всѣмъ вѣроятіемъ можемъ допустить, что она представляетъ Ириду и что ея голубой нимбъ имѣетъ такое-же значеніе, на какое мы указали въ миниатюрѣ подлѣ № 2.

Аріадна

Съ нимбомъ на одной помпейской стѣнной картинѣ. Gell: Pompejana 1832. Т. II. Pl. 49.

Ів. IV, 700 и слѣд.

*Ergo Iris croceis per coelum roscida pennis,
Mille trahens varios adverso sole colores,
Devolat et supra caput adstitit.*

1) Guarini: Memor. dell' Accad. Ercol. Т. II. стр. 187. Jannelli: тамъ-же стр. 213. 275. 335. Avellino: тамъ-же стр. 249. Quaranta: тамъ-же стр. 311. Annali dell' Inst. arch. Т. I. Tav. d'agg. D. Bull. dell' Inst. arch. 1832. стр. 186. 1841. стр. 104. Gell: Pompejana 1832. Т. II. Pl. 83. Ponticelli: Illustr. di una patere Pompej. 1833. Mus. Borb. Т. IV. Tav. 2. Zahn: Neuentd. Wandgem. Taf. 38. Die schönsten Ornam. Th. I. Taf. 13. Th. III. Taf. 30. Kaiser: Herculaneum Th. III. Taf. 39. Raoul-Rochette: Mon. inéd. Pl. 9. Wieseler: Denkmäler Th. I. № 424.

2) Bull. hist.-phil. Т. XII. стр. 303. = Mél. gréco-rom. Т. I. р. 581 и сл. Причины, по которымъ нельзя отнести это изображеніе къ богу сна, не допускаютъ также и предположенія Визелера о богинѣ ночи.

Уже Гёкк¹⁾, какъ я думаю, совершенно основательно доказывалъ, что первоначально Ариадна была звѣзднымъ божествомъ. Но въ то время, которому принадлежитъ означенное произведеніе, такое понятіе объ Ариаднѣ было уже почти совершенно вытѣснено другимъ и сохранялось въ памяти только потому, что о немъ напоминало созвѣздіе сѣверной короны. Согласно съ этимъ, не должно казаться вовсе невѣроятнымъ, что, при изображеніи Ариадны съ нимбомъ, художникъ находился подъ вліяніемъ такого объ ней представленія. Но съ другой стороны всѣмъ также извѣстно, что въ то время съ понятіемъ объ Ариаднѣ болѣе всего соединялось понятіе о цвѣтущей юности и красотѣ. И находя въ другихъ произведеніяхъ искусства выраженіе этого элемента посредствомъ нимба или лучезарнаго вѣнца (см. выше, стр. 33), которые съ такимъ значеніемъ весьма естественно соотвѣтствуютъ изображеніямъ любовныхъ сценъ, мы имѣемъ полное право заключить, что художникъ при представленіи Ариадны старался исключительно или, по крайней мѣрѣ, болѣе всего выразить понятіе объ ослѣпительномъ блескѣ ея юности и красоты.

Дидона.

Съ нимбомъ въ ватиканскомъ спискѣ *Виргилія* № 3867. Bartoli: Pict. Virg. Tab. 37. Spon: Misc. erud. ant. p. 306. Montfaucon: Ant. Expl. T. III. Pl. 58. Millin: Gal. Myth. Pl. 176. № 647*. Mai: Pict. Virg. Tab. 22. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 250. № 864. Milman: Horatii Opera p. 392.

Къ нимбу Дидоны въ этомъ изображеніи естественно относится то, что уже замѣчено было выше (стр. 39. 43) объ Энеѣ и Битіи.

Гекуба.

Съ нимбомъ въ ватиканскомъ спискѣ *Виргилія* № 3867. Bartoli: Pict. Virg. Tab. 52. Mai: Pict. Virg. Tab. 23. Agincourt: Denkmäler der Malerei Taf. 63.

1) Kreta Th. II. стр. 144 и сл.

Достаточно указать на сказанное объ изображеніи Пріама (см. выше, стр. 45).

Леда.

1. Съ нимбомъ на одной стѣнной картинѣ, найденной въ Граньяно. Pitt. d'Ercol. Т. III. стр. 49.

2. Съ голубымъ нимбомъ на одной помпейской стѣнной картинѣ. Bull. Napol. Nuova Ser. Т. I. стр. 29.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что сказаніе о Ледѣ принадлежитъ къ числу сказаній, относящихся къ служенію Афродитѣ ¹⁾. Можетъ быть, оно находилось даже въ самой тѣсной связи съ тѣми элементами этого служенія, которые указывали на отношеніе Афродиты къ свѣтилу небесному. Но еще достовѣрнѣе то, что уже за долго до того времени, которому принадлежатъ означенныя картины, древніе не видѣли въ Ледѣ ничего болѣе, какъ героиню, плѣнительная красота которой заставила даже Зевса прибѣгнуть къ извѣстному превращенію. Поэтому въ обѣихъ картинахъ нимбъ, съ которымъ она изображена, служилъ художнику, вѣроятно, какъ при представленіяхъ Аріадны и Афродиты, къ тому, чтобы усилить выраженіе понятія объ ея божественной красотѣ и цвѣтущей юности, а не къ тому, чтобы указать на отношеніе ея къ кругу Афродиты, въ значеніи небеснаго свѣтила.

Цирцея.

Съ нимбомъ на одной помпейской стѣнной картинѣ. Mazois: Ruines de Pompéi Т. II. Pl. 43. Overbeck: Heroen-Gall. Taf. 32, 11.

Слѣдующіе стихи, взятые изъ Орфеевой поэмы о плаваніи Аргонавтовъ (стих. 1219 и слѣд.):

τοῖς δ' ἄφαρ ὠμάρτησε καταντίον ἐρχομένοισιν
κούρη ὁμογνήτη μεγαλόφρονος Αἰήταο,
Ἥελιου θυγάτηρ· (Κίρκην δέ εἰ κικλήσκουσιν
μήτηρ Ἀστερόπη καὶ τηλεφανῆς Ὑπερίων)
ἥ ῥα τοῶς ἐπὶ νῆα κατήλυθεν· ἐκ δ' ἄρα πάντες

1) Tretzes ad Lykophr. 88. Ἐν ἄλλοις δέ τισιν εὖρον ἱστορικοῖς, ὅτι ὁ Ζεὺς ἀστὲρ εἰκασθεὶς καὶ μυχὸς Ἀθήα Κάστορα καὶ Πελοπείων γεννᾷ.

ἑώρακεν εἰσορόωντες, ἀπὸ κρατὸς γὰρ ἔθειραι
 πυρσαῖς ἀκτίνεσσιν ἀλίγκιοι ἠώρηντο·
 στίλβει δὲ καλὰ πρόσωπα, φλογὸς δ' ἀπελάμπεν αὐτῇ,

показываютъ, что представлѣніе Цирцеи въ сіяніи въ означенной картинѣ не составляетъ исключенія. Относительно этого сіянія поэтъ разъясняетъ дѣло едвали болѣе, чѣмъ живописецъ. Въ словахъ:

στίλβει δὲ καλὰ πρόσωπα, φλογὸς δ' ἀπελάμπεν αὐτῇ,

онъ обращаетъ вниманіе особенно на божественную красоту и юность этой чародѣйки. Сравнивая же ея волосы съ *πυρσαῖ ἀκτίνες* и подробно излагая ея генеалогію, онъ даетъ однако замѣтить, что хорошо помнить происхожденіе ея отъ Геліоса. И могло быть, что то и другое имѣлъ въ виду и живописецъ. Но если онъ дѣйствительно не далъ у Цирцеѣ лучей, необходимыхъ для изображенія солнечнаго блеска, какъ заставляетъ думать снимокъ у Мазуа, то мы должны заключить, что онъ заботился болѣе о выраженіи ся божественной красоты, чѣмъ объ указаніи на ея происхожденіи, и что поэтому вмѣсто лучезарнаго вѣнца, отличительной принадлежности солнца, избралъ нимбъ, который указываетъ на отношеніе ко всѣмъ свѣтиламъ безразлично.

Медea.

Buonarotti: Vetri antichi стр. 61. «*Una Medea (col nimbo) in una patera, che si ritrova presso il Sign. Abate Andreini*».

Это недостаточное показаніе оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно самыхъ важныхъ пунктовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію. Во-первыхъ, нельзя съ достовѣрностію опредѣлить, къ какому роду произведеній искусства относится означенная *patera*, хотя и можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ допустить, что подъ этимъ именемъ должно понимать теперь какое-нибудь этрусское зеркало. Во-вторыхъ, еще менѣе извѣстно намъ, въ какой мѣрѣ содержаніе рисунка дастъ возможность судить о значеніи нимба, или хоть, дѣйствительно ли она представляла Медею. Впрочемъ Медею, столь близко родственную съ Цирцеей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и касательно нимба мы въ правѣ вообще поставить наравнѣ съ нею. Только

замѣчу, что хотя мнѣ, также какъ и Преллеру ¹⁾, кажется вѣроятнымъ, что Медея была первоначально богиней луны, однако я никакъ не думаю, чтобы художникъ имѣлъ въ виду это первоначальное значеніе, такъ какъ у древнихъ нѣтъ ни одного яснаго упоминанія о такомъ значеніи прекрасной чародѣйки ²⁾. Общее же убѣжденіе въ ея божественности ³⁾ и родствѣ съ Гелиосомъ и подобными существами, конечно не есть еще вѣра въ то, что она богиня луны.

Скопія.

Съ нимбомъ на одной помпейской стѣнной картинѣ. Gell: Pompejana 1832. Т. II. Pl. 73. Kaiser: Herculaneum und Pompeji. Th. II. Taf. 141.

Что разсматриваемая фигура, равно какъ и всѣ ей подобныя, встрѣчающіяся въ другихъ произведеніяхъ, представляютъ *Σκοπία*, т. е. олицетворенія острыхъ вершинъ высочайшихъ горъ, о томъ я уже въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾ выразилъ свое мнѣніе, въ пользу котораго подали также голоса Янъ ⁵⁾ и Визелеръ ⁶⁾. Значеніе нимба при Скопіи, донинѣ извѣстнаго только въ означенной картинѣ, должно искать въ существѣ этого божества, такъ какъ его нѣтъ при другихъ лицахъ картины, и мы не можемъ объяснить его дѣйствіемъ, въ которомъ оно изображается здѣсь. Поэтому, кажется, мы не ошибемся, предположивъ, что нимбъ служитъ въ этомъ случаѣ для означенія высоты горы, поднимающейся до огненного зенита ⁷⁾, и что крылья, о чемъ я говорилъ уже, указываютъ на высшіе слои воздуха, гдѣ, по мнѣнію древнихъ, обитаютъ *Σκοπία* и откуда онѣ, сидя на вершинахъ высочайшихъ горъ, взоромъ своимъ быстро проникаютъ во всѣ стороны на необозримое пространство.

1) Griech. Myth. Th. I. стр. 294. Th. II. стр. 216.

2) Объ особенной красотѣ Медеи говоритъ также сказаніе, сохраненное Ptolem. Herphæst. 5.

3) Schol. къ Eurip.: Med. 10. "Ὅτι δὲ καὶ ἀθανάτος ἦν ἡ Μήδεια, Μουσαῖος ἐν τῷ περὶ Ἰσθμίων ἱστορίαι, ἅμα καὶ περὶ τῶν τῆς Ἀφροδίτης ἑρμηνείας."

4) Bull. hist.-phil. Т. XII. стр. 300 и сл. = Mél. gréco-rom. Т. I. стр. 579 и сл.

5) Въ примѣчаніяхъ къ Zahn: Die schönsten Ornamente Th. III. Taf. 71.

6) Phaëthon стр. 74.

7) Слѣдуетъ припомнить сказанное выше объ Аргееѣ, стр. 53.

Фуріи.

1. Съ лучами, кругообразно расположенными, на одной вазѣ, принадлежащей Неаполитанскому музею Millingen: Peint. de div. col. Pl. 1. 2. Zannoni: Licurgo Tav. 1. Inghirami: Gall. Omer. T. I. Tav. 82. Vasi fittili Tav. 55. Wieseler: Denkm. Th. II. № 442.

2. Съ лучами, кругообразно расположенными, въ произведении, принадлежавшемъ нѣкогда г. Стюарту. Monum. publ. dall' Inst. arch. T. V. Tav. 23.

3. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ, на одномъ этрускомъ зеркалѣ. Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 29, 7 и Taf. 237.

4. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ, на одномъ этрускомъ зеркалѣ. Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 29, 8.

Важную для нашего изслѣдованія фигуру на вазахъ подь № 1 и 2, съ изображеніемъ сказанія о Ликургѣ, я самъ прежде называлъ Лиссою ¹⁾, но теперь, разумѣется, на другомъ основаніи, я, подобно Визелеру, убѣжденъ, что ей болѣе приличествуетъ имя одной изъ Фурій. Конечно, древніе писатели не говорятъ о Лиссѣ такъ ясно, какъ о Фуріяхъ ²⁾, что съ понятіемъ объ ея наружномъ видѣ обыкновенно соединялось понятіе объ огнѣ и яркомъ блескѣ. Но это, по всему вѣроятію, произошло отъ того, что объ олицетворенной Лиссѣ они вообще раза два упоминаютъ кратко, но представляютъ многочисленные и самыя подробныя описанія Фурій. Чѣмъ могли вызывать такое представленіе Фурій, именно страшное существо ихъ въ одинаковой мѣрѣ принадлежитъ и Лиссѣ. Итакъ лучи, расположенные вокругъ всего тѣла разсматриваемой фигуры, могутъ принадлежать какъ Лиссѣ, такъ и одной изъ Фурій, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ произведеніяхъ искус-

1) Antiq. du Bosph. Cimmér. T. II. стр. 33.

2) Eurip.: Iphig. Taur. 288 и сл. ed. Nauck.

ἡ δ' ἐκ χιτῶνων πῦρ πνέουσα καὶ φόνον
πτεροῖς ἑρέσσει.

Seneca: Herc. fur. 86. сл.

*Adsint ab imo Tartari fundo excitae
Eumenides, ignem flammeae spargant comae.*

И то, что въ другомъ мѣстѣ своего соч. цитируетъ Визелеръ.

ства не только при существахъ, родственныхъ послѣднимъ ¹⁾, но, можетъ быть, и при Лиссѣ находится или лучезарный вѣнецъ или нимбъ ²⁾. Но фигура эта встрѣчается и во многихъ другихъ изображеніяхъ сказанія о Ликургѣ, и при томъ не только одна, но и вдвойнѣ, хотя и безъ нимба. Достоверно она въ двухъ лицахъ находится на одномъ рельефѣ виллы Боргезе ³⁾ и, вѣроятно, на рисункѣ одной вазы Неаполитанскаго собранія ⁴⁾. По крайней мѣрѣ женская фигура, изображенная въ этомъ рисункѣ справа отъ Ликурга, по всему своему виду, имѣетъ больше сходство съ женскою-же фигурой, находящейся слѣва отъ него, чѣмъ съ Менадой, стоящею поодаль, и если въ положеніи ея тѣла обнаруживается меньше движенія, и въ рукѣ она держитъ жезлъ, обвитый плющемъ, употребляемый въ вакхическихъ обрядахъ, то должно замѣтить, что въ такомъ-же положеніи она представляется и на вышеупомянутомъ рельефѣ, и что жезлъ можетъ быть данъ ей, потому-что она, подобно Менадѣ, дѣйствуетъ здѣсь въ служеніи Діонису. Гдѣ же двѣ такія фигуры изображены вмѣстѣ, тамъ, естественно, можно разумѣть только Фурій, а не Лиссу, и такъ какъ фигуры, постоянно являющіяся въ совершенно одинаковыхъ сценахъ, нѣтъ причины считать за разные существа, то мы должны признавать ихъ за Фурій и тамъ, гдѣ онѣ являются поодиначкѣ. Понятно, что въ этихъ изображеніяхъ онѣ являются не въ обыкновенномъ тѣснѣйшемъ смыслѣ, не мстительницами за нарушение естественныхъ правъ и семейныхъ обязанностей, но съ обширнѣйшимъ и рѣдкимъ значеніемъ, мстительницами за каждый проступокъ противъ божескихъ и естественныхъ законовъ вообще и слѣдственно и за отказъ какому-либо божеству

1) См. выше, стр. 27. 28.

2) Что лучезарный вѣнецъ и нимбъ только по формѣ отличаются отъ круга лучей, украшающаго все тѣло, то доказывается какъ самою сущностью дѣла, такъ и тѣмъ, что при Гелиосѣ мы находимъ то лучезарный вѣнецъ, то лучи вокругъ всего его тѣла.

3) Wieseler: Denkmäler Th. II. № 441. Длинное нижнее платье, въ которомъ является здѣсь фурія, мы находимъ на ней и въ другихъ изображеніяхъ, напр. у Wieseler: Denkm. Th. II. № 965. Millin: Gal. Myth. Pl. 165. № 618. Beger: Meleagrides стр. 14.

4) Millin: Tombeaux de Canose Pl. 13.

ству въ должномъ ему почетѣ ¹⁾. Онѣ исполняютъ свое призваніе, производя въ Ликургѣ бѣшенство, которое обращается къ собственной его гибели, и дѣйствуютъ при этомъ ²⁾ небольшимъ копьемъ (xéntron), которое для той же цѣли онѣ употребляютъ на Орестѣ ³⁾ и которое мы находимъ вмѣсто лука и стрѣлы и въ рукахъ Эроса, когда онъ возбуждаетъ въ сердцѣ человѣка не благотворное чувство нѣжной любви, но безумную страсть, за которую обыкновенно слѣдуетъ несчастье ⁴⁾.

Точно также нельзя сомнѣваться въ томъ, что женская фигура съ нимбомъ, изображенная на ручкѣ зеркала подѣ № 3, представляетъ Фурію. На самомъ зеркалѣ находится изображеніе убійства Клитемнестры Орестомъ, и такъ какъ фигуры на ручкахъ зеркалъ обыкновенно бываютъ въ самой тѣсной связи съ главною картиною ⁵⁾, то и присутствіе Фуріи здѣсь совершенно уместно. Къ сожалѣнію, Гергардъ не сообщаетъ намъ свѣдѣнія о томъ, что изображено на зеркалѣ, къ которому принадлежитъ ручка подѣ № 4. Но совершенное сходство находящейся тамъ фигуры съ фигурою подѣ № 3, достаточно оправдываетъ догадку объ ея значеніи, равно какъ и о смыслѣ даннаго ей аттрибута.

Но, кажется, иначе должно объяснять одну фигуру на вазѣ, которая найдена была къ Капозѣ и хранится теперь въ Неаполитанскомъ Музеѣ ⁶⁾. Въ картинѣ на этой вазѣ, снимокъ съ которой еще не изданъ, представленъ тотъ моментъ, когда Медея, по совершеніи убійства дѣтей своихъ, поспѣшно удаляется на колесницѣ, въ которую запряжены змѣи. Приведенные въ ужасъ родственники бѣгутъ за ней, чтобы наказать преступ-

1) См. Preller: Griech. Myth. Ч. I. стр. 520.

2) Въ обоихъ изображеніяхъ на вазахъ, поименованныхъ въ перечнѣ и сдѣлавшихся извѣстными, благодаря Millin: Tombeaux de Canose Pl. 13, и, можетъ быть, также въ изображеніи на рельефѣ, срисованномъ у Wieseler: Denkm. Th. II. № 441.

3) Напр. у Raoul-Rochette: Mon. Inéd. Pl. 88.

4) Stephani: Ant. du Bosph. Cimm. Pl. 53.

5) Такъ, чтобы представить хотя одинъ примѣръ, на главномъ мѣстѣ зеркала, срисованнаго у Гергарда: Etrusk. Spiegel Taf. 121. Персей представленъ въ тотъ моментъ, какъ онъ спѣшитъ удалиться, добывъ голову Медузы; ручка же зеркала украшена большою Медузиною головою.

6) Bull. Napol. Nuova Ser. T. II. стр. 60 и сл.

нипу; а, впереди указывая ей дорогу, на лошади скачетъ Селена, съ помощію которой злая чародѣйка совершала свои чары. Передъ самою же колесницею представляется женская фигура въ одеждѣ Фуріи и съ большимъ сплошнымъ нимбомъ вокругъ головы. Къ сожалѣнію, изъ описанія не видно, обнаруживаетъ ли означенная фигура непріязненное расположение къ преступницѣ и старается воспрепятствовать ея бѣгству, или напротивъ является ея сообщницею и помогаетъ ей. Въ первомъ случаѣ мы могли бы принять ее только за одну изъ Фурій, которыя всегда являются тамъ, гдѣ нарушены священные обязанности семейства, и нарушение ихъ требуетъ наказанія; въ последнемъ же (что кажется вѣроятнѣе, сколько можно судить по описанію) она должна представлять совсѣмъ другое существо.

Но мы не останемся въ неизвѣстности относительно имени этой фигуры, если возьмемъ на помощь изображеніе сказанія о Медеѣ на извѣстномъ сосудѣ, найденномъ также въ Канозѣ¹⁾. Въ этомъ изображеніи избранъ тотъ моментъ, когда Медея еще совершаетъ убійство дѣтей своихъ. Колесница, въ которую запряжены змѣи и на которой она должна бѣжать, стоитъ уже готовая къ ея принятію, а на колесницѣ поджидаетъ ее существо, по побуженію котораго она совершаетъ злодѣйство, Эстръ, олицетвореніе свирѣпаго бѣшенства. Но Эстру совершенно соответствуетъ такое-же существо женскаго пола, Лисса, по вліянію которой Ираклъ у Эврипида²⁾ убиваетъ своихъ дѣтей. Итакъ въ рассматриваемой фигурѣ, если дѣйствительно въ положеніи ея относительно Медеи высказывается пріязнь, а не враждебность, слѣдуетъ видѣть это-же самое существо. Оно сопровождаетъ Медею, по совершеніи убійства по его побужденію, точно такъ же, какъ въ другомъ изображеніи Эстръ готовъ сопровождать ее. Нимбъ же Лиссы имѣетъ такое-же значеніе, какъ и при Фуріяхъ. Которое изъ этихъ двухъ возможныхъ объясненій правильнѣе, по изданіи снимка рассматриваемой картины едва ли можетъ остаться нерѣшеннымъ.

1) Millin: Tombeaux de Canose Pl. 7. Arch. Zeit. 1847. Taf. 3.

2) Herc. fur. 822 и сл. ed. Nauck.

Вѣчность.

Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на золотой и серебряной монетахъ Тетрика съ припискою *«Aeternitas Aug.»* Tristan: Comm. hist. T. III. стр. 165. Banduri: Num. Imper. Roman. T. I. стр. 290. 312.

На этихъ рѣдкостныхъ монетахъ находится по три грудныхъ изображенія, въ которыхъ можно признать женщинъ, какъ по чертамъ лица, такъ и по положенію длинныхъ волосъ, но которыя не даютъ никакого повода считать ихъ портретами. Точно также три грудныхъ изображенія съ припискою *«Felicitas Sacculi»* встрѣчается на одной монетѣ Септимія Севера; они однако безъ лучей и ясно обнаруживаютъ свое портретное значеніе¹⁾. По этому не безъ основанія признали въ нихъ супругу императора Юлію и сыновей ея Каракаллу и Гету. Вмѣстѣ же съ этимъ сдѣлано было заключеніе, что и монеты Тетрика представляютъ изображенія дѣйствительныхъ личностей. Но такъ какъ по извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ объ обоихъ Тетрикахъ, нельзя было дать мѣста такому объясненію, то пытались даже подвергнуть подозрѣнію подлинность въ особенности золотой монеты. Однако уже Бандури замѣтилъ, что подобныя соображенія не даютъ никакого права на сомнѣніе, о которомъ еще нисколько не думалъ Тристанъ, и что должно искать другаго объясненія, котораго впрочемъ онъ не успѣлъ найти.

По моему мнѣнію, всѣ затрудненія исчезнутъ, если только оставимъ, уже по лицу и волосамъ невѣроятное, предположеніе о портретномъ назначеніи этихъ изображеній и допустимъ, что рѣзчики старались въ нихъ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, выразить только отвлеченное понятіе о вѣчности, предоставляя впрочемъ самому зрителю дѣлать примѣненіе къ лицу императора. Изображеніе *Aeternitas*, встрѣчающееся на монетахъ римскихъ въ различныхъ видахъ, находится также на монетахъ, которыя приписываются то старшей Фаустинѣ, то младшей; оно представляется здѣсь въ видѣ трехъ женщинъ, изъ которыхъ средняя держитъ въ рукѣ

1) Tristan: Comm. hist. T. II. стр. 65. Еще менѣе можно ссылаться на одну монету Юліи (Tristan: Comm. hist. T. II. стр. 137.), представляющую только грудныя изображенія Каракаллы и Геты.

скипетръ и сидить спокойно, между тѣмъ какъ обѣ остальные поспѣшно идутъ впередъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ всѣ означенныя три женщины являются съ какимъ-то полотномъ, дугообразно поднимающимся надъ ихъ головами, а на другихъ съ этимъ украшеніемъ представлены только двѣ женщины, идущія впередъ ¹⁾. Это изображеніе до сихъ поръ было объясняемо весьма странно; но мнѣ кажется излишнимъ подробно доказывать несостоятельность этихъ объясненій. По всему вѣроятію, въ образѣ трехъ женщинъ выражается представленіе трехъ моментовъ времени: прошедшаго, настоящаго и будущаго. И, безъ сомнѣнія, настоящее время изображается среднею женщиною, которая находится въ спокойномъ состояніи; прошедшее же и будущее выражаются остальными двумя женщинами, изъ которыхъ поспѣшно удаляющаяся отъ средней есть олицетвореніе перваго, а приближающаяся къ ней — олицетвореніе послѣдняго. Согласно съ этимъ и въ трехъ грудныхъ изображеніяхъ на монетахъ Тетрика слѣдуетъ видѣть такое-же представленіе отвлеченнаго понятія о вѣчности. Только вмѣсто полныхъ фигуръ взяты бюсты и каждый изъ нихъ снабженъ лучезарнымъ вѣнцомъ. Ибо вѣчное существованіе казалось древнимъ самымъ важнымъ условіемъ, которымъ все божеское отличается отъ человѣческаго и земнаго ²⁾; вѣчность и божественность они разнымъ образомъ выставляли за одно и то же, и употребляли напр. одни и тѣ же символы какъ при представленіи Aeternitas, такъ и для изображенія Обогащенія (Consecratio) ³⁾, А такъ какъ самою существенною особенностью всѣхъ божескихъ тѣлъ считалось то, что они отличаются отъ человѣческихъ сверхъ-естественнымъ свѣтомъ, то ужъ и по-

1) Tristan: Comm. hist. T. I. стр. 669. Num. Pembroch. T. III. Tab. 73. Patin: Thesaur. num. стр. 172. Havercamp: Num. Reg. Christ. Tab. 20. Angeloni: Hist. Aug. стр. 162. Pedrusi: Cesari in oro, argento etc. T. VII. Tab. 18. Gessner: Num. Imper. Rom. Tab. 114, 16. 115, 21. Spanheim: Les Césars de l'Emp. Jul. стр. 261. Tölken: Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde 1844, Taf. 8, 5.

2) Manilius: Astron. I, 523.

Deus est, qui non mutatur in aevum.

3) Срав. напр. монету, изображенную у Oescl: Thea. num. Tab. 103, 9. съ другими, изображенными тамъ-же Tab. 104, 8 или Tab. 104, 3... Tab. 104, 7.

этому неудивительно, если рѣзчики на монетахъ считали нужнымъ обозначать этотъ божественный блескъ лучезарнымъ вѣнцомъ, именно у символовъ вѣчности. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ могло дѣйствовать еще другое соображеніе. Такъ какъ древніе съ мыслию о свѣтилахъ небесныхъ, въ особенности о солнцѣ и лунѣ, соединяли понятіе о вѣчномъ существованіи и считали ихъ представителями вѣчности ¹⁾, то не безъ основанія можно думать, что именно этотъ блескъ, свойственный небеснымъ тѣламъ, также оказалъ нѣкоторое вліяніе на символическое изображеніе вѣчности.

Лучезарный вѣнецъ, на монетахъ съ изображеніемъ вѣчности въ видѣ трехъ женщинъ во весь ростъ, замѣняется, какъ сказано, какимъ-то полотномъ, дугообразно поднимающимся надъ ихъ головами. Вспомнивъ же догадку, выраженную при объясненіи изображенія Беллерофонта (стр. 45), что такое украшеніе въ произведеніяхъ римскаго искусства иногда замѣняетъ нимбъ или лучезарный вѣнецъ, мы невольно дойдемъ до заключенія, что съ такимъ-же значеніемъ оно допущено при изображеніяхъ Aeternitas, какъ на означенныхъ монетахъ, такъ и въ другихъ случаяхъ ²⁾. Но во всѣхъ этихъ изображеніяхъ оно не представляетъ, какъ у Беллерофонта, полнаго круга, а составляетъ только полукругъ, тогда какъ оно только въ полномъ видѣ можетъ служить замѣною нимба или лучезарнаго вѣнца. Прибавимъ къ тому, что такимъ видомъ полотна, половиннымъ и полнымъ, весьма часто пользовалось, какъ подробно изложу я въ другомъ мѣстѣ, римское искусство для выраженія геометрическаго понятія о кругѣ и шарѣ, употреблявшагося въ разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ, и что именно формы круга и шара служили древнимъ для нагляднаго изображенія понятія о вѣчности. Весьма ясно выражено это въ стихахъ Манилія ³⁾:

1) Достаточно указать здѣсь на Jahn: Arch. Beitr. стр. 89 и сл. Но чтобы отклонить недоразумѣніе, спѣшу прибавить, что въ существенныхъ подробностяхъ этого обширнаго вопроса я не могу согласиться съ Яномъ. Объ этомъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ съ болѣею подробностію.

2) Oescl: Thea. Numm. Tab. 106, 4. Tölken: Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde 1844. Taf. 7, 19.

3) Astron. I, 208 и сл.

*Solisque orbem lunaeque rotundum
Aspicimus, tumido quaerentis corpore lumen,
Quod globus obliquos totus non accipit ignes.
Haec aeterna manet divisque simillima forma,
Cui neque principium est unquam neque finis in ipso,
Sed similis toto remanet perque omnia par est,*

и самое лучшее подтвержденіе этого представляютъ чеканщики, сдѣлавъ шаръ самымъ обыкновеннымъ атрибутомъ Aeternitas¹⁾. Итакъ на этомъ сочетаніи понятій основывается употребленіе означеннаго дугообразнаго украшенія, хотя и нельзя рѣшительно отрицать всякое побочное вліяніе мысли о сходствѣ этого украшенія съ нимбомъ.

Divina Providentia.

Съ нимбомъ въ Notitia Dignitatum. T. I. стр. 115. edit. Boecking.

Virtus.

Съ нимбомъ, тамъ-же. T. I. стр. 115.

Scientia rei militaria.

Съ нимбомъ, тамъ-же. T. I. стр. 115.

Vernus.

Съ нимбомъ, тамъ-же. T. I. стр. 116.

Aestas.

Съ нимбомъ, тамъ-же. T. I. стр. 116.

Autumnus.

Съ нимбомъ, тамъ-же. T. I. стр. 116.

Съ величайшею проникательностію разбирая изображенія въ рукописи: Notitia Dignitatum, Бёкингъ²⁾ доказалъ именно то, что они получили начало вмѣстѣ съ книгою, а не составляютъ позднѣйшаго прибавленія со стороны переписчиковъ. Въ своихъ существенныхъ чертахъ, они, очевидно, относятся

1) Oesel: Thea. Numm. Tab. 105, 9 — 12. 106, 1. 2. 4. 6. Tölken: Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde 1844. Taf. 7, 16 — 19. 8, 1. 4. 6. 7.

2) О Notitia Dignitatum стр. 91.

къ началу пятаго столѣтія по Р. Х.; но конечно они не могли не подвергнуться большому или меньшему вліянію переписчиковъ. Разумѣется, нельзя показать въ подробности, на сколько это вліяніе коснулось, можетъ быть, и нимба, который встрѣчается при весьма многихъ изображеніяхъ этой рукописи; однако не можетъ быть никакого недоумѣнія по крайней мѣрѣ относительно общаго правила, господствующаго въ нынѣшней ихъ формѣ. Какъ въ одной рукописи, упомянутой выше (стр. 84), мы постоянно встрѣчаемъ лучезарный вѣнецъ, а не нимбъ; такъ, напротивъ, здѣсь находимъ только послѣдній, за исключеніемъ нѣсколькихъ изображеній солнца ¹⁾ съ лучами вокругъ него, и нимба съ прибавкою нѣсколькихъ линий, можетъ быть, также для представленія лучей. Вообще безъ нимба являются изображенія не только обыкновенныхъ людей, но и императоровъ; напротивъ того, это украшеніе составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ фигуръ безъ исключенія, которыя принадлежатъ не дѣйствительной, но высшей, идеальной области. Къ числу ихъ относятся весьма многочисленныя олицетворенія мѣстностей, равно какъ и отвлеченныхъ понятій; нѣкоторые изъ нихъ являются съ крыльями и на лету; онѣ, можетъ быть, изображаютъ богиню побѣды или Ангеловъ ²⁾, и за исключеніемъ одного случая ³⁾, обыкновенно представляются безъ нимба, вѣроятно, потому-что составляютъ здѣсь второстепенное прибавленіе къ другому, важнѣйшему изображенію. Напротивъ, олицетворенія какъ мѣстностей, такъ и отвлеченныхъ понятій обыкновенно украшаются нимбомъ, и, встрѣчая изображенными безъ нимба *Auctoritas*, *Felicitas*, *Divina Electio* и Зимы подлѣ изображеній съ нимбомъ: *Divina Providentia*, *Virtus*, *Scientia rei militaris*, Весны, Лѣта и Осени, не трудно понять, что означенный атрибутъ не находится ни въ какой связи съ понятіями такого рода, изображаемыми наглядно, въ особенности относительно олицетвореній мѣстности. Очевидно, при всѣхъ этихъ олицетвореніяхъ, не принадлежащихъ міру дѣйствительности, художникъ принялъ за правило указывать

1) Т. II. стр. 18. ed. Boecking.

2) Т. I. стр. 18. 22. 45. 115. 116. Т. II. стр. 18. ed. Boecking.

3) Т. I. стр. 18. ed. Boecking.

на ихъ высшее значеніе прибавкою нимба; однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отступалъ отъ своего правила, забывалъ о нимбѣ, если въ этомъ не искать порчи рисунковъ въ позднѣйшее время. Поэтому мы должны остерегаться, чтобы при иныхъ изображеніяхъ, гдѣ означенный атрибутъ дѣйствительно можно ставить въ тѣснѣйшую связь съ олицетвореннымъ понятіемъ ¹⁾, не приписать художнику такихъ мыслей, какихъ онъ не могъ имѣть.

Сирійская богиня Атаргатида.

Lukian: De Dea Syria c. 32. Καὶ τὰ μὲν ξύμπαντα ἀτρέχεϊ λόγῳ Ἥρῃ ἐστίν· ἔχει δέ τι καὶ Ἀθηναίης καὶ Ἀφροδίτης καὶ Σεληναίης καὶ Ρέης καὶ Ἀρτέμιδος καὶ Νεμέσιος καὶ Μοιρέων. Χεῖρὶ δὲ τῇ μὲν ἐτέρῃ σκῆπτρον ἔχει, τῇ ἐτέρῃ δὲ ἄτρακον, καὶ ἐπὶ τῇ κεφαλῇ ἀκτῖνάς τε φορεῖ καὶ πύργον καὶ κροτὸν, τῇ μούνην τὴν Οὐρανίην κοσμεύουσιν.

Macrobi.: Saturn. I, 23, 19. «*Atargatidis simulachrum sursum versum reclinatis radiis insigne est monstrando radiorum vi superne missorum enasci quaecunque terra progenerat*».

Слова Лукіана составляютъ часть описанія, которое онъ оставилъ намъ объ изображеніи Сирійской богини, находившемся нѣкогда въ Гіераполисѣ. Но остается еще не рѣшеннымъ вопросъ, дѣйствительно ли эта богиня тождественна съ Атаргатидою, а если нѣтъ, то какое значеніе заключается въ каждой изъ нихъ отдѣльно ²⁾. Поэтому всякая попытка точнѣе опредѣлить смыслъ лучезарнаго вѣнца, приписываемаго этой богинѣ, будетъ совершенно напрасна, и, кажется, нѣтъ нужды доказывать, что слова Макробія, какъ выраженіе его личнаго неудачнаго соображенія, не имѣютъ въ этомъ случаѣ никакой силы.

1) На римскихъ монетахъ, напр. Providentia не безъ основанія является подъ образомъ солнца, окруженнаго лучезарнымъ вѣнцомъ. Tristan: Comm. hist. T. II. стр. 162. 164. Gessner: Num. Imper. Rom. Tab. 141, 15. Tölkens: Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde 1844. Taf. 7, 10.

2) Срав. въ особенности отличающуюся тонкимъ критическимъ тактомъ статью Р. Рота въ Pauly: Real-Encyclopaedie Th. VI. стр. 1546 и Preller: Röm. Myth. стр. 744 и сл., который впрочемъ кое-что высказываетъ рѣшительнѣе, чѣмъ можно допустить.

Нанэя.

1. Съ нимбомъ на золотой монетѣ индоскиѣскаго царя, Эрки. Wilson: *Ariana ant.* Pl. 14, 1. Thomas: *Journ. of the As. Soc.* T. XII. Pl. 6, 5. Lassen: *Indische Alterthumsk. Th.* II. стр. 833, 1.

2. Съ нимбомъ на золотой монетѣ того-же царя. Thomas: *Journ. of the As. Soc.* T. XII. Pl. 4, 7. Lenormant: *Trésor de numism. Rois grecs* Pl. 79, 15. Lassen: *Indische Alterthumsk. Th.* II стр. 834, 9.

3. Съ нимбомъ на золотой и мѣдной монетахъ индо-скиѣскаго царя Канэрки. Wilson: *Ariana ant.* Pl. 11, 17 — 20. 12, 2. 12. Lenormant: *Trésor de numism. Rois grecs* Pl. 80, 13. Lassen: *Indische Alterthumsk. Th.* II. стр. 838, 6. 7. 11.

4. Съ нимбомъ на мѣдной монетѣ индо-скиѣскаго царя Эр-Кенорано. Wilson: *Ariana ant.* Pl. 13, 7. Lassen: *Indische Alterthumsk. Th.* II. стр. 867, 4.

Прежнее общепринятое мнѣніе, что Нанэя есть богиня луны, основывается единственно только на предположеніи о тождествѣ ея съ Атаргатидою, которое въ особенности Моверсъ ¹⁾ старался доказать подробно, и это предположеніе, можетъ быть, дало поводъ къ тому, что въ снимкѣ съ монеты, находящемся у Вильсона, она изображена съ полумѣсяцемъ на лбу, между-тѣмъ-какъ въ снимкѣ съ той-же монеты у Томаса на головѣ ея ничего не замѣтно, кромѣ взъерошенныхъ волосъ или нѣ-котораго подобія лучезарнаго вѣнца. Но Виндишманъ ²⁾ совершенно опровергъ мнѣніе о сходствѣ Нанэи съ Атаргатидою и такимъ образомъ устранилъ возможность считать ее богинею луны. Впрочемъ его собственное убѣжденіе, что Нанэя была богинею побѣды и войны, что уже допускалъ Лассенъ ³⁾ въ другомъ смыслѣ, не можетъ быть принято безусловно. Въ основаніи показаннаго имъ сходства этой богини съ греческою Аоиною можетъ находиться не только мысль о соответствіи ихъ,

1) *Phoenizier* Th. I. стр. 626 и сл. Предположеніе Винера: *Biblisches Real-Wörterbuch* Th. II. стр. 82, что Нанэя представляла планету Венеру, лишено всякаго основанія. Упомянутое объ этой богинѣ у Melito доказано Хвольсономъ въ нашихъ *Mém. des sav. étrang.* T. VIII. стр. 430.

2) *Abhandl. der kön. bayer. Akad. der Wiss.* Th. VIII, 1856. стр. 121. и сл.

3) *Indische Alterthumsk. Th.* II. стр. 841.

какъ богинь побѣды и войны, но точно также и мысль, что та и другая были богинями эзира, и наружный видъ Нанэи на упомянутыхъ монетахъ говорить, можетъ быть, болѣе въ пользу послѣдняго, чѣмъ перваго. Поэтому теперь еще и не можетъ быть рѣшено, какое изъ этихъ двухъ значеній заключается въ нимбѣ означенной богини.

Матроны.

Перечисленіе изображеній Матронъ, или *Matres*, дошедшихъ до насъ въ большомъ изобиліи, было бы здѣсь излишнимъ, да и невозможнымъ, потому что при описаніи относящихся сюда памятниковъ вниманіе больше обращалось на надписи, чѣмъ на изображенія. Достаточно сказать, что эти богини, обыкновенно представляемыя въ видѣ трехъ женщинъ, въ болѣе части средней, западной и сѣверо-западной Европы были чтимы, какъ покровительницы и защитницы различныхъ округовъ и мѣстечекъ, и что двѣ изъ нихъ, изображаемыя по обѣимъ сторонамъ третьей, если не всегда, то по крайней мѣрѣ обыкновенно украшаются большимъ нимбомъ ¹⁾. Преллеръ ²⁾ выражаетъ другое мнѣніе о назначеніи этихъ богинь, называя ихъ: «*segnende Göttinnen der Flur und des Waldgebirges*», и поводомъ къ тому, вѣроятно, послужили цвѣты и плоды, съ которыми онѣ обыкновенно изображаются. Однако болѣе большая часть ихъ прозваній заимствована отъ политическаго раздѣленія странъ, и если въ нѣкоторыхъ именахъ ихъ, какъ *Junones montanae* ³⁾, *Matres Campestris* ⁴⁾ и т. д. нельзя найти такого значенія, то съ другой стороны названія ихъ, какъ *Matres Pannoniorum et Dalmatarum* ⁵⁾, *Nymphae Brigantum* ⁶⁾ и т. д. не представляютъ никакого указанія на понятіе о поляхъ и нивахъ. И такъ ни тѣ, ни другія названія опредѣленно не выражаютъ значенія ихъ; онѣ на столько кажутся богинями нивъ,

1) Для примѣра могутъ быть указаны снимки, находящіеся въ Jahrb. der Alterth. in den Rheinl. Th. XII. Taf. 1—3. Th. XX. Taf. 1. 3. и у Knapp: Röm. Denkm. des Odenwaldes Taf. 8. № 58.

2) Röm. Mythol. стр. 257.

3) Wal: Moedergodinnen № 64.

4) Wal: Moedergodinnen № 85. 122.

5) Wal: Moedergodinnen № 127.

6) Wal: Moedergodinnen № 73.

на сколько послѣднія составляютъ политическія области. Цвѣты же и плоды являются ихъ обыкновеннымъ атрибутомъ въ такомъ-же смыслѣ, въ какомъ они встрѣчаются почти при всѣхъ олицетвореніяхъ различныхъ странъ и провинцій ¹⁾ въ рукописи *Notitia Dignitatum*.

Нѣкоторые ученые считаютъ нимбъ этихъ богинь не выраженіемъ блеска, свойственнаго божествамъ, но обыкновеннымъ женскимъ головнымъ нарядомъ, и на основаніи того, что сказано было выше (стр. 75) о такомъ нарядѣ, это мнѣніе не можетъ быть отвергнуто безусловно. И для подтвержденія его мы могли бы даже указать на одинъ памятникъ, на которомъ изображены три богини, а внизу ихъ жертвоприношеніе, при которомъ присутствуетъ какая-то женская фигура въ такомъ головномъ нарядѣ ²⁾; но мы не въ состояніи сказать положительно, что въ этой фигурѣ представлена женщина, приносящая жертву, а не богиня, въ честь которой совершается жертвоприношеніе. Кромѣ того весьма страннымъ показалось бы то обстоятельство, что при изображеніи этихъ богинь въ различныхъ странахъ, не смотря ни на какое разстояніе, постоянно обращалось вниманіе на соблюденіе одинаковой формы ничего не выражающаго головного наряда; притомъ въ тотъ поздній періодъ древности, которому принадлежатъ изображенія этихъ богинь, было уже обыкновеніемъ при олицетвореніяхъ мѣстностей употреблять нимбъ безъ всякаго отношенія къ особеннымъ свойствамъ послѣднихъ, только для причисленія ихъ къ разряду высшихъ существъ; а Матроны были всего ближе къ такимъ олицетвореніямъ.

Въ древнѣйшія времена это дѣлалось только по требованію особенныхъ свойствъ олицетворенно изображаемыхъ мѣстностей, какъ достаточно доказываютъ вышеупомянутыя изображенія горы Аргеоса съ лучезарнымъ вѣнцомъ (см. в. стр. 52), и Скопії съ нимбомъ ³⁾ подлѣ другихъ безчисленныхъ представленій та-

1) Итакъ эти *Matronae* болѣе всего сходствуютъ съ пользовавшимися большимъ почетомъ въ особенности въ Италіи Фортунами отдѣльныхъ городовъ, строеній, корпорацій, семействъ и т. д. См. Preller: *Röm. Myth.* стр. 557.

2) *Jahrbücher der Alterth. in den Reinl. Th.* XII. Taf. 1.

3) См. в. стр. 89. У Banduri: *Num. Imp. Rom.* Т. II. стр. 235. находится снимокъ съ одной монеты Юліана Отступника, которая также представляетъ

кого рода безъ означеннаго атрибута. Въ позднѣйшія же времена, именно по миниатюрамъ рукописей, мы замѣчаемъ въ этомъ отношеніи наблюденіе другаго правила. Живописецъ, украсившій миниатюрами миланскій списокъ Иліады и по взгляду своему на употребленіе нимба и лучезарнаго вѣнца стоящій еще весьма близко къ художникамъ древнѣйшаго времени, два раза изобразилъ Скамандръ безъ нимба ¹⁾, хотя и пользовался этимъ атрибутомъ въ другихъ случаяхъ весьма часто. Въ миниатюрахъ же, которыя дѣлають для насъ ватиканскій списокъ Виргилія № 3225 столь драгоценнымъ, за исключеніемъ одного мѣста, именно при изображеніи солнца, не встрѣчается ни нимба, ни лучезарнаго вѣнца, а въ ватиканскомъ спискѣ того же поэта подъ № 3867, судя по изданнымъ доселѣ снимкамъ съ его миниатюръ, нѣтъ никакихъ изображеній олицетворенныхъ мѣстностей. Еще менѣе можетъ служить намъ въ пользу неопредѣленное и ненадежное замѣчаніе Шульца ²⁾ о рукописи Рабана Мавра. Но встрѣчая въ вышепомянутой парижской рукописи подъ № 1878 всѣ олицетворенія мѣстностей безъ лучезарнаго вѣнца, мы считаемъ это обстоятельство случайностью въ слѣдствіе произвола, съ которымъ художникъ пользовался означеннымъ атрибутомъ, а на Певтингеровой картѣ одна женская фигура, представляющая городъ Антіохію, является съ большимъ нимбомъ, тогда какъ Римъ и Константинополь лишены этого украшенія. Объ одной рукописи на пергаментѣ, находящейся въ Ватиканской Библіотекѣ, Буонаруотти ³⁾ говоритъ, что въ ней изображены въ человѣческомъ видѣ съ нимбомъ города Іерихонъ, Газа и Габаа. Но самый замѣчательный примѣръ изъ всѣхъ представляютъ изображенія Notitia Dignitatum, которыя по своему первоначальному начертанію относят-

какое-то рѣчное божество, въ лучезарномъ вѣнцѣ, вѣроятно Нилъ. Однако изъ описанія, даннаго въ томъ же сочиненіи, стр. 437, оказывается, что этотъ лучезарный вѣнецъ подлежитъ сомнѣнію и что правильнѣе вмѣсто него принять тростниковые листья.

1) Mai: Pict. Rom. Tab. 52. 53.

2) Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 105.

3) Vetri ant. стр. 62. Объ этой же самой рукописи, кажется, говоритъ также Schulz: Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 105., который, однако, свидѣтельствуешь, что «*le personificazioni delle città e dei fiumi*» имѣють при себѣ нимбъ.

ся, какъ замѣчено выше, къ началу пятого столѣтія. Художникъ, рисовавшій ихъ, очевидно, постоянно держался правила употреблять нимбъ при всѣхъ олицетвореніяхъ этого рода, безъ всякаго отношенія къ особннымъ свойствамъ различныхъ мѣстностей, и если мы не находимъ этого атрибута на четырехъ листахъ ¹⁾ и однажды на нихъ даже при семнадцати изображеніяхъ сряду, то встрѣчая гораздо большее число фигуръ, украшенныхъ нимбомъ ²⁾, мы должны приписать то опущеніе нимба лишь небрежности.

Такого-же правила, кажется, держались тѣ каменотесы, которые оставили намъ множество изображеній Матронъ съ нимбомъ. Но я не могу сказать, почему они постоянно или почти постоянно отказывали въ этомъ украшеніи богинѣ, занимающей въ изображеніи среднее мѣсто. Замѣчу только то, что нѣчто подобное уже встрѣтилось намъ выше (стр. 95), при представленіяхъ Aeternitas, въ покровѣ, простирающемся надъ головой дугою, которое иногда замѣняетъ нимбъ или лучезарный вѣнецъ.

Пантея.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ бронзовая статуэтка, нѣкогда принадлежавшая Беллоріи. *Spon: Misc. erud. ant.* стр. 19.

1) Т. I. стр. 13. 110. Т. II. стр. 70. 123. ed. Boecking.

2) Такъ какъ не всякій имѣетъ подъ рукою изданіе Бѣкинга *рукоп. Notitia Dignitatum*, то не считаю лишнимъ поименовать здѣсь олицетворенія мѣстностей, представленныя съ нимбомъ въ этомъ изданіи: Ахавія Т. I. стр. 53, Египетъ Т. I. стр. 57, Африка Т. II. стр. 9. 61. 421, Аравія Т. I. стр. 55, Аркадія Т. I. стр. 57, Армения Т. I. стр. 61, Азія Т. I. стр. 51, Августамника Т. I. стр. 57, Бэтика Т. II. стр. 69, Вионнія Т. I. стр. 61, Бизацій Т. II. стр. 67, Каппадокія Т. I. стр. 61, Карія Т. I. стр. 59, Киликія Т. I. стр. 55, Кипръ Т. I. стр. 55, Эвфратензисъ Т. I. стр. 55, Европа Т. I. стр. 63, Галатія Т. I. стр. 61, Галлеція Т. II. стр. 69, Гемимонтъ Т. I. стр. 63, Геленопонть Т. I. стр. 61, Геллеспонть Т. I. стр. 51, Гоноріада Т. I. стр. 61, Иллиръ Т. II. стр. 9, Инсулае Т. I. стр. 51, Исаврія Т. I. стр. 55, Италия Т. II. стр. 9, Ливія Т. I. стр. 57, Люзитанія Т. II. стр. 69, Ликаонія Т. I. стр. 59, Ликія Т. I. стр. 59, Лидія Т. I. стр. 59, Мавританія Т. II. стр. 67, Месопотамія Т. I. стр. 55, Мизія Т. I. стр. 63, Нумидія Т. II. стр. 67, Osrhoena Т. I. стр. 55, Палестина Т. I. стр. 55, Памфилия Т. I. стр. 59, Пафлагонія Т. I. стр. 61, Финикія Т. I. стр. 55, Фригія Т. I. стр. 59, Писидія Т. I. стр. 59, Pontus Polemoniacus Т. I. стр. 61, Родопа Т. I. стр. 63, Римъ Т. II. на заглавномъ листѣ, Скиеія Т. I. стр. 63, Сирія Т. I. стр. 55, Оиванда Т. I. стр. 57, Оракія Т. I. стр. 63, Триполитана Т. II. стр. 67.

Causeo de la Chausse: Rom. Mus. T. I, 2. Tab. 31. Hirt: Bilderbuch Taf. 13, 20.

2. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ бронзовая статуэтка, нѣкогда принадлежавшая Деввиту. Causeo de la Chausse: Rom. Mus. T. I, 2. Tab. 32.

3. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на рѣзномъ камнѣ; на какомъ, и кому онъ принадлежитъ, неизвѣстно. Gori: Thes. gemm. astrif. T. I. Tab. 156. Raspe: Catalogue Pl. 35, 3179. Arch. Zeitung 1850. Taf. 15, 5.

4. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на серебряной и мѣдной монетахъ Септимія Севера и Клодія Албина, съ надписями: «*Saeculo frugifero*» и «*fecundo*». Tristan: Comment. hist. T. II. стр. 42. Liebe: Gotha numm. стр. 285. Eckhel: Doctr. Num. T. VII. стр. 162. 169.

Что лучезарный вѣнецъ первыхъ двухъ фигуръ служить для указанія на солнце, въ томъ, согласно со всею ихъ обстановкою, никто не будетъ сомнѣваться. При третьей фигурѣ — соединеніи созвѣздія Овна, Дѣвы и одной женской фигуры, которая, не смотря на шлемъ и щитъ, заимствованные отъ Минервы, не можетъ быть принята за эту богиню по обнаженности верхней части тѣла и атрибуту, находящемуся въ ея правой рукѣ (рогъ изобилія или руль), — можно искать только общаго указанія на какое-либо свѣтило небесное, а не особеннаго отношенія къ солнцу. Однако слова Макробія (Saturn. I, 21, 23): «*Virgo autem, quae manu aristam refert, quid aliud quam δύναμις ἡλιακή, quae fructibus curat*» допускаютъ догадку, что лучезарный вѣнецъ, находящійся при созвѣздіи Дѣвы выражаетъ здѣсь также отношеніе къ солнцу. Изображенія на монетахъ подъ № 4 носятъ на себѣ характеръ, болѣе синкретистическій, чѣмъ пантеистическій, такъ какъ соединеніе атрибутовъ различныхъ божествъ служить здѣсь не для представленія божества всего сущаго, но для нагляднаго выраженія заботъ Септимія Севера объ изобиліи въ хлѣбѣ. Главное мѣсто принадлежитъ здѣсь солнцу, которое дало землѣ необходимую теплоту, а оплодотворяющій элементъ воды изображенъ трезубцемъ. Наконецъ результатъ дѣйствія этихъ двухъ элементовъ выраженъ посредствомъ колосьевъ и Гермесова жезла.

Сфинксъ.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на одной вазѣ, находящейся въ собраніи пармскаго великаго герцога. Mon. pubbl. dall' Inst. arch. T. II. Tav. 55. Gennarelli: Atti dell' Accad. Rom. T. XI. Tav. 2. Welcker: Denkmäler Th. III. Taf. 11.

2. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на одной вазѣ, находящейся въ собраніи Ятты. Bull. Napol. T. IV. стр. 107.

3. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на одной вазѣ Бароне, торговца произведеніями искусства. Bull. Napol. T. IV. стр. 108.

Первоначальное значеніе Сфинкса для насъ остается весьма темнымъ, не смотря на то, что писатели, какъ древнѣйшіе, такъ и самые поздніе, говорятъ объ этомъ существѣ очень часто и обстоятельно. Всѣ они представляютъ его чудовищемъ, которое отчасти посредствомъ силы, отчасти посредствомъ хитрости, сокровеннаго знанія и загадочныхъ вопросовъ распространяетъ вокругъ себя ужасъ и губитъ въ особенности юношей тѣлесно и духовно ¹⁾; но они не даютъ никакихъ указаній, по которымъ бы можно было съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ опредѣлить, какъ попалъ онъ въ кругъ почитанія Вакха ²⁾. Точно также ни у кого изъ писателей нѣтъ ни малѣйшаго намека объ его отношеніи къ какому-либо свѣтилу небесному. Ни позднѣйшіе мифологи, ни самъ Макробій, превращающій все въ боговъ солнца, не нашли въ Сфинксѣ ни одного признака, по которому бы можно было причислить его къ разряду существъ, олицетворенно представляющихъ какія-либо свѣтила небесныя. Но такъ какъ лучезарный вѣнецъ, по нашему мнѣнію, служитъ не только для указанія на свѣтила небесныя, но и для выраженія грозной и страшной силы, и такъ какъ въ каждомъ отдѣль-

1) Jahn: Arch. Beitr. стр. 116. Jaer: Die griechische Sphinx стр. 10 и сл. Ср. также Plutarch: de Is. et Osir. гл. 9. Tzetzes къ Ликоар. 1465. Clem. Alexandr.: Strom. V, 5, 31. стр. 240. V, 7, 43. стр. 242.

2) Я уже доказалъ это въ Bull. hist.-phil. T. XII. стр. 262 и сл. = Mél. gréco-rom. T. I. стр. 530, какъ свидѣтельствомъ писателей, такъ и произведеніями искусства. Здѣсь напоминаю еще о томъ, что говоритъ Herod. IV, 79 о Скилесѣ, который въ особенности былъ преданъ почитанію Діониса: 'Ὡς οἱ ἐν Βορυσθηνείῳ τῇ πόλει οἰκίης μεγάλης καὶ πολυτελούς περιβολῇ, τῆς καὶ ὀλίγον τι πρότερον τούτων μνήμην εἶχον, τὴν περὶ λευκοῦ λίθου Σφίγγος τε καὶ Γρύπας ἱστασάν, и укажу на отрывокъ изъ Эврипида № 178. ed. Nauck: παρῶν τῇν Σφίγγα ὁ Διόνυσος ἐπαμφε τοῖς Θηβαίοις, ὡς ἐν Ἀντιγόνῃ λέγει.

номъ случаѣ мы должны объяснять его сообразно съ представленіями того времени, которому принадлежитъ разсматриваемое произведеніе искусства, то, кажется, со всѣмъ вѣроятіемъ, какое возможно въ дѣлѣ этого рода, можемъ утверждать, что въ трехъ означенныхъ изображеніяхъ онъ допущенъ во второмъ значеніи ¹⁾). Кромѣ того въ картинѣ подѣ № 1, мы видимъ какого-то юношу, кто бы онъ ни былъ, въ ужасѣ бѣгущаго отъ чудовища и готовящагося защищаться схваченнымъ камнемъ. Въ этомъ случаѣ художникъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ представить Сфинкса существомъ, вселяющимъ ужасъ. Но въ изображеніи подѣ № 2 Сфинксъ составляетъ, какъ весьма часто встрѣчается это въ совершенно подобныхъ соединеніяхъ ²⁾), часть украшенія, въ которомъ изображены также Химера, грифъ, рысь и барсъ — звѣри, общее свойство которыхъ заключается въ ихъ страшной свирѣпости.

Этотъ выводъ, представляющійся самъ собою, для каждого изслѣдователя, свободнаго отъ предубѣжденія, конечно, очень далекъ отъ тѣхъ заключеній, которыхъ держались до сихъ поръ ученые, за исключеніемъ Яна ³⁾), здраво разсуждающаго объ изображеніи подѣ № 1. Исходнымъ пунктомъ ихъ, по обыкновенію, было предположеніе объ исключительномъ отношеніи лучезарнаго вѣнца къ свѣтиламъ небеснымъ, и слѣдственно имъ оставалось рѣшить, что представляетъ Сфинксъ, солнце, или луну. Но въ особенности удивительно, что ни защитники мнѣнія объ отношеніи Сфинкса къ лунѣ, ни противники нисколько не замѣтили, что длинные и большіе лучи не соотвѣтствуютъ вѣжному

1) Можетъ быть, при этомъ имѣлось также въ виду указаніе на ослѣпительную красоту и юность Сфинкса, съ какою цѣлью нерѣдко употребляемъ былъ нимбъ или лучезарный вѣнецъ. На это-же качество указываетъ и сопоставленіе его съ гетерами (см. стр. 106. прим. 1.), которыя губятъ юношей именно тѣмъ, что ихъ дурной характеръ скрывается подѣ прелестью цвѣтущей красоты. Такимъ-же образомъ со времени Праксителя обыкновенное представленіе Медузиной головы соединяло формы юношеской прелести и рѣдкой красоты съ характеромъ убійственно-ужасной демонической силы.

2) Напр. Mon. pubbl. dall' Inst. arch. T. II. Tav. 18. Micali: Storia Tav. 28. 4. 99, 7. 11. 16. 17. Mus. Borb. T. XIII. Tav. 57. Inghirami: Vasi fittili Tav. 279. 308.

3) Arch. Beitr. стр. 118. Только едвали кто согласится съ мнѣніемъ Яна о томъ, что между изображеніями на этой вазѣ и на упомянутой на стр. 41 находится «ein völliger Gegensatz, der sich bis ins Detail verfolgen lasse».

свѣту луны, и что поэтому всѣ древніе художники безъ исключенія старательно избѣгали такого атрибута для означенія этого свѣтила. Не найдя у писателей никакихъ показаній объ отношеніи Сфинкса къ свѣтиламъ небеснымъ, эти изслѣдователи прибѣгли къ такимъ произведеніямъ искусства, при которыхъ легче поддерживать произвольныя толкованія, и старались оправдать свое заключеніе посредствомъ такихъ соображеній, которыя большею частію надобно считать по меньшей мѣрѣ рискованными. И даже то обстоятельство, что на другой сторонѣ вазы подъ № 1, изображенъ солнечный кругъ, служило имъ доказательствомъ, какъ будто безчисленные примѣры не убѣждаютъ насъ въ томъ, что между изображеніями на обѣихъ сторонахъ вазы обыкновенно не бываетъ никакой внутренней связи, и что поэтому экзегетика должна указывать на такую связь, когда она дѣйствительно открывается сама собою, а не предполагать ее заранее.

Но главное показаніе они находятъ въ картинѣ на вазѣ, изображающей Сфинкса вмѣстѣ съ Атласомъ, который держитъ на себѣ небесный сводъ, покрытый звѣздами¹⁾. Однако каждый изслѣдователь, свободный отъ предубѣжденія, при первомъ взглядѣ на картину, долженъ вспомнить, что подобно Сфинксу, который, какъ извѣстно, является на гергисскихъ монетахъ символомъ глубокаго знанія, скрывавшагося въ изреченіяхъ Сивиллы гергисской²⁾, представителемъ таинственнаго знанія во-

1) Bull. Napol. T. IV. Tav. 6. Wieseler: Denkm. Th. II. № 824.

2) Mionnet: Suppl. T. V. стр. 359. № 496. Streber: Abhandl. der k. bayr. Akad. der Wiss. 1835. Th. I. стр. 204 и сл. Steph. Byz.: Γέργες — ἀφ' οὗ Γεργυῖα ἢ χρυσολόγος Σίβυλλα, ἣ τις καὶ ἐτετύπωτο ἐν τῷ νομισματὶ τῶν Γεργυῖων αὐτῇ τε καὶ Σφίγγι, ὡς Φλέγων ἐν Ὀλυμπιάδων α'. Хотя и не слѣдовало бы, однако я долженъ указать въ особенности на выраженіе αὐτῇ τε καὶ Σφίγγι, которое прямо показываетъ, что на тѣхъ монетахъ Сфинксъ замѣняетъ Сивиллу; такъ какъ Велькеръ, упоминая объ этихъ монетахъ, говоритъ, что: «*Bekannt wenigstens ist kein Griechisches Monument, wo die Sphinx die tiefe und verborgene Weisheit nothwendig bedeuten müsste*». Въ такомъ случаѣ должно бы было предположить, что Сивилла замѣнена Сфинксомъ въ какомъ-либо другомъ значеніи. Но безчисленные свидѣтельства древнихъ писателей (см. выше на стр. 106, прим. 1), не смотря ни на какія произвольныя толкованія, прямо указываютъ на такое значеніе Сфинкса, и этого было бы достаточно для защищенія нашего мнѣнія объ изображеніи на этой вазѣ, если бы даже мы не могли еще болѣе подтвердить его монетами изъ Горгиса и другими произведеніями искусства.

обще, а не астрономическаго только, считался также и Атласъ ¹⁾. Итакъ кто не помѣшался на предположеніи объ исключительномъ отношеніи лучезарнаго вѣнца къ небеснымъ свѣтиламъ, всякій пойметъ, что соединеніе Сфинкса съ Атласомъ основывается не на значеніи ихъ, какъ олицетвореній свѣтилъ небесныхъ, предполагаемомъ безъ всякаго основанія, но на сокровенномъ знаніи, общемъ имъ обоимъ. И это въ главномъ совершенно правильно замѣчено и выражено Визелеромъ, въ словахъ: «Такъ какъ эти два существа представляются разговаривающими между собой, то само собой приходитъ на мысль, что у нихъ разговоръ идетъ о таинственной мудрости, разумѣется въ области Астрономіи». Уже и этими словами вполне опровергается «космическое» значеніе означенной сцены, котораго другіе искали въ ней съ такою настойчивостью, если даже допустить оговорку: «*разумѣется въ области Астрономіи*». Но эта оговорка не имѣетъ никакого основанія, потому-что сокровенное знаніе Атласа простиралось отнюдь не на одну астрономію ²⁾, а между тѣмъ объ астрономической мудрости Сфинкса заключали именно только изъ присутствія Атласа. Въ другой картинѣ ³⁾, объясненной Визелеромъ въ слѣдъ за означенною, Атласъ поставленъ возлѣ Прометея, представителя глубочайшей мудрости; не рѣшился же онъ и у этого послѣдняго ограничить мудрость одною астрономіей.

Указывали также на монеты хіосскія, на которыхъ, какъ извѣстно, очень часто употребляется изображеніе Сфинкса. Такъ какъ во множествѣ монетъ этого острова находятся и такія, на которыхъ встрѣчаются изображенія Аполлона и Аполлоновыхъ атрибутовъ, а на двухъ монетахъ подлѣ Сфинкса пред-

1) Preller: Griech. Mythol. Th. I. стр. 351.

2) Hom.: Od. I, 52 и сл.

Ἀτλαντὸς θυγάτηρ ὀλοόφρωνος, ὅτε καὶ ἀλάσσης πάσης βένδεα οἶδεν.

3) Wieseler: Denkm. Th. II. № 825. Визелеръ, конечно, принимаетъ, что въ этомъ случаѣ Атласъ и Прометей противопоставлены другъ другу только, какъ «*Büßer*». Не отказывая этой мысли въ нѣкоторой долѣ справедливости, я сомнѣваюсь, однако, въ томъ, что такое противопоставленіе было главною цѣлью художника, потому что мысль о покаяніи никогда не соединялась съ обыкновеннымъ представленіемъ Атласа, и художникъ нашелъ бы лучшаго товарища для Прометея, если бы имѣлъ въ виду такое соединеніе.

ставлена звѣзда, то наши ученые и сочли себя въ правѣ заключить, что въ этихъ случаяхъ Сфинксъ «означаетъ Геліоса». Но отъ жителей этого острова, славившагося плодородіемъ, винодѣліемъ, мореходствомъ и торговлею своимъ виномъ, должно ожидать, что они, подобно жителямъ другихъ странъ, выразятъ въ главныхъ типахъ своихъ монетъ то, что составляло ихъ славу. И въ самомъ дѣлѣ столь-же часто мы находимъ въ нихъ, кромѣ Сфинкса, въ различныхъ сочетаніяхъ діоту (винный сосудъ о двухъ ручкахъ), виноградную кисть, плющевый вѣнокъ, маковыя головки, колосья, тирсъ, факель, рогъ изобилія, корабельный носъ, рыбу, трезубецъ и Гермесовъ жезлъ — однимъ словомъ, эмблемы, близко напоминающія о знаменитомъ винодѣліи острова и о Діонисѣ, изображенномъ на нѣкоторыхъ монетахъ и лично, равно о торговлѣ и мореплаваніи. А Аполлонъ и его атрибуты (не говоря уже о томъ, что онъ все-же еще не Геліосъ) является въ этихъ типахъ совершенно второстепеннымъ лицомъ, въ чемъ легко убѣдиться при пересмотрѣ Міоннетова перечня, и очевидно объясняется тѣсною связью его съ Діонисомъ. Точно также Ираклъ и его атрибуты, изображенные на нѣкоторыхъ хіосскихъ монетахъ, дѣлаются понятными по близкому отношенію его къ божеству, котораго Хіосцы считали главнымъ виновникомъ своего благосостоянія. Главнѣйшими же типами хіосскихъ монетъ представляются Діонисъ, винодѣліе и мореплаваніе, и такъ какъ Сфинксъ очевидно принадлежитъ не къ второстепеннымъ, а къ главнымъ типамъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ находится въ тѣсной связи не съ Аполлономъ, а съ Діонисомъ, и что, слѣдственно, подобно діотѣ, виноградной кисти и т. д., является представителемъ этого божества и винодѣлія острова, тѣмъ болѣе, что близкое его отношеніе къ Діонису вполне подтверждается другими указаніями¹⁾. Что же касается до звѣзды, то пересматривая монеты, мы находимъ, что она (иногда и двѣ звѣзды) столь же часто, если не чаще, изображается и безъ Сфинкса при другихъ главныхъ типахъ и въ особенности при

1) См. в. стр. 106. Впрочемъ точно также объясненъ Сфинксъ на хіосскихъ монетахъ Л. Миллеромъ въ его образцовомъ нумизматическомъ сочиненіи *Numismatique d'Alexandre le Grand* стр. 253.

діотѣ, и что по этому она нисколько не указываетъ на Сфинкса, какъ на представителя какого-либо свѣтила небеснаго. И сообразивъ, какое значеніе имѣетъ солнце для винодѣлія и земледѣлія, а прочія свѣтила для мореплаванія, каждый пойметъ, что въ изображеніи звѣзды находится такой-же смыслъ, какой показанъ былъ почти во всѣхъ другихъ типахъ на монетахъ хіосскихъ.

Еще опору въ пользу отношенія лучезарнаго вѣнца у Сфинкса къ какому-либо свѣтилу небесному думали найти въ одномъ рѣзномъ камнѣ, который принадлежитъ Римскому искусству позднѣйшаго времени и на которомъ подлѣ Сфинкса изображены три звѣзды и полумѣсяцъ ¹⁾. И дѣйствительно, всѣмъ извѣстно, что звѣзды и полумѣсяцъ весьма часто являются при дѣйствующихъ лицахъ сказанія для обозначенія ихъ отношенія къ свѣтиламъ небеснымъ ²⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ также всѣ знаютъ, что такіе атрибуты еще чаще употребляются и для другихъ указаній. По этому, чтобы употребить означенный камень въ пользу разсматриваемаго взгляда, слѣдовало прежде другимъ образомъ доказать, что полумѣсяцъ и звѣзды назначены здѣсь именно къ тому, чтобы указывать на отношеніе того существа, при которомъ онѣ находятся, къ свѣтиламъ небеснымъ. Но такого доказательства не было, да признаюсь, изъ числа возможныхъ объясненій этого соединенія я не нахожу ни одного, которое бы заслуживало предпочтенія по особенной вѣроятности. Одно только знаю я (да могли знать и тѣ, которые хотѣли воспользоваться означеннымъ камнемъ въ доказательство своего взгляда), что изображеніе на томъ камнѣ принадлежитъ къ кругу представленій римскаго позднѣйшаго времени, отъ котораго, даже допуская въ полумѣсяцѣ и звѣздахъ предполагаемое значеніе, никакъ нельзя дѣлать заключенія

1) Ann. dell' Inst. arch. T. X. Tav. O, 2.

2) См. напр. в. стр. 54 и сказанное также о звѣздахъ на монетахъ хіосскихъ.

3) Почему напр. эти атрибуты и здѣсь, какъ вѣрѣю при другихъ изображеніяхъ божествъ, не могутъ выражать божеское могущество вообще и въ особенности вѣчное существованіе? Ниже мы приведемъ часть изъ безчисленнаго множества изображеній, подобныхъ разсматриваемому, которая положительно доказываютъ, что въ позднѣйшее время, которому принадлежитъ разсматриваемый рѣзной камень, Сфинксъ, какъ и другія подобныя ему существа, превратился въ какое-то божество всего сущаго.

о первобытномъ значеніи Сфинкса ни даже о представленіяхъ, господствовавшихъ за пять сотъ лѣтъ, когда явились разсматриваемыя изображенія Сфинкса на вышеупомянутыхъ вазахъ. Это будетъ еще яснѣе, если обратимся къ другому, давно извѣстному рѣзному камню, о которомъ много было говорено; но при этомъ случаѣ онъ былъ оставленъ безъ вниманія, не смотря на то, что онъ гораздо полнѣе тѣхъ, на которые ссылались, выражаетъ представленія, служащія основаніемъ для рисунковъ этого рода на рѣзныхъ камняхъ. На лицевой сторонѣ этого камня при Сфинксѣ изображены не только звѣзды и полумѣсяцъ, но и Гермесовъ жезлъ и мертвая голова; на оборотной же его сторонѣ, внутри змѣи, поглощающей свой хвостъ, находится большею частію непонятная надпись, въ которой однако можно прочесть имя Iao ¹⁾. Понятно, что и этимъ путемъ не придешь къ желаемому результату.

Но еще менѣе заслуживаютъ опроверженія другіе способы, которыхъ держались нѣкоторые ученые при объясненіи Сфинкса, въ особенности Велькеръ ²⁾. Злоупотребленія методы, которыя позволяли себѣ нѣкоторые ученые въ послѣднія десятилѣтія, къ счастью вызвали наконецъ благодѣтельное противудѣйствіе. Поэтому думаю, что послѣ всего сказаннаго безпристрастный читатель не будетъ уже въ затрудненіи на счетъ значенія лучезарнаго вѣнца при Сфинксѣ.

С о в а.

Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на одной вазѣ самаго древняго стиля, найденной въ Эгинѣ и принадлежащей г. Шлуберту. Monum. pubbl. dall' Inst. arch. T. III. Tav. 46. № 1. Welcker: Denkm. Th. III. Таб. 6.

1) Gori: Thesaur. Gemm. astrif. T. I. Tab. 138. Bellerman: Versuch über die Gemmen mit dem Abraxas-Bilde Th. III. стр. 9 и сл. Корр: Palaeogr. crit. T. IV. стр. 194. Matter: Hist. du gnost. Pl. 7, 8. Можно сравнить также нѣкоторые подобные рѣзные камни безъ звѣздъ и полумѣсяца, срисованные у Гори: Gemm. Mus. Flor. T. II. Tab. 94, 2. 3. 4. 6.

2) О большей части произведеній искусства, на которыя ссылается здѣсь Велькеръ, я говорилъ въ моихъ сочиненіяхъ: Titul. Graec. Part. III. стр. 15 и сл., въ Bull. hist.-philol. T. VIII. стр. 327 и сл. = Mél. gréco-rom. T. I. стр. 2 и сл. и въ Bull. hist.-phil. T. IX. стр. 207 и сл. = Mél. gréco-rom. T. I. стр. 173 и сл.

Небольшая, весьма замѣчательная картина, которую я по снисходительности владѣтеля имѣлъ возможность разсматривать неоднократно, изображаетъ битву Иракла съ гидрою. На вождѣ, которую держитъ Аѳина, сидитъ обыкновенная ея спутница, Сова, голова которой украшена кругомъ черныхъ штриховъ. Значительная величина и замѣтная отдаленность ихъ отъ головы не позволяютъ въ нихъ видѣть головныхъ перьевъ, поднявшихся вверхъ. Поэтому не безъ основанія Визелеръ ¹⁾ думалъ, что они представляютъ лучи и намекаютъ на всѣмъ извѣстный блескъ глазъ этой птицы. Но, безъ сомнѣнія, художникъ не имѣлъ намѣренія изобразить сову существомъ божественнымъ и сверхъестественнымъ, потому-что въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы отказать самой богинѣ въ атрибутъ, выражающемъ божественное достоинство.

ФЕНИКСЪ.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на золотой монетѣ Траяна. *Caylus: Num. aug. Imp. Rom. № 330. Creuzer: Symb. Th. II. H. 1. Taf. 8, 27.*

2. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на серебряныхъ монетахъ Антонина Благочестиваго, выбитыхъ въ Александріи, съ знаками LB и LS и съ припискою: AION. *Zoega: Num. Aeg. стр. 166. 178. Tab. 11. Münter: Sinnb. der Christen Taf. 3, 68.*

3. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на мѣдной монетѣ Фаустины, «*Aeternitas*» *Biaeus, Gevart, Beger: Num. Imp. Rom. Tab. 43, 19. Augustin: Ant. Rom. Tab. 43, 19. Montfaucon: Ant. Expl. T. I. Pl. 205, 9. Oesel: Thes. num Tab. 105, 10. Tölken: Zeitschr. für Münz - Siegel - und Wappenkunde 1844. Taf. 7, 18.* Кромѣ того *Oesel: Thes. num. Tab. 67, 3* и за нимъ *Münter: Sinnb. der Chr. Taf. 5, 7* представляютъ снимки съ этой монеты съ нимбомъ вмѣсто лучезарнаго вѣнца. Нимбъ, а не лучезарный вѣнецъ, находятся также на всѣхъ экземплярахъ этой монеты въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

4. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на мѣдной монеты Фаустины, «*Aeternitas*». *Biaeus, Gevart, Beger: Num. Imper. Tab. 43, 12.*

1) *Phaëthon* стр. 26.

Augustin: Ant. Rom. Tab. 43, 12; съ нимбомъ вмѣсто лучезарнаго вѣнца Num. Pembroch. T. III. Tab. 73, 6; безъ нимба и лучезарнаго вѣнца. Oesel: Thes. num. Tab. 105, 9. На экземплярахъ монеты, хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, легко можно узнать нимбъ.

5. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на мѣдной монетѣ Константина Великаго, «*Gloria Saeculi, Virtus Caesaris*». Du Cange: Nummi fam. aug. Byzant. стр. 21. Spanheim. Praest. num. T. I. стр. 287. Beger: Thes. Brand. T. III. стр. 173. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 242. № 1. Venuti: Num. max. mod. T. II. Tab. 107, 3.

6. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на одной монетѣ Констанца, «*Fel. Temp. Reparatio*». Tristan: Comm. hist. T. III. стр. 610. Num. Pembroch. T. III. Tab. 39, 16. Spanheim: Praest. num. T. I. стр. 287. Beger: Thes. Brand. T. II. стр. 813. Biaeus, Gevart, Beger: Num. Imp. Tab. 67, 10. Augustin: Ant. Rom. Tab. 67, 10. Oesel: Thes. num. Tab. 58, 5.

7. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на монетѣ Констанца, «*Fel. Temp. Reparatio*». Tristan: Comm. hist. T. III. стр. 610. Spanheim: Praest. num. T. I. стр. 287.

8. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на монетѣ Констанція, «*Fel. Temp. Reparatio*». Du Cange: Num. fam. aug. Byzant. стр. 33. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 368. Oesel: Thes. num. Tab. 58, 6. Münter: Sinnb. der Chr. Taf. 3, 70. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 261. № 935.

9. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на гелиотропѣ. Chiflèt: Abraxas Tab. 4, 17.

10. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на яшмѣ. Caylus: Rec. d'ant. T. V. Pl. 23, 6.

Перечисленные здѣсь рѣзные камни и монеты суть важнѣйшіе изъ тѣхъ, на которыхъ Фениксъ встрѣчается съ лучезарнымъ вѣнцомъ или нимбомъ. Другія монеты, о которыхъ, посредствомъ сравненія съ прочими, нельзя рѣшить, есть ли при Фениксѣ лучезарный вѣнецъ или нимбъ, или нѣтъ ни того, ни другаго, оставлены мною въ сторонѣ, такъ какъ въ рукахъ моихъ не было достаточно сохранившихся оригиналовъ. Различныя отношенія, которыя, по убѣжденію древнихъ,

существовали между Фениксомъ и солнцемъ, огнемъ и блескомъ свѣта, извѣстны всѣмъ ¹⁾). Я довольствуюсь здѣсь указаніемъ на двухъ писателей, которые вполне объясняютъ значеніе его лучезарнаго вѣнца. Ахиллъ Тацій говоритъ ²⁾): *Κεκέραστα μὲν τὰ πτερὰ χρυσῷ καὶ πορφύρᾳ· αὐχεῖ δὲ τὸν ἥλιον δεσπότην, καὶ ἡ κεφαλὴ μαρτυρεῖ. Ἑστεφάνωσε γὰρ αὐτὴν κύκλος εὐφυῆς· ἡλίου δὲ ἐστὶν ὁ τοῦ κύκλου στέφανος εἰκὼν*; а у Лактанція ³⁾ мы читаемъ:

*Aequatur toto capiti radiata corona,
Phoebei referens verticis alta decus.*

Но понятно, что, изображая Феникса то съ лучезарнымъ вѣнцомъ, то съ нимбомъ ⁴⁾), художники имѣли въ виду не только яркій блескъ солнца, но и сіяніе, свойственное всѣмъ вообще богамъ.

Сиpіусъ.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на небесномъ кругѣ Фарнэзскаго Атласа. Gori: Thes. gemm. astrif. T. III. Tab. 4. Mus. Borb. T. V. Tav. 32. Hirt: Bilderbuch Taf. 15. A.

2. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на монетахъ кеосскихъ, какъ на тѣхъ, которыя принадлежали собственно всему острову, такъ и на монетахъ городовъ Кароеи и Юлиса. Eckhel: Doctr. Numm. T. II. стр. 326. и сл. Mionnet: Descr. T. II. стр. 313 и сл. Suppl. T. IV. стр. 371 — 387. Arch. Zeit. 1846. Taf. 41, 13.

3. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на четырехъ рѣзныхъ камняхъ, которые подробно разсмотрѣлъ, съ показаніемъ литературы, Köhler: Gesamm. Schr. Th. III. стр. 157 и сл. 326 и сл. Присоединю сюда еще бериллъ, хранящійся въ Берлин-

1) См. указанія, сдѣланныя Леманомъ на Горополлонѣ: Hieroglyph. I, 34. и Grasse: Beiträge zur Litteratur und Sage des Mittelalters стр. 72.

2) De Leucippes et Clitoph. amor. III, 25.

3) De Phoenice 139 и сл.

4) Весьма неудачна мысль Minervini: Bull. Napol. Nuova Ser. T. I. стр. 139, хвостъ павлина сдѣлать лучезарнымъ вѣнцомъ Феникса и для подтвержденія этого объясненія сослаться на изданный мною рисунокъ съ терракоты подъ № 4 въ Ant. du Bosph. Cimmér. Pl. 71 (у Гергарда же онъ находится въ Archaeol. Zeit. 1851. Taf. 34, 2), гдѣ вмѣсто мнимаго лучезарнаго вѣнца скорѣе можно узнать раковину, и совсѣмъ нѣтъ полосокъ, которыя прибавлены у Гергарда рисовальщикомъ и которыя Минервини принимаетъ за лучи.

скомъ собраніи (Tölken: Verz. стр. 241. № 1409); однако я не рѣшаюсь опредѣлить въ подробности, на сколько эти камни представляютъ дѣйствительно античную работу. Одни изъ нихъ, очевидно, носятъ на себѣ признаки новѣйшаго искусства, другіе не представляютъ достаточныхъ ручательствъ за древность своего происхожденія; однако несомнѣнно, что основаніемъ ихъ служитъ античный оригиналъ.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ древніе считали Сиріуса виновникомъ палящаго зноя и вреда, причиняемаго имъ людямъ¹⁾. Поэтому не удивительно, что и художники выражали въ немъ это обыкновенно большимъ лучезарнымъ вѣнцомъ, и что въ изображеніи подъ № 1. Сиріусъ отличенъ такимъ атрибутомъ отъ всѣхъ прочихъ созвѣздій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что лучезарный вѣнецъ не указываетъ здѣсь только на яркій блескъ этой звѣзды (см. в. стр. 27), но, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, служитъ въ особенности для выраженія ея пагубнаго дѣйствія²⁾.

Л е в ъ.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на многочисленныхъ монетахъ римскихъ императоровъ: Домиціана, Каракаллы, Александра Севера, Филиппа Ст., Галліена, Постума, Авреліана, Проба, Диоклетіана³⁾ и Вал. Максиміана, у Rasche: Lexicon rei num. Т. II. стр. 1580; а у Eckhel: Doctr. Num. Т. VII. стр. 214, Каракаллы, Александра Севера, Галліена, Авреліана, Проба и Диоклетіана. Къ лучезарному вѣнцу обыкновенно присоединяется молнія, которую левъ держитъ въ зубахъ. Большою час-

1) См. мѣста, приведенныя выше стр. 10. 11. 12 и то, что цитируетъ Прелеръ: Griech. Mythol. Th. I. стр. 305.

2) Welcker: Gr. Götterlehre Th. I. стр. 480 съ увѣренностію говоритъ о волкахъ, которые встрѣчаются въ лучезарномъ вѣнцѣ. Къ словамъ его: «*So hat denn auch der Halbwolf auf Münzen von Argos und anderen Orten häufig Strahlen um das Haupt*» присоединяется длинное примѣчаніе, въ которомъ перечислены разнородныя монеты, изображающія или волковъ или собакъ. Однако мы не находимъ здѣсь лучезарнаго вѣнца, а встрѣчаемъ его только при собакѣ на шести монетахъ, срисованныхъ у Naverkamp ad Orov. стр. 20. Но здѣсь нѣтъ нужды объяснять подробнѣе, что эти монеты принадлежатъ Кеосу и почему на этомъ островѣ Сиріусъ сдѣлался монетнымъ типомъ.

3) Я не нахожу у Tristan: Comm. hist. Т. II. стр. 144 упоминанія о монетѣ Юлія Пія, выбитой въ Леонтополѣ.

тію, какъ на монетахъ Каракаллы у Тристана: Comm. hist. T. II. стр. 164, и у Caylus: Num. aug. Imp. rom. № 751. 756, левъ изображается спокойно идущимъ впередъ; рѣже, какъ на одной монетѣ того-же императора у Caylus: Num. aug. Imp. rom. № 809, онъ представляется стремительно бѣгущимъ или, какъ на монетѣ того-же императора у Тристана: Comm. hist. T. II. стр. 166, онъ является въ стоячемъ положеніи, на заднихъ лапахъ.

2. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на отливкѣ Стоша. Winckelmann: Pierr. gr. du feu Stosch стр. 38. № 39. Stosch. Abdr. II, 39. Raspe: Catal. 688.

3. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ, на сердоликѣ, находящемся въ собраніи Стоша. Raspe: Catal. № 689. 690.

4. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на яшмѣ, находящейся въ Берлинскомъ собраніи. Winckelmann: Pierr. gr. du feu Stosch стр. 130. № 661. Raspe: Catal. № 6709. Stosch. Abdr. II, 661. Tölken: Verz. стр. 453. № 111¹⁾.

Вѣроятно по примѣру Востока и въ особенности Египта²⁾,

1) Сюда относятся съ одной стороны сердоликъ Dr. Нотта, изображающій льва съ человѣческимъ лицомъ и луцеобразною гривой (Imp. gemm. dell' Inst. arch. II, 16. Wieseler: Denkm. II, 385. Ср. Hagarollo: Hierogl. I, 17. Κεφαλὴν γὰρ ἔχει μεγάλην τὸ ὧδον, καὶ τὰς μὲν κόρας πυρώδεις, τὸ δὲ πρὶς ὤπον στρουγγύλον, καὶ περὶ αὐτὸ ἀκτινοειδεῖς τρίχας κατὰ μέτρην ἡλίου.), дорожная фляга Гарджуло (Arch. Zeit. 1848. Taf. 20, 3. 4.) и одно изображеніе изъ терракотты, находящееся въ Берлинскомъ собраніи (Ranofka: Terracotten Taf. 85, 1. Wieseler: Denkm. II, 384.), съ другой же — изображенія мужей съ львиными головами и дѣйствительными лучами на рѣзныхъ камняхъ съ изображеніемъ Абраксы (Fabretti: Inscr. ant. стр. 536. = Montfaucon: Ant. expl. T. II. Pl. 144. = Корр: Palaeogr. crit. T. IV. стр. 132. = Matter: Hist. du gnost. Pl. 7, 1; камень, принадлежавшій прежде г. Hauteroche срысованъ у Matter тамъ-же Pl. 8, 2, а Берлинская яшма у Tölken: Verz. стр. 449. № 101).

2) Два важнѣйшихъ извѣстія объ этомъ находятся у Aelian: De nat. anim. XII, 7. Ἐπειδὴ δὲ ἄγαν πυρώδης ἐστὶ, καὶ αὐτὸν οὐχ ἥλιος φασὶν (Αἰγύπτιοι) εἶναι· καὶ ὅταν γέ ᾗ αὐτοῦ θερμότητος καὶ θερμότητος ὁ ἥλιος, λέοντι αὐτὸν πελάζειν τῷ οὐρανῷ φασί. Прозέτι γε μὴν καὶ οἱ τὴν μεγάλην οἰκοῦντες Ἡλιούπολιν, ἐν τοῖς τοῦ θεοῦ προπύλαις τοὺςδε τρέφουσι τοὺς λέοντας, θειοτέρως τινὲς μοῖρας, ὥς Αἰγύπτιοι φασὶν, μεταιτηχόντας, и у Macrobius: Saturn. I, 21, 16. *“Propterea Aegyptii animal in zodiaco consecraverunt ea caeli parte qua maxime annuo cursu sol valido effervet calore, Leonisque inibi signum domicilium solis appellant, quia id animal videtur ex natura solis substantiam ducere, primum quia impetu et calore praestat animalia, uti praestat sol sidera; validusque est leo pectore et priore corporis parte ac degenerat posterioribus membris, aequae solis vis prima parte diei ad meridiem in rescit, vel prima parte anni a vere in aetatem*

уже въ древнія времена, Левъ былъ у Грековъ, между прочимъ, символомъ солнца. Но древнѣйшія произведенія искусства и писатели Грековъ говорятъ объ этомъ не такъ ясно, какъ позднѣйшіе греческіе и даже римскіе памятники, и многое, что сюда относятъ, можетъ быть объяснено иначе. Однако и вообще, и въ частности относительно того времени, которому принадлежитъ рассматриваемое произведение, нельзя сомнѣваться, что это животное считалось представителемъ солнца ¹⁾. Не менѣе очевидно и то, какъ уже совершенно справедливо замѣтилъ Преллеръ ²⁾, что такое сочетаніе произошло въ слѣдствіе сравненія губительнаго зноя (καύμα), производимаго солнцемъ, съ сокрушительною и страшною силою льва. Стараніе же, замѣчаемое у писателей и въ другихъ произведеніяхъ искусства позднѣйшаго времени, уподобить гриву этого животнаго лучамъ солнца (см. стр. 117 прим. 1) должно считать не поводомъ къ тому сравненію, но слѣдствіемъ его и желаніемъ дополнить изображеніе въ отдѣльных частяхъ.

На основаніи сказаннаго уже не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ томъ, что лучезарный вѣнецъ Льва вообще указываетъ на солнце, а при Сиріусѣ именно на пагубное дѣйствіе зноя. Но это подтверждается еще, во-первыхъ, замѣчательнымъ сказаніемъ, которое сохранилъ для насъ Макробій (Saturn, I, 20, 12): «*Nam Theron, rex Hispaniae citerioris, cum ad expugnandum Herculis templum ageretur furore instructus exercitus navium, Gaditani ex adverso venerant propecti navibus longis, commissoque proelio adhuc aequo Marte consistente pugna subito in fugam versae sunt regiae naves, simulque improvise igne correptae conflagraverunt. Paucissimi, qui superfuerant hostium*

mox elanguescens deducitur vel ad occasum qui dici, vel ad hiemem quae anni pars videtur esse posterior; idemque oculis patentibus atque igneis cernitur semper, ut sol patenti igneoque oculo terram conspectu perpetuo atque infatigabili cernit».

1) Въ особености ясно выражено это отношеніе на тѣхъ рѣзныхъ камняхъ (одни изъ нихъ срисованы у Gori: Thes. gemm. astrif. T. I. Tab. 194. Корр: Palaeogr. crit. T. IV. стр. 293 и Matter: Hist. du gnost. Pl. 5. 3; другіе же — у Коппа тамъ-же. T. IV. стр. 78), которые представляютъ Геліоса стоящимъ на львѣ. И значеніе, которое имѣлъ левъ въ почитаніи Митры, безъ сомнѣнія, существенно основывается на его отношеніи къ солнцу, хотя, можетъ быть, были и другія основанія; Windischmann: Abhandl. für die Kunde des Morgenlandes Th. I. стр. 70. Preller: Röm. Myth. стр. 760. 763.

2) Griech. Myth. Th. I. стр. 305 и сл.

capti indicaverunt apparuisse sibi leones proris Gaditanae classis superstantes ac subito suas naves immissis radiis, qualis in solis capite pinguntur, exustas»; во-вторыхъ, тѣмъ, что кромѣ лучезарнаго вѣнца при Львѣ мы находимъ также молнію¹⁾.

Что же касается до молніи, то она съ самыхъ древнихъ временъ была атрибутомъ Геліоса. Указаніе на это представляютъ двѣ самыя древнія вазы, изъ которыхъ одна находится въ вѣнскомъ собраніи, а другая принадлежитъ г. Бетти, въ Неаполѣ²⁾. Кромѣ того я отношу сюда вышеупомянутое (стр. 31 № 16) изображеніе Аполлона, какъ представителя солнца, одну римскую монету³⁾, четыре рѣзныхъ камня⁴⁾ и въ особенности изображеніе такъ называемаго Геліополитанскаго Зевса⁵⁾, который, очевидно, былъ настоящій богъ солнца⁶⁾, но которому, какъ верховному божеству иноземнаго народа, Греки и Римляне по своему обыкновенію дали названіе Зевса и Юпитера⁷⁾. Главнаго повода къ представленію бога солнца съ этимъ атрибутомъ, кажется, должно искать въ яркомъ блескѣ молніи, похожемъ болѣе всего на яркій свѣтъ солнца; при этомъ, можетъ быть, имѣлась въ виду губительная сила, съ которою дѣйствуютъ какъ молнія, такъ и палящіе лучи солнца. Во всякомъ случаѣ неосновательны тѣ объясненія, которыя до сихъ поръ были въ ходу относительно означенныхъ обѣихъ вазъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ изображеніи Льва, встрѣчающемся часто на монетахъ римскаго стиля, заключается еще какой-ни-

1) Также и въ изображеніяхъ льва безъ лучезарнаго вѣнца мы находимъ при немъ молнію, напр. у Gori: *Thes. Gemm. astrif.* T. I. Tab. 150. 151. 157 = *Matter: Hist. du gnost.* Pl. 4, 5 и у Tölken: *Verz.* стр. 242. № 1426.

2) *Archaeol. Zeit.* 1848. стр. 305. Taf. 20.

3) Biaeus, Gevart, Beger: *Num. Imp. Rom.* Tab. 14. Augustin: *Ant. Rom.* Tab. 14, 17.

4) Gori: *Thes. gemm. astrif.* T. I. Tab. 80. 85. Avellino: *Mem. dell' Accad. Ercol.* T. V. стр. 284 и сл. Wieseler: *Denkm. Th.* II. № 451. Съ объясненіемъ, которое Авеллино дѣлаетъ тамъ при одномъ прекрасномъ рѣзномъ камнѣ, никакъ нельзя согласиться.

5) Macrobian: *Saturn.* I, 23, 12. «*Simulachrum enim aureum specie inberbi instat dextera elevata cum flagro in aurigae modum, laeva tenet fulmen et spicas*». См. Preller: *Röm. Mythol.* стр. 749 и слѣд.

6) Macrobian: *Saturn.* I, 23, 19. «*Namque simulachrum Adad insigne cernitur radiis inclinatis, quibus monstratur vim cæci in radiis esse solis, qui dimittuntur in terram*».

7) Ср. такъ. в. стр. 19.

будь особенный смыслъ; но въ раскрытіи его я успѣлъ не болѣе другихъ изслѣдователей. Съ достовѣрностію можно сказать только то, что на рѣзномъ камнѣ подѣ № 4. Левъ является не только представителемъ солнца, но и существомъ, близкимъ къ Афродитѣ¹⁾, какъ это не рѣдко встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ искусства²⁾.

Хнубисъ.

Во множествѣ рѣзныхъ камней, вышедшихъ изъ рукъ Гностиковъ, есть не мало, такихъ, на которыхъ встрѣчается изображеніе змѣи съ головою (иногда львиною, а иногда собачьею), окруженною большимъ лучезарнымъ вѣнцомъ, съ нимбомъ или безъ него; на двухъ же камняхъ голова змѣи являетъ въ нимбѣ безъ лучей³⁾. Что при этомъ изображеніи Гностики имѣли въ виду египетскаго бога Кнефа или Хнубиса, то выразили они подписью имени почти на всѣхъ этихъ камняхъ. Но труднѣе опредѣлить, какое понятіе они соединяли съ этимъ изображеніемъ, и въ особенности какой смыслъ придали лучезарному вѣнцу или нимбу. Если мы обратимъ вниманіе на отсутствіе звѣздъ, которыя представляются въ такомъ изобилии на прочихъ гностическихъ рѣзныхъ камняхъ, и примемъ въ соображеніе слова Плутарха⁴⁾ и Санхуниатона⁵⁾

1) Подобнымъ же образомъ левъ является представителемъ не только Афродиты, но и вмѣстѣ съ тѣмъ солнца въ числѣ монетныхъ типовъ, о которыхъ я говорилъ въ *Der ausruhende Herakles* стр. 181.

2) См. мои замѣчанія въ *Bull. hist.-phil.* T. IX. стр. 213 = *Mél. gréco-rom.* T. I. стр. 179 и въ моемъ изслѣдованіи: *Der ausruhende Herakles* стр. 99.

3) Chiflet: *Abrahas* № 68. 71 — 75. Capello: *Prodromus* № 28. 30. 105. 157. 160. 170. 181. 182. 193. 207. Fabretti: *Inscr. ant.* стр. 536. Montfaucon: *Ant. Expl.* T. II. Pl. 150. 151. 152. 156. Caylus: *Rec. d'ant.* T. V. Pl. 23. Vaspe: *Catal.* 541 и сл. Lamy: *Pierr. gr.* Pl. 16. 213. 215. 216. 249. Kopp: *Palaeogr. crit.* T. III. стр. 578. T. IV. стр. 42. 64. 158. 245. 248. 367. Bellermand: *Abrahas-Gemmen* Th. III. стр. 13 и сл. Matter: *Hist. du gnost.* Pl. II. A. № 1 — 7. 9. 10. 18. Pl. II. B. № 1. 2. Pl. II. C. № 5. 8. Pl. VII. № 1. Tölkén: *Verz.* стр. 449. № 95 — 99.

4) *De Is. et Osir.* 21. Εἰς δὲ τὰς ταφὰς τῶν τιμωμένων ζῶων τοὺς μὲν ἄλλους συντεταγμένα τελεῖν, μόνους δὲ μὴ διδόναι τοὺς Θηβαῖδα κατοικοῦντας, ὡς θνητὸν, θεὸν οὐδένα νομίζοντας, ἀλλὰ ὃν καλοῦσιν αὐτοὶ Κνήφ, ἀγέννητον ὄντα καὶ ἀθάνατον.

5) *Fragm. ed. Orelli* стр. 46. Τὸ πρῶτον ὃν θεώτατον ὄφιν ἐστὶν ἱέρακος ἔχων μορφὴν, ἅγαν ἐπίχαρις· ὃς εἰ ἀναβλέψει, φωτὸς τὸ πᾶν ἐπλήρου ἐν τῇ πρωτογένει χώρᾳ αὐτοῦ· εἰ δὲ χαμνύσει, σκότος ἐγένετο, ἐμφασιν διδοὺς ὁ Ἐπηεῖς, ὅτι καὶ

объ египетскомъ Кнефѣ, то можемъ предположить, что означенные атрибуты употреблены здѣсь безъ всякаго отношенія къ свѣтиламъ небеснымъ, только для того, чтобы изобразить змѣю высшимъ и первенствующимъ божествомъ, которому приличествуетъ божественное сіяніе болѣе, чѣмъ всякому другому богу. Однако львиная и собачья головы нѣсколько препятствуютъ совершенному устраненію отношенія Хнубиса къ свѣтиламъ, такъ какъ эти головы могутъ быть приняты за символы солнца и Сиріуса. Кромѣ этихъ гностическихъ рѣзныхъ камней, изъ греческихъ и римскихъ изображеній змѣи съ лучезарнымъ вѣнцомъ или нимбомъ мнѣ извѣстно только нѣсколько мѣдныхъ монетъ¹⁾, выбитыхъ въ царствованіе Каракаллы въ Пауталии въ Фракіи, и я не могу сомнѣваться, что и въ этихъ изображеніяхъ выражаются тѣ же самыя египетскія гностическія понятія.

Ж у е ъ.

1. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ, на яшмѣ, принадлежавшей прежде Пиньори, а теперь принадлежащей Паркеру. Pignori: Mensa Isiaca стр. 61. Chiflet: Abraxas Tab. 24, 98. Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 154. Raspe: Catal. № 504. Lamy: Pierr. grav. Pl. 223, 452. Kopp: Palaegr. Crit. T. IV. стр. 104. Matter: Hist. du gnost. Pl. II. B. № 3.

2. Съ лучезарнымъ вѣнцомъ, на сѣрномъ слѣпкѣ, находящемся въ собраніи Стоша. Raspe: Catal. № 503.

Для объясненія этого замѣчательнаго изображенія и въ особенности его лучезарнаго вѣнца, достаточно обратить вниманіе на слова Гораполлона²⁾: Εἰςὶ δὲ καὶ κανῶρων ἰδέαι τρεῖς· πρώτη μὲν, αἰλουρόμορφος, καὶ ἀκτινωτὴ, ἥνπερ καὶ ἡλίω ἀνέβησαν διὰ τὸ σύμβολον· φασὶ γὰρ τὸν ἄρῃενα αἰλουρον συµμεταβαλλεῖν τὰς κόρας τοῖς τοῦ ἡλίου δρόμοις· ὑπεκτείνονται μὲν γὰρ

διακυρόν ἐστι διὰ τοῦ φάειν διηύγασθαι. О значеніи головы птицы голубятника см. Parthey къ Плутарх.: de Is. et Osir. стр. 226. 247.

1) Mionnet: Suppl. T. II. стр. 389. № 1115. 1116. При описаніи обоихъ экземпляровъ Міоне пользуется выраженіемъ: «tête radiée». Но Императорскій Эрмитажъ обладаетъ не только такими экземплярами, на которыхъ мы видимъ лучезарный вѣнецъ, но и однимъ такимъ, на которомъ можно легко замѣтить нимбъ, находящійся при змѣѣ.

2) Hieroglyph. I, 10.

κατὰ πρωτὶ πρὸς τὴν τοῦ Θεοῦ ἀνατολὴν, στρογγυλοειδεῖς δὲ γίγνονται κατὰ τὸ μέσον τῆς ἡμέρας, ἀμαυρότεροι δὲ φαίνονται, δύναιν μέλλοντος τοῦ ἡλίου, ὅθεν καὶ τὸ ἐν Ἥλίου πόλει ξόανον τοῦ Θεοῦ αἰλουρόμορφον ὑπάρχει.

Въ заключеніе слѣдуетъ также упомянуть кратко о нѣкоторыхъ произведеніяхъ искусства, которыя не могутъ быть оставлены безъ всякаго вниманія, и которыхъ по ходу изслѣдованія мы не могли еще коснуться. Изъ картинъ на вазахъ прежде всего должно указать на изображеніе, которое описалъ Минервини¹⁾, видя въ немъ Орейоію. Женская фигура, которой онъ даетъ это имя, по словамъ его, имѣетъ: «*bianchi radii sul capo e nastro che ne lega i capelli*». Однако, на сколько по описанію можно составить понятіе о цѣломъ, не только нельзя сказать положительно объ отношеніи изображенія къ Орейоіи, но и невольно приходишь къ вопросу, дѣйствительно ли вышеприведенныя слова говорятъ о лучезарномъ вѣнцѣ, а не о женскомъ головномъ нарядѣ съ остріями, подымающимися вверхъ надъ лбомъ, столь обыкновенномъ въ картинахъ на вазахъ позднѣйшаго времени. Итакъ пока не будетъ изданъ снимокъ съ этой картины, всякое сужденіе о ней будетъ слишкомъ смѣло. Кромѣ того должно упомянуть объ изображеніяхъ женскихъ головъ, которыя подлѣ различныхъ украшеній изъ листьевъ встрѣчаются на горлышкахъ ниже-итальянскихъ амфоръ позднѣйшаго стиля; эти головы не рѣдко украшены большимъ бѣлымъ или бѣло-желтымъ нимбомъ²⁾. Слѣданныя до сихъ поръ попытки дать этимъ изображеніямъ опредѣленныя имена не привели къ результату, удовлетворяющему научнымъ требованіямъ, и едва-ли когда нибудь будетъ въ этомъ успѣхъ. Означенное бѣлое или бѣложелтое украшеніе, можетъ быть, представляетъ совсѣмъ не божественное сіяніе, а вышеупомянутый (стр. 74), желтый головной нарядъ. Что же касается совершенно подобной головы съ голубымъ нимбомъ, изображенной въ мозаичномъ произведеніи³⁾, найденномъ въ Англіи, то, ко-

1) Bull. Nap. Nuova Ser. T. I. стр. 1 и сл.

2) Одна ваза этого рода хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ подъ № 425.

3) Lyons: Reliquiae Brit.-Rom. T. III. Tab. 19.

несно, можно принять ее за голову Геры, такъ какъ среди украшеній, окружающихъ ее, находятся также два павлина. Однако всякій пойметъ крайнюю смѣлость такого заключенія.

Изъ стѣнныхъ картинъ я укажу на одинъ Геркуланскій ландшафтъ, въ которомъ изображены двѣ гуляющихъ женскихъ фигуры съ нимбомъ вокругъ головы каждой¹⁾. Безъ сомнѣнія, художникъ не имѣлъ въ виду какихъ-либо лицъ опредѣленно, но желалъ оживить свой ландшафтъ присутствіемъ двухъ богинь и такимъ образомъ возвысить его красоту до большей идеальности. Нимбомъ онъ воспользовался и для того, чтобы зритель безъ всякаго труда узналъ богинь въ его изображеніи. Напротивъ того, въ другой Геркуланской картинѣ²⁾ изображеніе трехъ женщинъ, подслушиваемыхъ сатиромъ, составляло главную цѣль художника, ландшафтъ же — второстепенную. Здѣсь, по всему вѣроятію, художникъ имѣлъ въ виду извѣстныхъ лица и притомъ не изъ числа обыкновенныхъ смертныхъ, но, какъ убѣждаетъ находящійся при двухъ фигурахъ нимбъ, изъ среды богинь. Число фигуръ наводитъ скорѣе всего на мысль о сценѣ, предшествовавшей суду Париса. Однако такъ какъ при нихъ нѣтъ никакихъ атрибутовъ, то, хотя бы мы и допустили эту мысль, едва-ли возможно обозначить каждую изъ нихъ опредѣленнымъ именемъ, тѣмъ болѣе, что при одной изъ нихъ нѣтъ нимба, и что нельзя сказать, не происходитъ ли это отъ позднѣйшаго искаженія картины.

Изъ числа рѣзныхъ камней я упомяну о находящемся въ берлинскомъ собраніи халцедонѣ³⁾, на которомъ, по мнѣнію Винкельмана, изображена Изида, украшенная нимбомъ. Оставивъ въ сторонѣ имя и обративъ вниманіе только на то, какъ означенная женская фигура держитъ обѣими руками надъ головой какой-то клуглый предметъ, принимаемый за нимбъ, мы увидимъ, что дѣло идетъ здѣсь не о выраженіи блеска, но о какомъ-то твердомъ предметѣ, который четырьмя прямыми ли-

1) *Pittura d'Ercolano* T. I. стр. 59. 270.

2) *Pittura d'Ercol.* T. II. стр. 65. Kaiser: *Herculanum und Pompeji* Th. II. стр. 128. Stephani: *Bull. hist.-phil.* T. XII. стр. 272. = *Mél. gréco-rom.* T. I. стр. 548.

3) Winckelmann: *Pierr. gr. du feu Stosch.* стр. 15. № 61. Stosch. *Abdr.* I, 61. Tölken: *Verz.* стр. 14. № 25.

ніями, по формѣ и положенію своему мало похожими на лучи, раздѣляется на четыре отдѣльныя части¹⁾. Нѣчто подобное замѣтилъ Тэлькокъ; но говоря: «*Eine weibliche Gestalt hält mit beiden erhobenen Händen über sich eine strahlende Scheibe, welche ihr Haupt umgiebt*», онъ дѣлаетъ недозволительную попытку соединить два несовмѣстимыя представленія. Вѣроятно же всего считать эту фигуру изображеніемъ богини луны; но какъ напрасенъ будетъ трудъ отыскать при ней указаніе на блескъ свѣтила, такъ безуспѣшно будетъ стараніе дать ей опредѣленное имя²⁾.

Наибольшій матеріалъ для продолженія нашего изслѣдованія, безъ сомнѣнія, представляютъ монеты, въ особенности азіатскихъ городовъ и государей. Но въ настоящее время я ограничусь только указаніемъ на нѣкоторые бронзовыя монеты изъ Халкиды, которыя до сихъ поръ извѣстны были, къ сожалѣнію, отчасти по весьма испорченнымъ экземплярамъ, отчасти по показанію такихъ лицъ, которыя, какъ Сестини, не заслуживаютъ большаго довѣрія³⁾. На нихъ является какая-то женская фигура, голова которой окружена лучами; но опредѣлить ее точнѣе можно будетъ только тогда, когда въ нашихъ рукахъ будутъ хорошо сохранившіеся экземпляры этихъ монетъ.

Наконецъ изъ статуй я назову только одну небольшую бронзовую фигуру, которая очевидно представляетъ Лара; но Дорровъ⁴⁾ изобразилъ ее въ снимкѣ съ большими лучами вокругъ головы, хотя самъ-же прибавилъ, что головное украшеніе въ оригиналѣ можно принимать и за вѣнокъ изъ листьевъ. Но что слѣдуетъ допустить только послѣднее, на то указываютъ другія безчисленныя изображенія Ларовъ постоянно съ вѣнкомъ изъ листьевъ вокругъ головы.

Послѣ этого пересмотра отдѣльныхъ произведеній искус-

1) Подъ этимъ предметомъ можно, конечно, понимать солнечный или лунный кругъ. Такъ въ вышеупомянутомъ изображеніи Аполлона (стр. 31 № 16) мы находимъ на головѣ этого бога совершенно подобный кругъ. Но лучи, окружающіе голову бога, доказываютъ, что этотъ кругъ не замѣняетъ здѣсь лучезарнаго вѣнца.

2) Ср. одну монету, изображенную у Wilson: *Ariana ant.* Pl. 14, 8.

3) Eckhel: *Doctr. Numm.* T. III. стр. 264. Mionnet: *Descr.* T. V. стр. 144, 9. 145, 15. *Suppl.* T. VIII. стр. 117, 7. 8. 118, 11. 13. 14. 18.

4) *Denkmale german. Vorz.* Taf. 6, 1.

ства не трудно опредѣлить правила, которымъ слѣдовали древніе художники при употребленіи означенныхъ атрибутовъ. Прежде всего мы находимъ, что не смотря на вѣру, существовавшую уже съ самаго древняго времени въ сверхъ-естественный блескъ, окружающій тѣла всѣхъ боговъ и также героевъ при извѣстныхъ условіяхъ и составляющій одно изъ существенныхъ свойствъ божеской природы, искусство, во время своего постепеннаго усовершенствованія и полнаго процвѣтанія, никогда не выражало этого блеска, даже при несомнѣнныхъ олицетвореніяхъ свѣтилъ небесныхъ, какъ солнца, луны и т. д., при которыхъ приличіе всего было съ особенною силою указать на такое свойство. Такъ, изображая Гелиоса или богиню Эось, оно представляло солнечный кругъ надъ ихъ головами, но не придавало лучей для указанія на яркій свѣтъ, распространяющійся отъ этого круга ¹⁾. Отъ этого времени до насъ дошло только одно изображеніе, которое можетъ быть отнесено, по крайней мѣрѣ, къ шестому столѣтію до Р. Х. и при которомъ мы замѣчаемъ нѣчто, похожее на лучезарный вѣнецъ. Но цѣлью художника было здѣсь не выраженіе божественнаго величія, но означеніе огненнаго блеска, который дѣйствительно составляетъ принадлежность глазъ совы.

Всѣ прочія произведенія искусства, въ которыхъ встрѣчается лучезарный вѣнецъ или нимбъ, простираются не далѣе времени Александра Великаго, и здѣсь нѣтъ нужды доказывать это въ подробности ²⁾. Итакъ около этого времени, искусство, начавъ уже падать и стараясь нововведеніями различнаго рода

1) Весьма важно для характеристики различныхъ періодовъ искусства въ этомъ отношеніи различіе, о которомъ было говорено на стр. 65 и которое замѣчается между древнѣйшими и позднѣйшими изображеніями на вазахъ, представляющими превращеніе Фетиды въ огонь.

2) На стр. 181, мы уже сказали, какъ слѣдуетъ судить о произведеніяхъ этрускаго искусства въ древнѣйшемъ стилѣ. Въ изображеніяхъ на вазахъ древняго или самаго лучшаго стиля мы совершенно не находимъ этихъ атрибутовъ, за исключеніемъ только одного вышеупомянутаго произведенія; но они встрѣчаются только въ такихъ изображеніяхъ, которыя очевидно относятся ко времени уже начавшагося упадка вазной живописи. Но ни одна изъ безчисленныхъ монетъ съ изображеніемъ Гелиоса или чего-либо другаго, на которыхъ мы видимъ нимбъ или лучезарный вѣнецъ, ни по стилю, ни по другому какому-либо признаку, не можетъ быть отнесена ко времени до Александра Великаго.

вознаградить болѣе и болѣе замѣтный недостатокъ внутренняго достоинства, нашло нужнымъ придумать средство для нагляднаго выраженія блеска, по понятію древнихъ, неотъемлемо принадлежащаго всякому божеству. Для этого оно стало употреблять то лучезарный вѣнецъ вокругъ головы и даже вокругъ всего тѣла, то нимбъ, а иногда соединяло оба украшенія вмѣстѣ.

На это нововведеніе греческаго искусства не могъ имѣть вліянія примѣръ какихъ-либо другихъ народовъ, получившихъ образованіе ранѣе Грековъ; напротивъ того, въ послѣдствіи не только большая часть народовъ, принявшихъ Христіанство, но и тѣ, которые сдѣлались поклонниками Браммы и Будды, заимствовали эти атрибуты отъ Грековъ. Представленіе божества въ яркомъ блескѣ кажется уму человѣческому столь естественнымъ, что нѣтъ нужды считать Грековъ учителями другихъ народовъ въ этомъ отношеніи. Такое представленіе мы находимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, слѣдственно гораздо ранѣе чѣмъ у Грековъ. Богъ ¹⁾ и Ангелы ²⁾ очень часто являются тамъ людямъ въ видѣ огня и лучезарнаго блеска. Поэтому неоднократно выражается тамъ мысль, что челоуѣкъ, удостоившійся лицезрѣнія Бога ³⁾ или Ангеловъ ⁴⁾, долженъ умереть, или что на него переходитъ такой-же блескъ ⁵⁾. Но Грекамъ принадлежитъ только то, что они нашли средство выражать этотъ блескъ въ произведеніяхъ искусства, избравъ для этой цѣли лучезарный вѣнецъ и нимбъ.

Египтяне и другіе образованные азіатскіе народы оставили намъ весьма много произведеній искусства, получившихъ свое происхожденіе гораздо ранѣе того времени, когда Греки въ первый разъ употребили означенные атрибуты. Однако во всѣхъ этихъ древнихъ произведеніяхъ напрасно будемъ искать того, что могло бы быть образцомъ для Грековъ въ этомъ отношеніи.

1) Genes. XV, 17. Exod. III, 2 и сл. XIII, 21 и сл. XIV, 24. XIX, 16. XX, 8. XXIV, 10 и сл. 15 — 18. XXXIV, 5. Num. IX, 15 сл. XII, 5. XIV, 14. Deuteron. IV, 12. 24. 33. 36. V, 4 сл. 22 — 26. IX, 8. 15. X, 4. Jesaias XXIX, 6. XXX, 30. LXVI, 15. Heseek. I, 4. 13. 27 сл. VIII, 2. Male. III, 2. Psalm L, 3.

2) Psalm CIV. 4.

3) Exod. III, 6. XXXIII, 20. 23. Num. XVII, 13. Deuteron. IV, 33. V, 24 — 26.

4) Jud. VI, 21 — 23. XIII, 20 — 23.

5) Exod. XXXIV, 29 сл.

Выше мы указали на многочисленныя изображенія существъ какъ египетской, такъ и прочихъ азіатскихъ религій, имѣнно на тѣ изображенія, въ которыхъ встрѣчается или нимбъ, или лучезарный вѣнецъ. Но всѣ эти произведенія носятъ на себѣ характеръ греко-римскаго искусства, и хотя это не можетъ быть доказано относительно изображенія испанскаго бога войны, Нетоса, какъ доказывается относительно изображеній сирійской богини или такъ называемаго Геліополитанскаго Зевса по прочимъ чисто-греческимъ атрибутамъ, которые намъ извѣстны только при двухъ послѣднихъ произведеніяхъ; однако едвали кто-либо усомнится, что и первое принадлежитъ къ тому-же самому разряду. Что же касается до произведеній этрусскаго искусства, то каждый, кто знаетъ отношеніе его къ греческому искусству, пойметъ, которое изъ нихъ могло служить другому образцомъ.

Что поклонники Браммы и Будды заимствовали означенные атрибуты, которые въ особенности въ религіи Будды находятъ весьма обширное примѣненіе, отъ Грековъ въ началѣ христіанской эры, то свидѣлствуютъ монеты индо-скинскихъ царей. На этихъ монетахъ, обнаруживающихъ еще характеръ греческаго искусства, въ первый разъ являются съ нимбомъ или лучезарнымъ вѣнцомъ съ одной стороны изображенія боговъ Окро¹⁾, Ардокро²⁾, Комаро и Икандо³⁾, а съ другой изображеніе Оди-Бода⁴⁾. Точно также извѣстно, что уже самыя древнія христіанскія художники заимствовали эти атрибуты, вѣстѣ со многими другими, отъ греко-римскаго искусства⁵⁾. Конечно, весьма поучительно было бы для исторіи человѣческой мысли прослѣдить употребленіе ихъ въ трехъ означенныхъ религіяхъ. Однако это выходитъ изъ предѣловъ предлагаемаго изслѣдованія. Прибавимъ еще только то, что лучезар-

1) Lassen: Indische Alterthumskunde Th. II. стр. 845.

2) Lassen: тамъ-же стр. 847.

3) Lassen: тамъ-же стр. 848.

4) Lassen: тамъ-же стр. 849 сл.

5) Какъ на подражаніе греческому лучезарному вѣнцу можно смотрѣть на прибавленіе лучей къ кольцу, обыкновенно опоясывающему бедра Ормузда, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Сассанидскаго времени, напр. у Lajard: Recherches sur Mithra Pl. 61. № 1 — 4.

ный вѣнецъ встрѣчается также при изображеніяхъ божествъ древне-славянской языческой религіи¹⁾; но пусть рѣшитъ кто-нибудь другой, заимствованъ ли этотъ атрибутъ Славянами отъ Грековъ или Римлянъ, или явился у нихъ безъ посторонняго вліянія.

Слѣдя далѣе за греческимъ искусствомъ, мы замѣчаемъ, что лучезарный вѣнецъ и нимбъ, усвоенные имъ около временъ Александра Великаго, сдѣлались достояніемъ различныхъ родовъ его въ различной мѣрѣ. Такъ, эти атрибуты по своей формѣ гораздо легче могли быть допущены въ живописныхъ произведеніяхъ, чѣмъ при статуяхъ, потому что какъ изображеніе лучезарнаго вѣнца вокругъ всей статуи составляетъ дѣло совершенно невозможное, такъ и нимбъ при такомъ произведеніи всегда будетъ непріятенъ для глаза. Поэтому, за исключеніемъ круга, замѣпившаго, можетъ быть, нимбъ и укращающаго и безъ того чудовищное изображеніе Артемиды Эфесской, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ статуй съ подобнымъ женскимъ головнымъ нарядомъ (см. выше стр. 75), мы не находимъ нимба ни въ одномъ изъ статуиныхъ произведеній. Но и при статуяхъ можно было употребить простой лучезарный вѣнецъ безъ нимба, изображая лучи примыкающими къ самой головѣ. Однако, согласно съ дошедшими до насъ извѣстіями и памятниками искусства, кажется, можно заключить, что и простой лучезарный вѣнецъ былъ неслишкомъ часто допускаемъ при статуиныхъ изображеніяхъ.

Сущность дѣла показываетъ, что оба атрибута выражаютъ одно и то же, только въ различной степени, что одинъ изъ нихъ означаетъ сильное и яркое сіяніе, другой же — слабое и нѣжное. Въ слѣдствіе этого въ большей части случаевъ отъ произвола художника зависѣлъ выборъ сильнѣйшаго или слабѣйшаго атрибута, смотря потому, въ какой степени онъ хотѣлъ выразить божественное сіяніе. Но несообразно бы было, если бы онъ допустилъ сплошной нимбъ для представленія яр-

1) Grimm: Deutsche Mythol. стр. 300. Для сравненія важны также и попытки въ этомъ, сдѣланныя американскими племенами. См. Schoolcraft: Hist. and statist. inform. of the Indian tribes of the united states T. I. Pl. 47. 55. 58. 59.

кихъ лучей солнца, а лучезарный вѣнецъ употребилъ для выраженія нѣжнаго сіянія луны. Поэтому, за исключеніемъ изображенія Геліоса (см. выше стр. 36), которое еще должно изслѣдовать обстоятельнѣе, ни одно изъ произведеній древняго искусства не подлежитъ упреку въ этомъ отношеніи. И предъидущее изслѣдованіе показало въ подробности, что нѣкоторыя извѣстныя до сихъ поръ отступленія отъ этого правила сугь только кажущіяся и могутъ быть вполне оправданы.

Хотя Шульцъ ¹⁾ сдѣлалъ попытку различныя цвѣта, какіе живописцами даваемы были нимбу, поставить въ связь съ различными свойствами отдѣльныхъ боговъ, однако достаточно обратить даже бѣглое вниманіе на предъидущія доказательства, чтобы признать всю неудачность этой гипотезы. Очевидно, различный цвѣтъ нимба обуславливается единственно только общимъ эффектомъ красокъ, употребленныхъ для изображенія.

Но употребленіе означенныхъ атрибутовъ въ различныя столѣтія подвергалось существеннымъ перемѣнамъ. Со времени Александра Великаго до Августа, художники пользовались ими весьма умѣренно, и эту умѣренность мы замѣчаемъ не только относительно числа произведеній, въ которыхъ встрѣчаются эти украшенія, но и въ томъ, что употребленіе ихъ считалось необходимымъ тамъ, гдѣ съ понятіемъ о блескѣ, свойственномъ всякому божеству, соединялся еще особенный къ тому поводъ, заключавшійся въ индивидуальныхъ свойствахъ или въ положеніи изображаемаго божества или героя. Такъ лучезарный вѣнецъ обыкновенно употребляемъ былъ тогда между прочимъ при олицетвореніяхъ свѣтилъ, и въ особенности почти постоянно при Геліосѣ и Сиріусѣ, равно какъ при нѣкоторыхъ изображеніяхъ Зевса Астерійскаго (см. выше стр. 19 прим. 1), Аполлона (см. выше стр. 32 прим. 1), богини Эосъ, (*№* 1—3), Фосфорѣ, а нимбъ — при богинѣ Селенѣ. Точно также допускаемъ былъ тогда лучезарный вѣнецъ для указанія на яркій блескъ зѣира при представленіи Зевса (*№* 15. 16), и нѣчто подобное выражено, можетъ быть, въ изображеніи Аѳины (см. выше стр. 68). Но съ самаго начала употребляемы были

2) Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 102 сл.

оба атрибуты въ особенности при изображеніяхъ боговъ, героевъ и героинь, которые вообще сами по себѣ или въ представляемомъ положеніи отличались грознымъ и страшнымъ характеромъ. Съ такою цѣлью встрѣчается то лучезарный вѣнецъ, то нимбъ, при Фуріяхъ (и можетъ быть при Лиссѣ), при Сфинксѣ, Протейѣ, Тетидѣ, Беллерофонтѣ и при Богинѣ побѣды, хотя въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, выражается также понятіе о блескѣ, обыкновенно во всѣ времена соединяемое съ понятіемъ о славѣ. Изображеніе Сиріуса относится къ этой категоріи, такъ же какъ и къ первой.

Около времени Августа мало по малу утвердились правила, нѣсколько отличавшіяся отъ показанныхъ выше, и съ этихъ поръ мы замѣчаемъ въ искусствѣ стремленіе употреблять означенные атрибуты не только съ тѣми цѣлями, о которыхъ мы говорили, но и съ другими новыми. Для означенія отношенія къ свѣтиламъ небеснымъ они встрѣчаются, хотя и непостоянно во всѣхъ случаяхъ, не только при Гелиосѣ, Аполлонѣ, богинѣ Эосъ, Селенѣ (№ 4 — 8) и Сиріусѣ, но и при Меркуріи, Сатурнѣ, Ираклѣ, Митрѣ, (см. выше стр. 33), такъ называемомъ Гелиополитанскомъ Зевсѣ (см. выше стр. 119), безъ луны Мао, Кабирахъ, Сераписѣ, Горосѣ, Венерѣ, Гекатѣ, при нѣкоторыхъ пантеистическихъ изображеніяхъ, при Фениксѣ, Львѣ, Жукѣ и отчасти при Цирцеѣ, Медѣ и при Aeternitas. Для указанія на блескъ эмира они служатъ при Зевсѣ Аргѣйскомъ, при одномъ изображеніи Скопії, при Иридѣ и, можетъ быть, при Нанѣ. Съ цѣлью представить изображаемое существо страшнымъ и пагубнымъ они являются при Фуріяхъ (№ 3 и 4), при Демосѣ или Фобосѣ и Нѣтосѣ (если эти изображенія не относятся еще къ древнѣйшему времени), при Аѳинѣ, при богинѣ Мао, при Сиріусѣ и Львѣ, можетъ быть, также при Нанѣ и отчасти даже при Зевсѣ (№ 3)¹⁾. Но въ особенности они служили въ

1) Сюда относится также рассмотрѣнное выше (стр. 38) изображеніе Крона въ лучезарномъ вѣнцѣ на одномъ рѣзномъ камнѣ только не потому, что Кроносъ былъ богъ засухи, но потому что позднѣйшая астрологія приписывала планетѣ Сатурна вредное вліяніе на судьбу людей Plutarch: De Iside 48. Χαλδαῖοι δὲ τῶν πλανητῶν ὅς ἐστι γενεθλίου καλοῦσι, δύο μὲν ἀγαθοῦργους, δύο δὲ κακοποιοὺς, μέσους δὲ τοὺς τρεῖς ἀποφαίνουσι καὶ κοινούς. Servius въ примѣч. къ Virgilio: Georg. I, 335. «*De planetis quinque duos esse notios*

это время ¹⁾ для выраженія ослѣпительнаго блеска божественной юности, именно при Аполлонѣ, Діонисѣ, Ахиллѣ, Адонисѣ, Афродитѣ, Аріаднѣ, Ледѣ, Цирцѣ, Медеѣ и, можетъ быть, даже при Наядахъ, Менадахъ и Гермафродитѣ см. выше стр. 74). Наконецъ въ это время художники начали пользоваться ими вообще для означенія божественнаго происхожденія, хотя бы въ понятіи объ изображаемомъ существѣ и въ представляемомъ его положеніи не было къ тому особеннаго повода. Въ этомъ случаѣ они руководились, можетъ быть, отчасти желаніемъ представить изображаемыя существа главными лицами дѣйствія. Сюда принадлежатъ вышеупомянутыя изображенія Посидона и Фрикса, Рэи, Амфитриты, Деметры, Матронъ, Aeternitas, Хнубиса, равно какъ и богинь въ извѣстномъ геркуланскомъ ландшафтѣ (см. выше стр. 123)

Но живописцы, украсившіе миніатюрами дошедшія до насъ рукописи, пошли еще далѣе ²⁾. Нѣкоторые изъ нихъ, подобно тому, который трудился надъ ватиканскимъ спискомъ Виргилія подъ № 3225, совершенно нигдѣ не пользовались этими атрибутами, за исключеніемъ только изображеній Геліоса. Напротивъ того большая часть изъ нихъ, очевидно, не могла уже думать о богахъ, олицетвореніяхъ отвлеченныхъ понятій, и отчасти о герояхъ, безъ нимба или лучезарнаго вѣнца. Въ противоположность художникамъ древнѣйшаго времени, они считали присоединеніе означенныхъ атрибутовъ къ изображенію правиломъ, а опущеніе ихъ — исключеніемъ, которое еще чаще объясняется произволомъ и необдуманностью, чѣмъ разумною причиною. Такъ въ рукописи: *Notitia Dignitatum* подлѣ безчисленнаго ряда олицетвореній самыхъ разнообразныхъ мѣстностей или отвлеченныхъ понятій, изображенныхъ съ нимбомъ, находятся также нѣкоторыя изображенія такого-же рода безъ

Martem et Saturnum, duos bonos Jovem et Venerem, Mercurius vero talis est, qualis ille, cui jungitur».

1) Нѣкоторые неясные слѣды такого употребленія простираются до древнѣйшаго періода. Срав. выше упомянутыя (стр. 31 подъ № 21), монеты, которыя, по мнѣнію De Witte: *Rev. num.* 1858, стр. 50. относятся къ 82 и 79 годами предъ Р. Х.

2) Сюда-же должно отнести рѣзчиковъ, отъ которыхъ дошли до насъ византійскія монеты съ изображеніемъ *Victoria*, упомянутыя выше (стр. 71).

9*

этого украшенія (см. выше стр. 103). Тоже самое слѣдуетъ сказать объ упомянутой выше (см. выше стр. 83), парижской рукописи и Певтингеровой картѣ (см. выше стр. 103), и не иначе представляется дѣло относительно рисунковъ ватиканскаго списка *Виргилія* подъ № 3867. Правда, боги по обыкновенію являются здѣсь съ нимбомъ, и исключеніе представляется только при богахъ бурь и вѣтровъ ¹⁾, вѣроятно въ слѣдствіе ихъ второстепеннаго значенія; но при изображеніи героев мы не находимъ никакой разумной послѣдовательности. Нѣкоторые герои и героини, какъ Эней, Ацестъ, Битіасъ, Гелимъ, Пріамъ, Дидона и Гекуба являются тамъ съ нимбомъ, другіе же и даже нѣкоторые изъ перваго разряда лишены такого украшенія, какъ Дидона и Эней ²⁾, Асканій ³⁾ и Турнъ ⁴⁾, хотя въ этихъ случаяхъ мы не находили никакого къ тому повода (за исключеніемъ Пріама и Гекубы). Только при изображеніи Ириды, очевидно, обращено было вниманіе на индивидуальныя свойства этого божества (см. выше стр. 84). Большая послѣдовательность въ изображеніяхъ замѣчается еще въ миланскомъ спискѣ *Иліады*. Герои обыкновенно являются здѣсь безъ нимба, и даже богамъ это украшеніе дается только тогда, когда они изображаются бесѣдующими между собою на Олимпѣ или смотрящими оттуда на землю и земную жизнь людей; но мы не находимъ его при тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ болѣе или менѣе второстепенное значеніе, какъ Музы ⁵⁾, Гефестъ въ то время, какъ онъ служитъ богамъ на Олимпѣ ⁶⁾, или является на землѣ исполнителемъ приказаній Геры ⁷⁾, Тетида на Олимпѣ ⁸⁾ и на землѣ ⁹⁾, Богиня ночи ¹⁰⁾ и рѣчной богъ Скамандръ ¹¹⁾. Однако и высшіе боги изображаются безъ нимба, когда художникъ представляетъ

1) Mai: Pict. Virg. Tab. 17.

2) Mai: Pict. Virg. Tab. 84.

3) Mai: Pict. Virg. Tab. 40. 57.

4) Mai: Pict. Virg. Tab. 61.

5) Mai: Pict. Hom. Tab. 10.

6) Mai: Pict. Hom. Tab. 10.

7) Mai: Pict. Hom. Tab. 53.

8) Mai: Pict. Hom. Tab. 9.

9) Mai: Pict. Hom. Tab. 7.

10) Mai: Pict. Hom. Tab. 34. 35.

11) Mai: Pict. Hom. Tab. 52. 53.

ихъ находящимися на землѣ, между людьми, очевидно соображаясь съ вышеупомянутымъ общимъ убѣжденіемъ древнихъ (см. выше стр. 8 и сл., также стр. 126). Такъ изображается безъ нимба Аполлонъ, когда онъ, явившись на землю, пускаетъ въ войско Грековъ стрѣлы¹⁾, производшія заразительную болѣзнь, или принимаетъ участіе въ самой битвѣ²⁾, и тоже самое замѣчается въ изображеніяхъ Геры³⁾, Аѳины⁴⁾ и Ареса⁵⁾ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Только два раза художникъ нарушилъ свое правило, представивъ съ нимбомъ Аѳину подлѣ Одисея⁶⁾, и Аполлона среди битвы⁷⁾.

До сихъ поръ мы разсматривали только изображенія боговъ и героевъ; теперь слѣдуетъ показать правила, которымъ слѣдовало древнее искусство при представленіи обыкновенныхъ смертныхъ. Уже выше (см. выше стр. 7. 16), сказано было, что въ позднѣйшія времена древности замѣчательнымъ лицамъ, въ особенности властителямъ приписываемъ былъ также сверхъестественный блескъ, который прежде считался исключительно принадлежностью однихъ только боговъ. Однако прежде, чѣмъ покажемъ, въ какой мѣрѣ нимбъ и лучезарный вѣнецъ допущены были для выраженія этого блеска, мы должны обратить вниманіе на другой тѣсно связанный съ ними атрибутъ, который предшествовалъ имъ при изображеніи обыкновенныхъ смертныхъ.

Этотъ атрибутъ былъ придуманъ такъ, что могъ найти себѣ примѣненіе не только въ произведеніяхъ искусства, но и въ дѣйствительной жизни. Онъ состоитъ изъ узкаго обруча, отъ котораго въ видѣ лучей поднимаются вверхъ острия спицы⁸⁾,

1) Mai: Pict. Hom. Tab. 1.

2) Mai: Pict. Hom. Tab. 18. 45. 46. 47.

3) Mai: Pict. Hom. Tab. 53.

4) Mai: Pict. Hom. Tab. 2. 3. 16. 17.

5) Mai: Pict. Hom. Tab. 17.

6) Mai: Pict. Hom. Tab. 11.

7) Mai: Pict. Hom. Tab. 51.

8) Поэтому форма лучезарнаго вѣнца, при которой лучи свѣта представляются исходящими непосредственно изъ головы или изъ всего тѣла, на самомъ дѣлѣ совершенно отличается отъ формы лучезарной короны, которая соединяетъ лучеобразныя острія, замѣняющія дѣйствительные лучи, съ головою только извнѣ посредствомъ обруча, на которомъ они находятся. Но при художественныхъ изображеніяхъ часто бываетъ весьма трудно рѣ-

и называется лучезарною короною. Эта корона, по всему вѣроятію, была собственнымъ изобрѣтеніемъ Грековъ, и явилась не ранѣе нимба и даже не ранѣе лучезарнаго вѣнца.

Послѣднее предположеніе лишилось бы основанія, если бы правы были тѣ, которые видятъ лучезарную корону въ извѣстной формѣ персидской тіары ¹⁾, встрѣчающейся въ многочисленныхъ произведеніяхъ персидскаго искусства, изъ которыхъ многія явились въ свѣтъ задолго до Александра Великаго. Но такое мнѣніе никакъ не можетъ быть защищено по крайней мѣрѣ при всѣхъ тѣхъ произведеніяхъ, которыя относятся къ столь отдаленной древности. Персидская тіара, какъ намъ показываютъ безчисленные, отчетливо сдѣланные и хорошо сохранившіяся изображенія, состоитъ изъ цилиндрической шапки различной величины, очень часто съ выемками по верхнему краю. Въмѣсто этихъ выемокъ, на такъ называемыхъ древнеперсидскихъ монетахъ и на многихъ другихъ изъ числа древнѣйшихъ мы находимъ рядъ небольшихъ зубцовъ на совершенно правильномъ цилиндрѣ ²⁾. Такіе-же зубцы часто встрѣчаются на лучезарной коронѣ въ произведеніяхъ греко-римскаго искусства позднѣйшаго времени, употребленные въ замѣнъ лучей, въ слѣдствіе чего могло возникнуть нѣкоторое ея сходство съ персидскою тіарою. Но всякій пойметъ, какъ неосновательно считать за одно и тоже формы различнаго происхожденія по одному только внѣшнему сходству и притомъ неполному, и давать имъ одинаковое значеніе.

пить, какую изъ означенныхъ двухъ формъ имѣлъ въ виду художникъ, и, безъ сомнѣнія, относительно многихъ названныхъ здѣсь произведеній искусства мнѣнія будутъ различны; но надѣюсь, что я постоянно допускалъ только вѣроятнѣйшія предположенія.

1) Въ изображеніяхъ персидскихъ царей на такъ называемыхъ Дарикахъ и другихъ древнеперсидскихъ монетахъ (Lajard: *Recherches sur Mithra* Pl. 63) и на многочисленныхъ цилиндрахъ и другихъ рѣзныхъ камняхъ (Lajard: *Recherches sur Mithra* Pl. 13, 4. 8. 15, 2. 19, 3. 7. 8. 25, 6. 29, 3. 30, 5. 31, 1. 33, 8. 42, 6. 47, 2. 4. 51, 2. 3. 7. 54^c, 2. 56, 5. 57, 6.); при крылатыхъ львахъ (Lajard: *Recherches sur Mithra* Pl. 49, 1. 3. 51, 2. 57. 2) и даже при эмблемѣ божества (Lajard: *Recherches sur Mithra* Pl. 2, 22*28. 54^c, 2. 57, 2).

2) Тоже самое, какъ извѣстно, находится на высокомъ головномъ нарядѣ армянскихъ царей (Visconti: *Iscopogr. grecque* Pl. 45). О такъ называемой фригійской шапкѣ см. выше стр. 49, прим. 3.

Греко-римская зубчатая корона, какъ видно изъ самаго дѣла, получила свою форму не непосредственно; а возникла изъ лучезарной короны только въ слѣдствіе небрежности въ то время, какъ тѣ острія, которыми изображались лучи, дѣлаемы были слишкомъ короткими и слишкомъ широкими при основаніи. Значеніе лучей свѣта дано было такимъ зубцамъ только потому, что они явились въ замѣнъ формъ, которыя соотвѣтствовали лучамъ.

Но дѣло представляется совершенно наоборотъ относительно разсматриваемой нами персидской тиары. На всѣхъ тѣхъ древне-персидскихъ монетахъ и цилиндрахъ, какіе только представляютъ зубцы вмѣсто выемокъ, оказывается, что тѣмъ опредѣленіе и яснѣе (какъ убѣдился я изслѣдованіемъ многочисленныхъ оригинальныхъ произведеній ¹⁾) изображается высокій цилиндръ, который никакъ не соотвѣтствуетъ формѣ короны, и тѣмъ яснѣе и опредѣленіе являются второстепеннымъ украшеніемъ зубцы, находящіеся по верхнему его краю, чѣмъ тщательнѣе они представлены въ своихъ частяхъ. Но формы, которыя болѣе или менѣе приближаются къ греко-римской лучезарной коронѣ, возникли въ слѣдствіе измѣненія формъ, соотвѣтствовавшихъ тиарѣ въ то время, какъ вмѣсто высокаго цилиндра стали довольствоваться грубою поперечною чертою, а вмѣсто зубцовъ или выемокъ — прямыми небрежно означенными линіями. Итакъ линіи, кажуціяся лучами, служатъ здѣсь въ замѣнъ зубцовъ и выемокъ, и тѣмъ болѣе сходство этого наряда въ частяхъ съ греческою лучезарною короною, чѣмъ

1) Въ снимкахъ съ означенныхъ произведеній часто бываетъ не замѣтно это соотношеніе, конечно въ слѣдствіе небрежности рисовальщиковъ. Но въ особенности должно указать на изображеніе Бегистунскаго памятника, представленное Равлинсономъ въ *Journal of the R. As. Societ.* T. X. Pl. 1; въ этомъ изображеніи даже Дарій Гистаспъ является въ лучезарной коронѣ. Однако оно во всей цѣлости обнаруживаетъ совершенный недостатокъ въ пониманіи пластическихъ формъ, и кромѣ того, очевидно, содержитъ въ себѣ еще другія совершенно произвольныя прибавленія. Напротивъ того изображеніе этихъ-же самыхъ скульптурныхъ произведеній, находящіяся у Ker Porter: *Travels in Georgia* T. II. Pl. 60, показывая не только самое глубокое пониманіе формъ, но и величайшую вѣрность оригиналу и точность, не представляетъ никакой возможности думать о лучезарной коронѣ. Кромѣ того вѣрность этого изображенія подтверждена также показаніями Коста и Фландена: *Voyage en Perse* T. I. Pl. 18.

грубѣе онъ изображенъ, чѣмъ замѣчается въ особенности въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Конечно, на такую перемѣну въ изображеніи тиары могла имѣть лучезарная корона, которая въ это время заимствована была отъ Грековъ. Однако по формамъ тиары, какъ позднѣйшимъ, такъ и древнѣйшимъ и отчетливѣе изображеннымъ, съ означеннымъ украшеніемъ изъ зубцовъ, никакъ нельзя заключить, что между греческою лучезарною короною и персидскою тиарою была какая-либо первоначальная связь. Напротивъ мы должны совершенно отказать въ этой коронѣ древнѣйшимъ произведеніямъ персидскаго искусства и признать ее исключительнымъ изображеніемъ Грековъ.

Но и Греки не знали лучезарной короны до временъ Александра Великаго, такъ-какъ мы не находимъ никакого на то указанія ни въ памятникахъ искусства, ни въ извѣстіяхъ у писателей. Въ древнѣйшихъ же произведеніяхъ то, въ чемъ нѣкоторые старались видѣть и дѣйствительно видѣли это украшеніе, имѣетъ другое назначеніе. Такъ въ новѣйшихъ рисункахъ, снятыхъ съ вазъ съ черными фигурами, вѣнокъ изъ листьевъ нерѣдко замѣненъ зубчатою короною, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наблюдатель, сколько-нибудь знакомый съ живописью на вазахъ, не можетъ ни минуты оставаться въ неизвѣстности относительно истиннаго nam̄renіа древняго художника¹⁾. Далѣе слѣдуетъ указать на высокій головной нарядъ въ видѣ модіуса

1) Напр. у Hancarville: *Ant. Etr.* T. II. Pl. 18. = Inghirami: *Vasi fitt.* Tav. 86; Gerhard: *Auserlesene Vasenb.* Taf. 49 и т. д. Сюда же безъ всякаго колебанія отношу и головной нарядъ фигуры, принятой Яномъ за Зевса, въ картинѣ, срисованной въ *Arch. Zeit.* 1858. Taf. 114, 2., хотя этотъ ученый нисколько не медлитъ назвать означенный головной нарядъ лучезарною короною. Но недосмотръ былъ виною того, что Янъ считаетъ возможнымъ принять предметъ, изображенный на спинѣ фигуры, стоящей напротивъ первой, за упавшую съ головы лучезарную корону. Совершенно очевидно, что этотъ предметъ есть вѣничикъ жезла, который держитъ первая фигура, и нельзя рѣшить только того, слѣдуетъ ли принять его за скипетръ, или должно считать его обыкновеннымъ орудіемъ морскихъ божествъ съ тѣмъ только отличіемъ, что вмѣсто трехъ зубцовъ по общему правилу изображено пять. Признаюсь, я болѣе склоняюсь въ пользу послѣдняго предположенія, потому-что, по примѣру Эсхила въ его *Прикованномъ Прометѣѣ*, въ этой картинѣ скорѣе можно искать Океана, чѣмъ Зевса, а въ слѣдствіе этого стоящая сзади его женская фигура должна быть принята не за Геру, а за Тетиду; фигура же, вооруженная лукомъ, за одного изъ Титановъ или за одну изъ Титанидъ.

(четверика) ¹⁾ съ небольшими зубцами или остріями по верхнему краю, обыкновенно встрѣчающійся въ картинахъ на вазахъ того-же стиля и иногда на вазахъ съ красными фигурами ²⁾. Этотъ нарядъ болѣе или менѣе сходствуетъ съ лучезарною короною ³⁾, если нижняя, цилиндрическая часть его изображена слишкомъ низкою, а зубцы его — слишкомъ длинными. Но такъ какъ, очевидно, высокая тулья въ видѣ модіуса есть главная часть наряда, а небольшія острія или зубцы составляютъ второстепенное украшеніе и бываютъ болѣе или менѣе похожими на лучи только въ слѣдствіе небрежности художника, то весьма немногіе покушались принять этотъ нарядъ за лучезарную корону или вообще искать въ немъ указанія на лучи свѣта. Наконецъ должно замѣтить, что нельзя дѣлать предположеній объ употребленіи лучезарной короны у Грековъ въ самыя отдаленныя времена, основываясь на изображеніяхъ божествъ древняго культа, какъ напр. богини Хризы ⁴⁾, встрѣчающихся съ лучезарною короною въ произведеніяхъ искусства, которыя, очевидно, явились въ свѣтъ не ранѣе третьяго столѣтія до Р. Х. Что эти изображенія допускаютъ заключеніе не относительно времени, которому принадлежатъ оригиналы, служившіе имъ образцами, а только относительно того времени, которому принадлежатъ они сами, съ тѣмъ конечно согласится каждый, кто обратитъ вниманіе на произволъ, съ которымъ почти обыкновенно дѣйствовали художники при подражаніи

1) Напр. Mon. Ined. pubbl. dall' Inst. arch. T. III. Tav. 44. Gerhard: Auserl. Vasenb. Taf. 15. •

2) Напр. у Tischbein: Engravings T. IV. Pl. 9. = Inghirami: Vasi fitt. Tav. 7. и въ особенности знаменитая неаполитанская ваза въ Mus. Borb. T. XII. Tav. 21. = Inghirami: Vasi fitt. Tav. 317. = Gargiulo: Rec. T. II. Pl. 32. = Panofka: Dionysos und Thyaden Taf. 1, 1. = Wieseler: Denkm. Th. II. № 583. = Boetticher: Baumcultus № 43.

3) Напр. у Gerhard: Auserl. Vasenb. Taf. 17. Также и въ древне-этрускихъ произведеніяхъ встрѣчаются болѣе или менѣе подобные головные наряды, украшенные зубцами, которые многими изслѣдователями безъ всякаго основанія принимаются за лучи и за указаніе на свѣтила небесныя, напр. Micali: Storia Tav. 34, 6. Gerhard: Etrusk. Gottheiten Taf. 2, 3.

4) Uhden: Ueber ein altes Vasengemälde въ Abhandl. der Berliner Akademie 1810 стр. 63 сл. Millingen: Peint. des vas. de div. coll. Pl. 51. Laborde: Vases de Lamberg T. I. Pl. 23. Inghirami: Vasi fitt. Tav. 17. Wieseler: Denkm. Th. I. № 10. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 94. № 354. Arch. Zeit. 1845. Taf. 35. •

древнимъ образцамъ такого рода ¹⁾. И я тѣмъ болѣе сомнѣваюсь въ томъ, что лучезарная корона была вообще извѣстна Грекамъ до Александра Великаго, чѣмъ невѣроятнѣе то, чтобы она явилась ранѣе лучезарнаго вѣнца и нимба.

Употребленіе лучезарной короны въ дѣйствительной жизни у Грековъ было уже съ самаго начала двоякаго рода. Во-первыхъ, какъ весьма часто и опредѣленно говорятъ писатели, ее носили независимые владѣтели для указанія на свое происхожденіе отъ боговъ, такъ-какъ сверхъ-естественный блескъ считался неотъемлемою принадлежностью всякаго божества ²⁾. Во-вторыхъ она надѣвалась лицами, которыя участвовали въ совершеніи различныхъ обрядовъ богопочитанія. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ она служила для выраженія божественнаго блеска, конечно, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь значеніе ея ограничивалось продолжительностію обряда, и она не указывала на блескъ, распространяющійся непосредственно отъ этихъ лицъ. Употребленіе лучезарной короны въ этомъ случаѣ находится въ такомъ-же отношеніи къ употребленію ея со стороны царей и героевъ, какое допускалось между блескомъ, который приписываемъ былъ героямъ, и блескомъ, который считали принадлежностью боговъ. При первыхъ, по крайней мѣрѣ по убѣжденію древнѣйшаго времени, какъ показано выше (см. стр. 13 и слѣд., также стр. 44), видѣли въ этомъ кратковременный даръ какого-либо бога, который такимъ образомъ заявлялъ свое благоволеніе къ достойнымъ; при послѣднихъ же считали это неотъемлемою собственностью. Это, кажется, значеніе придавалось лучезарной коронѣ и при извѣстныхъ обрядахъ

1) Въ особенности поучительно бы было въ этомъ отношеніи, если бы сравнить многочисленныя и совершенно различныя формы, которыя позднѣйшими художниками даны были изображенію Артемиды, похищенному, какъ говоритъ сказаніе, Орестомъ.

2) Что въ позднѣйшее время для этой цѣли волосы на головѣ посыпались золотымъ порошкомъ, видно отчасти изъ выше приведеннаго показанія Геродіана (стр. 17), отчасти и притомъ яснѣе изъ того, что говоритъ Требеллій о старшемъ Галліенѣ въ жизнеописаніи этого императора сар. 16: «*Crinibus suis auri scobem aspersit; radiatus saepe processit*». Но мы въ затрудненіи относительно того, какъ представить себѣ головной нарядъ Алеманскаго короля Хнодомарія, упоминаемый Амміаномъ Марцеллиномъ: *Res. gest. Lib. XVI, 12, 24: «suius vertici flammeus torulus aptabatur*». Однако, безъ сомнѣнія, съ нимъ соединялась одна и та же цѣль.

богопочитанія у Грековъ. Она должна была выражать, что человекъ при совершеніи какого-либо священнаго дѣйствія принимается божествомъ подъ особенное покровительство и для внѣшняго своего отличія получаетъ отъ него божественное сіяніе. Кажется, нельзя допустить другаго объясненія этой короны при обрядахъ согласно съ употребленіемъ ея, какое мы находимъ въ иныхъ случаяхъ, хотя и данное нами не можетъ быть подтверждено никакими опредѣленными свидѣтельствами писателей.

Вообще мнѣ извѣстно только одно мѣсто, упоминающее объ употребленіи лучезарной короны при обрядахъ, именно слова Апулея ¹⁾, о которыхъ много было говорено: «*At manu dextera gerebam flammis adultam facem, et caput decore corona cinxerat, palmae candidae foliis in modum radiorum prosistentibus. Sic ad instar solis exornato me et in vicem simulacri constituto, repente velis reductis in aspectum populus errabat*». Однако эти слова не заключаютъ въ себѣ ничего, что могло бы разъяснить смыслъ означеннаго украшенія. Выраженіе: «*ad instar solis*» представляютъ только уподобленіе его солнцу. Здѣсь идетъ рѣчь о мистеріяхъ Изиды, и потому неудивительно, что мистеріоманы воспользовались этимъ указаніемъ для того, чтобы принять лучезарную корону за особенную принадлежность мистерій и, основываясь на этомъ, причислить многія произведенія, въ которыхъ она встрѣчается, къ разряду изображеній изъ области мистерій. Но, къ несчастью, Апулей не говоритъ объ этомъ ни одного слова. Большая же часть изображеній, содержаніе которыхъ составляютъ какіе-либо обряды и въ которыхъ встрѣчается лучезарная корона, не позволяетъ такого объясненія. И такъ какъ само собою разумѣется, что обыкновенные обряды почитанія различныхъ боговъ должны были имѣть много признаковъ, общихъ съ мистеріями, и невѣроятно, чтобы какое-либо изъ главныхъ и только мистеріямъ свойственныхъ дѣйствій было изображено въ произведеніи, доступномъ глазу каждаго, то всякій здравомыслящій замѣтитъ, что всѣ гипотезы, дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ, даже при самыхъ благоприятныхъ данныхъ, ограничиваются только игрою словъ ²⁾.

1) Metamorph. XI, 24.

2) Въ слѣдующемъ перечнѣ, конечно, мы встрѣчаемъ лучезарную корону.

Впрочемъ произведенія искусства даютъ возможность нѣсколько ближе разъяснить употребленіе лучезарной короны при обрядахъ греческаго богочитанія. Я укажу на относящіеся къ дѣлу ¹⁾, и желаю, чтобы другимъ удалось увеличить этотъ перечень.

какъ въ изображеніи, относящемся къ культу Изиды, такъ и въ изображеніи, принадлежащемъ къ культу Гекаты, который образовался въ позднѣйшее время и былъ соединенъ съ таинственнымъ посвященіемъ. Однако такъ какъ Апулей и другіе писатели, если они говорятъ нѣсколько подробнѣе о мистеріяхъ, ясно выражаютъ, что сообщаемое ими не составляло тайны, то очевидно и эти изображенія представляютъ намъ то, что было не исключительно принадлежностью мистерій, но достояніемъ ихъ, общими съ другими культами. Поэтому совершенно превратно заключеніе, что всѣ обряды, въ которыхъ была употребляема лучезарная корона, соединялись съ мистеріями только потому, что мы встрѣчаемъ этотъ атрибутъ въ нѣкоторыхъ обрядахъ, соединенныхъ съ мистеріями.

1) Естественно, я умалчиваю здѣсь и въ слѣдующемъ далѣе перечнѣ изображеній, въ которыхъ боги или герои являются въ лучезарной коронѣ, о встрѣчающемся въ особенности въ изображеніяхъ на вазахъ чрезвычайно часто и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, женскомъ головномъ нарядѣ, который отличается отъ другихъ болѣе или менѣе таинственнымъ числомъ лучей, поднимающихся надъ лбомъ. (Нѣкоторые примѣры находятся у Gerhard: *Uned. Bildw. Taf.* 303. 304). Безъ сомнѣнія, и этотъ головной нарядъ первоначально служилъ для выраженія блеска, распространяющагося отъ головы, украшенной имъ. Однако очевидно также и то, что употребленіе его съ самаго начала не обуславливалось ни опредѣленнымъ дѣйствіемъ, ни опредѣленнымъ характеромъ лица, и что онъ былъ общимъ и обыкновеннымъ украшеніемъ. Поэтому хотя иногда художники могли имѣть особенныя цѣли при употребленіи его, однако чрезвычайно трудно указать на такіе отдѣльные случаи. Отличительный признакъ этого наряда отъ лучезарной короны состоитъ только въ томъ, что лучи у него находятся не вокругъ всей головы, а только надъ лбомъ. Однако при небрежности въ исполненіи и особенномъ положеніи головы часто бываетъ довольно трудно въ отдѣльныхъ случаяхъ различить эти два совершенно различные наряда, и поэтому я не надѣюсь угодить всѣмъ въ выборѣ изображеній въ слѣдующихъ далѣе указаніяхъ. При этомъ замѣчу только, что я оставляю въ сторонѣ сдѣланное еще въ древнемъ стилѣ и весьма тщательное изображеніе богини мира на одной вазѣ, срисованной у Gerhard: *Auserl. Vasenb. Taf.* 83. (Rev. arch. T. XV. стр. 621. Объ отношеніи этого изображенія къ богинѣ мира см. мои примѣчанія въ Ant. du Bosph. Cimmér. T. II. стр. 96.), хотя здѣсь головной обручъ, украшенный не лучами, но зубцами, довольно близко подходитъ къ позднѣйшей формѣ лучезарной короны, и хотя къ богинѣ мира Аристофанъ обращается съ словами: ὡς σφαιρὸν ἑσπερίαν ἄσπερον (Рак. 974). Это дѣлаю я потому, что согласно съ показаніями писателей и другихъ памятниковъ нельзя думать, чтобы уже въ столь отдаленное время, которому принадлежитъ означенное изображеніе, извѣстна была лучезарная корона, и чтобы въ изображеніи, тщательно сдѣланномъ, она явилась уже въ формѣ зубчатой короны, съ зубцами не только по верхнему краю обруча, но и отчасти даже по нижнему. Очевидно, живописецъ безъ особенной мысли заботился только о сколь возможно роскошномъ нарядѣ для богини мира, которая

Вазы

1. Нѣкогда въ Ватиканѣ. Passeri: Pict. Etrusc. T. II. Tab. 262. 263. Millin: Peint. des vas. T. I. Pl. 19. Gal. Myth. Pl. 164. № 598. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 236. № 812^a.

2. Въ Неаполитанскомъ собраніи. Bull. Nap. Nuova Ser. T. I. стр. 143.

3) Въ Вѣнскомъ собраніи. Laborde: Vases du Comte Lamberg T. I. Pl. 14. Jahn: Ann. dell' Inst. arch. T. XX. стр. 213 сл. Pl. L, а.

4. Въ Вѣнскомъ собраніи. Hancarville: Ant. Etrusq. T. III. Pl. 36. Laborde: Vases du comte Lamberg T. I. Pl. 78. Inghirami: Vasi fitt. Tav. 363.

5) Въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Dubois de Montpreux: Voyage autour du Caucase, Atlas. Sér. IV. Pl. 15, 1. Ашикъ: Воспорское Царство Т. III. № 5. Stephani: Ant. du Bosph. Cimmér. Pl. 63, 5. Der ausruhende Heracles стр. 258.

6. Въ Берлинскомъ собраніи. Gerhard: Trinkschalen und Gefässe Taf. 27. Stephani: Bull. hist.-phil. T. XII. стр. 269. = Mélanges gréco-rom. T. I. стр. 539.

7. Въ Гамильтоновомъ собраніи. Hancarville: Ant. Etr. T. II. Pl. 37. Agincourt: Denkm. der Malerei Taf. 1. № 2. Inghirami: Vasi fitt. Tav. 361. Panofka: Bilder ant. Leb. Taf. 4, 10 Wieseler: Denkm. Th. II. № 625. Stephani: Der ausruhende Herakles стр. 258.

8. Въ Гамильтоновомъ собраніи. Tischbein: Engravings T. II. Pl. 25. Krause: Hellenika Th. I, 2. Taf. 7.

9. Въ Гамильтоновомъ собраніи. Tischbein: Engravings T. III. Pl. 48.

10. Въ Гамильтоновомъ собраніи. Tischbein: Engravings T. II. Pl. 43. Millin: Gal. Myth. Pl. 57. № 258. Inghirami: Vasi fitt. Tav. 48. Guigniaut: Rel. de l'Ant. Pl. 114. № 469. Creuzer: Symbolik Th. IV. H. 1. Taf. 9. Wieseler: Denkm. Th. II. № 365.

11. Въ Гамильтоновомъ собраніи. Tischbein: Engravings T. IV. Pl. 45.

и у Пиндара называется ταμία ἀνδράσι πλούτου, χρυσῆ παῖς εὐβούλου Θέμιτος (Olymp. XII, 10).

12. Ваза, съ которой, какъ мнѣ извѣстно, еще не сдѣлано снимка и которая принадлежитъ Рауль-Рошетту, описавшему ее въ своихъ *Mon. Inéd.* стр. 231 словами: «*On y voit Télètes, le Génie des mystères nu et ailé, volant en tenant dans ses deux mains cette même couronne (radiée) dont il se dispose à décorer le front d'un Ephèbe, qui se tient debout devant lui, enveloppé dans son peplus*».

Мраморныя произведенія.

13. Императорскій панцырь, въ Неаполитанскомъ собраніи. *Gerhard: Neapels antike Bildwerke* стр. 47 № 155.

14. Канделябровая подставка въ виллѣ Альбани. *Winckelmann: Mon. Inéd.* № 47. 48. *Zoega: Bassirilievi Tav.* 20. *Platner: Beschreibung Rom's Th.* III, 2. стр. 500. *Welcker: Denkm. Th.* II. *Taf.* 7, 12.

15. Мраморный сосудъ, который въ 1845 году я видѣлъ въ виллѣ Боргезе, близъ Рима, въ третьей комнатѣ главнаго зданія ¹⁾ и съ котораго еще не сдѣланъ снимокъ. На внѣшней его поверхности изображены различнымъ образомъ украшенные канделябры съ зажженнымъ огнемъ. Въ каждомъ промежуткѣ между канделябрами представлена въ болѣе или менѣе выразительной позѣ танцующая дѣвушка, въ короткомъ нижнемъ платьѣ и съ лучезарною короною на головѣ. Исполненіе и выборъ формъ показываютъ, что это произведеніе принадлежитъ лучшему времени римскаго искусства.

16. Обломокъ, находившійся нѣкогда въ музеѣ Борджіа въ Веллетри и упоминаемый Цоэгою: *Bassir. T.* I. стр. 113. *Nota* 8.

17. Канделябровая подставка, въ библіотекѣ Св. Марка въ Венеціи. *Zanetti: Statue, che nell' antisala di S. Marco si trova* T. II. стр. 34.

18. Канделябровая подставка, тамъ-же, которая, какъ убѣ-

1) Онъ, должно быть, вѣроятно, перенесенъ туда въ то время, когда Платнеръ уже окончилъ описаніе древностей этой виллы; такъ какъ мы не находимъ упоминанія о немъ въ этомъ описаніи. Но едва-ли требуется увѣрять въ томъ, что четыре новѣйшихъ мраморныхъ сосуда, находящихся въ той-же самой комнатѣ и упоминаемыхъ Платнеромъ въ *Beschrg. Rom's Th.* III, 3. стр. 247, отличны отъ разсматриваемаго.

дился я посредствомъ осмотра оригинала, совершенно соотвѣтствуетъ предыдущей.

19. Императорскій панцырь, въ Туринскомъ университетѣ. *Mém. de l'Acad. de Turin. Litt. et beaux arts* T. II. 1805. стр. 436. Pl. 4.

20. Торсъ Гекаты, въ Брукентальскомъ собраніи, въ Германштадтѣ. *Körpen: Die dreigestaltete Hecate* 1823. Gerhard: *Uned. Bildwerke* Taf. 314, 3 — 6. Wieseler: *Denkm. Th. III.* № 893.

21. Трехсторонняя канделябровая подставка, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Сторона, относящаяся къ дѣлу, срисована у Савасерри: *Raccolta* T. I. Tav. 50. На второй сторонѣ представлена Менада, въ длинномъ нижнемъ платьѣ и съ чѣмъ-то въ родѣ шарфа, подымающагося надъ нею; она стремительно бѣжитъ и бьетъ въ тимпанъ, который находится въ ея рукѣ. На третьей же сторонѣ изображенъ бородатый сатиръ, покрытый звѣриною кожею, предъ жѣртвенникомъ, сдѣланномъ изъ камней, съ пылающимъ на немъ огнемъ. Въ одной рукѣ онъ несетъ для жертвы блюдо плодовъ, а въ другой — убитаго зайца. Вѣрный снимокъ съ цѣлаго я надѣюсь представить вскорѣ при другомъ случаѣ. Чтобы нѣсколько подкрѣпить неосновательное мнѣніе Цоэги, видѣвшаго въ фигурахъ, похожихъ на изображенную на первой сторонѣ канделябровой подставки, служительницъ при жертвоприношеніяхъ, Велькеръ (*Denkm. Th. II.* стр. 150), не видавъ самаго произведенія, заподозрилъ его подлинность. Онъ говоритъ, что здѣсь «*einer solchen Hierodule der Kopf des Pentheus und ein Schwert vermuthlich nur durch einen laienhaften rappezino in die Hände gegeben*»; но я положительно утверждаю, что на этомъ произведеніи не замѣтно ни малѣйшаго слѣда какой-либо позднѣйшей поправки или передѣлки и что всѣ подробности отличаются античнымъ характеромъ и носятъ на себѣ печать лучшаго времени римскаго искусства.

22. Императорскій панцырь; по свидѣтельству Велькера (*Alte Denkm. Th. II.* стр. 151), снимокъ съ него находится въ *Mus. Nap.* T. IV. Pl. 67, но въ настоящее время я не могу повѣрить этого показанія.

Произведенія изъ терракотты

23. Обломокъ, срисованный у Ficoroni: *Maschere* Tav. 67.

24. Произведение, принадлежавшее нѣкогда г. Казали въ Римѣ. Casali: *Lettera su d'una antica terracotta trovata in Pa-lestrina* 1794. Agincourt: *Recueil de fragm. en terre cuite* Pl. 12, 9. Müller: *Denkm. Th. II.* № 214.

25. Въ Кампанскомъ собраніи въ Римѣ. Sampana: *Opere in plastica* Tav. 4.

Рѣзные камни.

26. Сердоликъ, принадлежавшій нѣкогда Dr. Nott. *Impr. gemm. dell' Inst. arch. Cent. IV.* № 48. Müller: *Denkm. Th. II.* № 189.

Монеты

27. Серебряная Абдерская монета. Millingen: *Sylloge of ancient coins* Pl. 2, 13. стр. 30 ').

Стѣнные картины

28. Геркуланская стѣнная картина. Pitt. d'Ercol. T. II. стр. 315.

29. Картина, извѣстная подъ именемъ Альдобрандинской свадьбы и находящаяся въ Ватиканѣ. Boettiger: *Die Aldo-brandinische Hochzeit* 1810. Gerhard: *Beschreib. Roms* Th. II, 2. стр. 11. Müller: *Handb. der Arch.* стр. 452. Wieseler: *Denkm. Th. I.* № 205. Milman: *Horatii Op.* стр. 384.

Изъ этого перечня прежде всего можно замѣтить, что до сихъ поръ еще неизвѣстно ни одно произведение означеннаго рода, которое бы могло принадлежать времени до Александра Великаго. Пѣратическій же стиль обломка подъ № 16. обнаруживаетъ поддѣлку, и пока не будетъ доказано противное, съ этимъ согласится всякій, кто обращалъ достаточное вниманіе на произведенія этого стиля, находящіеся въ Италіи въ значительномъ числѣ.

Ближайшее знакомство съ упомянутыми произведеніями

1) Сюда относятся также двѣ Гимерскія монеты, срисованныя у Торре-мизза: *Num. Sic. Tab. 85, 2. 5*, если въ такихъ вещахъ можно сколько-нибудь полагаться на снимки этой книги.

лучше всего начать съ достойной вниманія картины на вазѣ подлѣ № 11. Здѣсь сзади жертвенника изображена какая-то фигура, обращенная лицомъ къ зрителю; но трудно сказать, представляетъ ли она мужчину, или женщину. На головѣ она держитъ большую корзину, въ которой, вѣроятно, находятся предметы, нужные для жертвоприношенія. Подлѣ нея въ самомъ близкомъ разстояніи стоитъ другая фигура, въ которой по положенію верхней одежды легко узнать мужчину, а къ ней примыкають въ такомъ порядкѣ и въ такомъ положеніи, какіе намъ извѣстны изъ другихъ многочисленныхъ изображеній жертвоприношеній, три небольшія фигуры, безъ сомнѣнія, представляющія ея дѣтей. Большая фигура держитъ въ одной рукѣ гирлянду, а другою, какъ кажется, кладетъ что-то на жертвенникъ. Остальныя же три фигуры готовятся къ освященію себя посредствомъ лавровой вѣтви ¹⁾. Итакъ въ главномъ это изображеніе совершенно понятно. Оно, очевидно, представляетъ сцену изъ дѣйствительной жизни, а не изъ области сказаній, именно жертвоприношеніе, и участвующіе въ немъ являются въ лучезарныхъ коронахъ, потому только, что совершаютъ священное дѣйствіе. Но нельзя опредѣлить божества, въ честь котораго совершается жертвоприношеніе.

Въ самой близкой связи съ этимъ изображеніемъ находится картина на вазѣ подлѣ № 1. Она, очевидно, представляетъ также жертвоприношеніе. Двѣ женщины, украшенныя лучезарными коронами, изображены здѣсь подлѣ жертвенника или, можетъ быть, какой-то могилы, на которую одна изъ нихъ дѣлаетъ возліяніе (*σπονδή*), а другая держитъ въ рукахъ факелъ и ящикъ. Но здѣсь нѣтъ, какъ въ предыдущей картинѣ, ясныхъ признаковъ того, что зрителю представляется сцена изъ вседневной жизни. Въ слѣдствіе этого нѣкоторые изслѣдователи пытались отыскать связь этой картины съ главнымъ изображеніемъ на той-же вазѣ, представляющемъ борьбу Ахилла съ Мемнономъ. Но такъ какъ невозможно, чтобы какая-нибудь богиня, будетъ ли то Фетида или Эосъ, приносила жертву за побѣду или въ честь умершаго, то и должно остановиться на

1) См. C. Fr. Hermann: *Gottesd. Alterth.* § 28, 6.

томъ объясненіи, которое мы представили выше. Во всякомъ случаѣ согласно съ первою картиною мы можемъ предположить, что и во второй лучезарная корона украшаетъ обѣихъ женщинъ, потому что онѣ совершаютъ священное дѣйствіе.

Жертвоприношеніе, взятое изъ дѣйствительной жизни, и именно изъ культа египетскихъ божествъ, по всему вѣроятію изъ культа Изиды, представляется въ стѣнной картинѣ подѣ № 28. Главная для насъ фигура изображаетъ женщину, стоящую на первомъ планѣ, слѣва отъ зрителя, и обращенную къ нему спиною. Въ лѣвой рукѣ она держитъ блюдо съ плодами и цвѣтами, а въ правой — сistrъ (извѣстный египетскій музыкальный инструментъ), голова же ея украшена лучезарною короною.

Мы находимъ также жертвоприношеніе въ изображеніи при торсѣ Гекаты подѣ № 20, естественно относящееся къ культу этой богини. Но я весьма сомнѣваюсь въ томъ, что эта сцена, какъ принимали до сихъ поръ, представляетъ благословеніе какого-то дитяти; потому что это дитя является здѣсь, какъ и во многихъ другихъ изображеніяхъ, помощникомъ при совершеніи жертвы, и руки двухъ ближайшихъ фигуръ могутъ находиться близъ его головы совершенно случайно. Фигура въ лучезарной коронѣ, по всему вѣроятію, представляющая гіерофанта (верховнаго жреца), одной рукой придерживаетъ жертвенное животное, а въ другой рукѣ его, за головой дитяти, можно предполагать жертвенный ножъ. Точно также можетъ быть закрытъ головою дитяти ящикъ или какой-нибудь другой небольшой предметъ въ рукахъ женщины.

Сюда ближе всего подходятъ изображенія на вазахъ подѣ № 4. 5. 8. 9., представляющія лампадодроміи (бѣгъ съ факелами), въ которыхъ участвующіе юноши украшены лучезарными коронами. На вазахъ подѣ № 4. 5. 8. изображены только-что кончившійся бѣгъ; на вазѣ же подѣ № 9. двое юношей представлены еще стремительно бѣгущими. Во всѣхъ четырехъ картинахъ является богиня побѣды; въ изображеніяхъ подѣ № 5. 8. 9. она занята украшеніемъ одного изъ юношей побѣдною повязкою, въ изображеніи же подѣ № 4. она, по своему обыкновенному свойству служительницы при жертвоприноше-

ніяхъ ведетъ жертвенное животное ¹⁾ на закланіе за одержанную побѣду. На это указываетъ жертвенникъ, изображенный въ картинѣ подѣ № 5, съ пылающимъ огнемъ. Хотя изображенія подѣ № 4. 5. 8. допускаютъ предположеніе, что юноши обыкновенно надѣвали лучезарныя короны только по окончаніи бѣга, какъ участники въ побѣдной жертвѣ; однако согласно съ картиною подѣ № 9. можно заключить, что они имѣли на себѣ такое украшеніе уже во время самага бѣга, потому-что такой бѣгъ совершался въ честь какого-либо божества ²⁾).

Изображеніе подѣ № 7, очевидно, представляетъ жертвоприношеніе за побѣду, одержанную въ музыкальномъ состязаніи, хотя и можно быть другаго мнѣнія относительно обѣихъ мужскихъ фигуръ и спокойно стоящей женской фигуры. Въ серединѣ всей сцены мы видимъ треножникъ, полученный за побѣду и поставленный уже на высокую подставку. Одна изъ богинь побѣды ведетъ жертвеннаго быка, другая же держитъ въ правой рукѣ блюдо или вѣнокъ, а въ лѣвой — лучезарную корону. Что это украшеніе дано ей художникомъ не для ея собственнаго употребленія, но для участниковъ въ жертвоприношеніи, приготовленномъ ею, объясняется какъ аналогіею съ другою богинею побѣды, ведущею быка, такъ въ особенности тѣмъ, что корона находится у ней не на головѣ, но въ рукѣ.

Послѣ этого можно сдѣлать нѣкоторое предположеніе относительно картины на вазѣ подѣ № 12. Мнѣніе Рауль-Рошетта, видѣвшего въ ней *Genius Teletes*, не требуетъ опроверженія. Съ своей стороны я не сомнѣваюсь въ женскомъ полѣ спорной фигуры и согласно съ этимъ считаю ее изображеніемъ богини побѣды, которая, какъ въ предыдущей кар-

1) Это свойство богини побѣды подробно доказано въ моемъ изслѣдованіи: *Der ausruhende Herakles* стр. 257 и сл. Жертвенное животное, которое ведетъ богиня побѣды въ картинѣ подѣ № 4, привело Гергарда: *Trinkschalen und Gef.* стр. 45 къ мысли о таурохаѳіа вмѣсто лампадохромій, и эта мысль перешла потомъ къ Яну: *Berichte der kön. sächs. Ges. der Wiss.* 1864. стр. 245.

2) Непонятными для меня остаются лучезарныя короны двухъ юношей, представленныхъ въ непристойномъ дѣйствіи на вазѣ, срисованной у Напсагвилля: *Ant. Etg.* Т. II. Pl. 22. Съ одной стороны можно предположить, что онѣ перенесены сюда отъ одного подобнаго гимнастическаго торжества; съ другой же — можно думать не о лучезарныхъ коронахъ культа, но объ условномъ головномъ украшеніи, упомянутомъ на стр. 140 въ прим. 1.

тинѣ, несетъ лучезарную корону, чтобы вручить ее стоящему противъ нея юношѣ, на время жертвоприношенія, которое онъ приготовилъ въ благодарность богамъ за одержанную побѣду. Богиня же побѣды является почти совершенно обнаженною не только здѣсь, но и во многихъ другихъ произведеніяхъ искусства, напр. на Фикоронскомъ ящикѣ. Но если бы можно было доказать мужескій полъ означенной фигуры, то вмѣсто богини побѣды, слѣдовало бы видѣть въ ней Агона (олицетвореніе состязанія) ¹⁾, причемъ не измѣнился бы нисколько смыслъ картины въ остальныхъ частяхъ.

Самое непонятное изъ названныхъ здѣсь изображеній есть то, которое означено подѣ № 3 и находится въ Ватиканскомъ собраніи. Я не сомнѣваюсь только въ томъ, что представленная въ немъ сцена принадлежитъ не къ міру дѣйствительности, но къ области героическихъ сказаній, и что эта сцена изображаетъ какое-то религіозное дѣйствіе, какъ доказываютъ жертвенникъ, лавровое дерево, стоящее сзади него, и какой-то непонятный предметъ, лежащій на жертвенникѣ. Поэтому хотя бы женская фигура, которая находится съ одной стороны жертвенника противъ двухъ юношей, стоящихъ съ другой его стороны, и не была принята прямо за жрицу, что можно предположить ближе всего, все-же лучезарная корона, украшающая эту фигуру, выражаетъ отношеніе ея къ религіозному дѣйствію, которое не легко опредѣлить точнѣе ²⁾.

1) См. Gerhard: *Archaeol. Zeit.* 1849. стр. 14.

2) Янъ справедливо отвергъ обыкновенное предположеніе объ Орестѣ и Пиладѣ и указалъ на звѣзды, изображенныя надъ головами обоихъ юношей и гораздо ближе относящіяся къ Діоскурамъ. Хотя звѣзды этого рода допускаются въ изображеніяхъ на вазахъ того-же стиля весьма часто только для наполненія мѣста; однако въ означенномъ случаѣ онѣ нарушаютъ симметрію и потому должны быть оправданы какимъ-либо другимъ намѣреніемъ художника. Но я отношу къ изображенію Діоскуровъ еще другую, весьма близкую къ первой картину, въ которой до сихъ поръ обыкновенно видѣли Ореста и Пилادا, покидающихъ изображение Таврической Артемиды (Dubois-Maisonneuve: *Introd. Pl.* 59. Laborde: *Vases de Lamberg* T. I. стр. 15. Jahn: *Ann. dell' Inst. arch.* T. XX. Tav. agg. L, b. стр. 212. Overbeck: *Heroen-Gall. Taf.* 30, 8.). Допустивъ послѣднее, мы не находимъ въ этой картинѣ главнаго, самой статуи означенной богини, такъ какъ съ одной стороны мнѣ несомнѣннымъ кажется, что изображеніе Артемиды представляетъ самую богиню, а не ея статую, съ другой же стороны Янъ конечно справедливо замѣтилъ, что и предметъ, находящійся въ рукъ одного изъ юношей есть

Что стѣнная картина подѣ № 29, о которой было говорено такъ много, представляетъ не свадьбу какихъ-либо божествъ или героевъ, но свадьбу изъ дѣйствительной жизни, и именно по греческимъ обрядамъ, только въ видѣ нѣсколько идеальномъ, это кажется мнѣ несомнѣннымъ. Потому и въ трехъ дѣвицахъ, которыя находятся внѣ комнаты и поютъ эпиталямъ (свадебную пѣснь), слѣдуетъ признать не музъ, но подругъ новобрачной, а лучезарная корона одной изъ поющихъ объясняется участіемъ ея въ религіозномъ торжествѣ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ картина на вазѣ подѣ № 6. Она изображаетъ праздникъ Ἀλῆτις или Αἰώρα, и если качели, на которыхъ сидитъ какая-то отважная дѣвушка, приводятся въ движеніе не подругою ея или какимъ-либо юношею, но сатиромъ, то, очевидно, художникъ сдѣлалъ такой выборъ отчасти согласно съ вакхическимъ характеромъ этого праздника вообще, отчасти для того, чтобы своей небольшой картинѣ во вкусѣ жанра, придать особенную прелесть изображеніемъ въ ней этого смѣшнаго и веселаго сына природы ¹⁾. Онъ счастливо успѣлъ усилить выраженіе перваго элемента, изобразивъ этого сатира въ лучезарной коронѣ, или потому, что ее обыкновенно надѣвали при этомъ торжествѣ, или потому, что онъ смотрѣлъ на это украшеніе, какъ на принадлежность вообще всѣхъ обрядовъ богопочитанія ²⁾.

Чаще всего мы встрѣчаемъ лучезарную корону на двухъ

мечъ, а не искомая статуя. Но такъ какъ сказаніе, сохраненное Гигиномъ: Fab. 80, говоритъ, что Феба была жрицею Аѳины, а Артемидѣ служила въ такомъ званіи Гилейра, то естественно рождается мысль, что Діоскуры являются здѣсь для похищенія послѣдней изъ храма богини. И согласно съ этимъ предположеніемъ можно также думать, что зубчатое украшеніе на лбу обоихъ юношей, отличающееся формою, о которой было говорено выше стр. 140 прим. 1, служить здѣсь для указанія на свѣтила небесныя.

1) Обо всемъ этомъ обычаѣ древняго искусства я подробно изложилъ въ Bull. hist.-phil. T. XII. стр. 259 сл. = Mél. gréco-rom. T. I. стр. 525 сл.

2) Такимъ-же характеромъ отличается картина на другой сторонѣ вазы, въ смѣшномъ видѣ представляющая Σκιάδφορία (ношеніе зонтика). Въ ней изображенъ сатиръ, который несетъ зонтикъ, сильно прижавъ его къ лицу какой-то женской фигуры, и для большаго комизма художникъ надѣлъ на этого сатира головной нарядъ, въ видѣ модіуса (четверикъ), о которомъ было говорено на стр. 136 и который даваемъ былъ большей части богинь. Замѣна же обыкновенныхъ зубовъ листьями въ этомъ случаѣ не составляетъ существенной разницы.

дѣвушкахъ, въ высоко подобраномъ нижнемъ платьѣ, исполняющихъ священную пляску, которая, кажется, соединялась съ особенными быстрыми движеніями рукъ и плечъ. Что зубцы коронъ, находящихся на нихъ большею частью (однако не всегда, напр. въ изображеніи подъ № 21, они почти совершенно прямые) болѣе или менѣе являются согнутыми, это нисколько не вредитъ назначенію ихъ изображать лучи. Такъ и при лучезарныхъ коронахъ царей и императоровъ лучи, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, представляются въ такомъ-же видѣ, напр. на Птолемеевыхъ золотыхъ монетахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Въ двухъ изображеніяхъ, впрочемъ совершенно подобныхъ означенному¹⁾, мы находимъ головной нарядъ въ видѣ плетеной карзины, и, конечно, художникъ имѣлъ здѣсь въ виду не лучезарную корону, но головной нарядъ спартанскихъ дѣвицъ²⁾, извѣстный подъ именемъ *σάλλα*. Наконецъ должно прибавить, что въ другихъ произведеніяхъ танцовщицы, совершенно подобныя разсматриваемымъ, встрѣчаются также и безъ всякаго головнаго украшенія³⁾.

По изображеніямъ подъ № 14. 15. 16. 23. нельзя рѣшить, въ честь какого божества происходитъ пляска. Въ произведеніяхъ же подъ № 13. 19. 22. 24. 25. изображеніе Аѣины, находящейся среди пляшущихъ, показываетъ, что пляска происходитъ въ честь этой богини. Но на монетѣ подъ № 27, та-

1) Мраморная доска въ виллѣ Альбани, срисованная у Цоэги: Bassirilievi Tav. 21. Visconti: Mus. Pio-Clem. T. III. Tav. agg. B, 2. Platner: Beschreib. Roms Th. III, 2. стр. 525. Krause: Hellenica Th. I, 2. Taf. 22. № 85. Candelaber-Basis въ Луврѣ, срисованный у Lamberti: Scult. della Villa Pinc. Stanza IV. Tav. 22. 23. Bouillon: Musée des ant. T. III. Pl. 70. Clarac: Musée des sculpt. Pl. 167. 168. Müller: Denkm. Th. II. № 188.

2) Nesychios: Σάλλα πλέγμα καλὰ δὲ ὁμοίον, δ' ἐπὶ τῆς καφαλῆς φοροῦσιν αἱ Λακωναίαι.

3) Напр. у Винкельмана: Pierr. gr. du feu Stosch. стр. 338. № 123. Stosch. Abdr. III, 123. Однако къ этому разряду, можетъ быть, слѣдуетъ отнести танцовщицу, изображенную въ грубой стѣнной картинѣ, снимокъ съ которой находится въ Bull. Napol. Nuova Ser. T. II. Tav. 14. Зданіе, которое представлено въ серединѣ картины и которое можно принять какъ за могилу, такъ и за храмъ, показываетъ, что пляска совершается здѣсь, какъ обрядъ, и вѣроятно только по необдуманности художника соединилъ прямые острія головнаго наряда поперечною чертою, и такимъ образомъ отнялъ отъ нихъ форму лучей. Еще далѣе конечно пошелъ вазный живописецъ, произведеніе котораго срисовано у Минервини на той же самой таблицѣ.

кимъ божествомъ, безъ сомнѣнія, представленъ Аполлонъ, такъ какъ извѣстно, что этотъ богъ, какъ показываютъ въ особенностяхъ монетные типы, пользовался въ Абдерахъ преимущественной почестью¹⁾. И что изображеніе на рассматриваемой монетѣ принадлежитъ къ разряду обыкновенныхъ абдерскихъ монетныхъ типовъ, это подтверждается грифомъ, представленномъ на другой ея сторонѣ. Канделябровыя подставки подъ № 17. 18., на которыхъ изображено по двѣ такихъ танцовщицы и по одной Менадѣ, которая въ дикомъ изступленіи бѣжитъ предъ ними, доказываютъ, что такая пляска и въ такомъ-же костюмѣ происходила и при обрядахъ въ честь Діониса. Но это объясняется еще болѣе изображеніемъ на канделябровой подставкѣ подъ № 21, которое представляетъ даже Агаву въ костюмѣ этихъ танцовщицъ. На одной сторонѣ этой подставки изображена также Менада, которая быстро бѣжитъ впередъ и бьетъ въ тимпанъ; на другой, предъ жертвенникомъ, на которомъ уже высоко подымается огонь, представленъ Сатиръ съ блюдомъ плодовъ и убитымъ зайцемъ, на третьей сторонѣ является Агава: она въ вакхическомъ изступленіи предъ жертвенникомъ Діониса исполняетъ пляску, какую мы видѣли выше, и приноситъ въ жертву божеству голову своего сына, нисколько того не подозревая²⁾. А согласно съ этимъ можно предположить, что и танцовщица, изображенная на сердоликѣ подъ № 26, имѣетъ отношеніе къ какому-либо вакхическому празднеству. Въ одной рукѣ она держитъ факелъ, а въ другой, какъ кажется, змѣю: то и другое составляетъ обыкновенные атрибуты Менадъ. И наконецъ теперь понятно будетъ, почему я причислилъ сюда картины на вазахъ подъ № 2 и 10. Такъ какъ въ этихъ картинахъ являются не танцовщицы въ высокоподобранномъ нижнемъ платьѣ, но бѣгущія Менады въ длин-

1) См. С. Fr. Hermann: Gesammelte Abhandl. стр. 98.

2) Безъ сомнѣнія не случайно то обстоятельство, что головѣ Пентея въ рукѣ Агавы прямо соответствуетъ заяцъ въ рукѣ Сатира. Однако здѣсь трудно допустить обыкновенное отношеніе между Сатиромъ и зайцемъ. Для объясненія даннаго случая, служатъ слова Эскила:

Еат. 24 сл.

Βρόμιος δ' ἔχει τὸν χῳρον, οὐδ' ἀμνημονῶ,
ἐξ οὗγε Βάκχαις ἐστρατήγησεν θεός,
λαῶν δίκην Πένθει καταρῥάσας μύρον.

ныхъ платьяхъ, и мы уже прежде (смотри стр. 64), встрѣчали Менадъ, украшенныхъ нимбомъ; то можно предположить, что лучезарная короѳа здѣсь, подобно какъ при богахъ и герояхъ, служить замѣною нимба. Впрочемъ доказываемое употребленіе лучезарной короны для участниковъ въ вакхическомъ празднествѣ позволяетъ также допустить, что здѣсь она перенесена на Менадъ непосредственно отъ этихъ участниковъ.

Танцовщицы, о которыхъ мы сейчасъ говорили, составляли для изслѣдователей предметъ неоднократнаго спора. Считая весьма важнымъ въ особенности вопросъ о веществѣ, изъ котораго дѣлались ихъ короны, одни допускаютъ пальмовыя листья, другіе — тростникъ, наконецъ нѣкоторые указываютъ на ивовыя листья или на золотыя листья. Я думаю, что онѣ могли быть сдѣланы какъ изъ веществъ поименованныхъ, такъ и изъ чего-либо другаго, и увѣренъ, что для насъ неважно, будемъ ли мы знать это, или нѣтъ. Но по моему мнѣнію слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, какое значеніе соединилось съ этими коронами при обрядахъ богочитанія, а этого вопроса до сихъ поръ еще никто не коснулся. Кромѣ того Висконти, О. Миллеръ, Кларакъ и нѣкоторые другіе ученые думали, что всѣхъ этихъ танцовщицъ безъ исключенія должно считать Спартакками; напротивъ Цозга видѣлъ въ нихъ вообще служительницъ при жертвоприношеніяхъ, а Велькеръ старался еще точнѣе опредѣлить ихъ названіемъ служительницъ при жертвахъ Афродитѣ.

Ученые, считавшіе этихъ танцовщицъ Спартакками, основывали свое мнѣніе на томъ, что у нихъ высоко подобрано платье и что въ выше упомянутыхъ (см. выше стр. 150) изображеніяхъ лучезарная корона, очевидно, замѣнена извѣстнымъ головнымъ нарядомъ. Однако послѣднее доказательство должно простираться не далѣе того, что доставляется для объясненія этимъ головнымъ нарядомъ. Даже безъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ можно предполагать, что и дѣвицы другихъ странъ для большей свободы въ движеніяхъ въ столь уважительномъ случаѣ, какъ священная пляска, не стыдились подбирать свое платье выше, чѣмъ въ обыкновенное время; а изображенія подъ № 21 и 27 положительно доказываютъ, что такой ко-

стюмъ при священной пляскѣ былъ въ употребленіи и въ другихъ мѣстахъ; такъ какъ въ Абдеры, конечно, не вызывали для этой цѣли только Спартанокъ, и никому изъ художниковъ не могло придти на мысль изобразить Агаву въ исключительно спартанскомъ костюмѣ.

Поэзга, по собственному его признанію, дошелъ до своего убѣжденія въ слѣдствіе того, что высоко подобранное платье казалось ему неприличнымъ для другихъ дѣвицъ, кромѣ служительницъ при жертвоприношеніяхъ, что лучезарная корона слишкомъ отзывалась ему иностраннымъ вліяніемъ, а тѣлодвиженія — заученою искусственностью. Но всѣ эти доводы не имѣютъ объективнаго значенія, а принадлежатъ къ личнымъ воззрѣніямъ, совершенно опровергаемымъ выше указанными фактами. Поэтому достаточно только прибавить, что царская дочь, Агава, конечно, не одѣлась бы подобно служительницѣ при жертвоприношеніяхъ и что древнее искусство изображало въ этомъ видѣ многихъ богинь, въ которыхъ не было недостатка въ любви къ благоприличію, именно: не только, какъ всѣмъ извѣстно, Артемиду, Гекату и Фурій, но и богиню победы и Ириду¹⁾, умалчивая объ Амазонкахъ и другихъ изображеніяхъ въ родѣ арабесковъ. Мнѣніе Велькера, видѣвшаго въ означенныхъ танцовщицахъ служительницъ при жертвахъ Афродиты, лишено всякаго основанія²⁾, и особенно поразительно его увѣреніе, что если не будетъ принято его мнѣніе, то «объясненіе памятниковъ всегда будетъ оставаться безъ методы и безъ правилъ». Филостратъ³⁾ описываетъ одну картину, которая представляла пляску дѣвицъ въ честь Афродиты, но вовсе не говоритъ, что эти дѣвицы были служительницы при жертвахъ въ честь Афродиты, и не упоминаетъ о характеристическихъ ихъ признакахъ: о лучезарной коронѣ и высоко подобранномъ платьѣ. Даже и послѣдній изъ этихъ признаковъ Велькеру нисколько не удалось указать въ словахъ Фило-

1) Stephani: Der ausruhende Herakles стр. 257. Mon. Ined. pubbl. dall' Inst. arch. T. II. Tav. 81. Minervini: Mem. dell' Accadem. Ercolan. T. VI. стр. 334.

2) Alte Denkm. Th. II. стр. 147.

3) Imag. II, 1.

страта посредствомъ произвольнаго ихъ толкованія. Что же касается до пылающихъ жертвенниковъ и плодовъ (хотя ясно представлена только сосновая шишка, о которой Велькеръ совершенно умалчиваетъ, видя въ прочихъ плодахъ безъ всякаго основанія яблоки), равно и являющагося въ изображеніи подъ № 14 растенія, которое, какъ уже замѣтилъ Цоэга, нельзя опредѣлить точнѣе (и только Велькеръ принимаетъ за лилію), то нѣтъ нужды доказывать, что эти предметы одинаково употребительны во многихъ другихъ обрядахъ, какъ и при алтарѣ Афродиты.

Нельзя съ достовѣрностью сказать, кто изъ независимыхъ владѣтелей первый употребилъ лучезарную корону для нагляднаго выраженія своего происхожденія отъ боговъ, такъ-какъ многія изъ монетъ, важныхъ для рѣшенія этого вопроса, не могутъ быть опредѣлены съ надлежащею точностію. Отъ Птолемея до насъ дошли большія, уже отличающіяся хорошою отдѣлкою монеты двоякаго рода; онѣ представляютъ грудное изображеніе какого-то царя въ лучезарной коронѣ. Очертаніе лица на этихъ монетахъ совершенно одинаково; но въ формѣ коронъ замѣтно нѣкоторое различіе, и кромѣ того на однихъ монетахъ съ лицевой стороны царь изображается съ згидою на груди и съ трезубцемъ на плечѣ, а съ обратной стороны представляется рогъ изобилія, украшенный лучезарнымъ вѣнцомъ¹⁾; на другихъ же вмѣсто трезубца является копье, згида замѣняется хламидою, а на обратной сторонѣ къ рогу изобилія, украшенному лучезарнымъ вѣнцомъ, прибавлены двѣ звѣзды²⁾. Монеты перваго разряда обыкновенно приписывались прежде Птолемею VIII, а теперь приписываются Птолемею III; монеты же втораго разряда обыкновенно относятся къ Птолемею V. Нельзя сказать, какое изъ этихъ и другихъ возможныхъ пред-

1) Mionnet: Descr. T. VI. стр. 27. № 212. 213. Suppl. T. IX. стр. 16. № 81. 82. Къ рогу изобилія на всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ экземплярахъ прибавленъ знакъ Δ . Кромѣ двухъ экземпляровъ этого рода Императорскій эрмитажъ обладаетъ еще третьимъ, на которомъ вмѣсто этого знака, встрѣчаются два другихъ: Ω и Ξ .

2) Mionnet: Descr. T. VI. стр. 21. № 168. На оборотной сторонѣ мы находимъ также другую монограмму.

положеній будетъ ближе къ истинѣ. Но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что тѣ и другія принадлежать одному и тому-же царю; такъ какъ на этихъ монетахъ, отличающихся своею величиною и почти во всѣхъ экземплярахъ отлично сохранившихся, очертаніе лица не представляетъ никакого различія, а рѣшеніе этого вопроса, конечно, главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ послѣдняго обстоятельства. Но одинъ и тотъ же царь, безъ сомнѣнія, при различныхъ случаяхъ могъ сдѣлать измѣненія въ своей коронѣ и присвоить себѣ различные атрибуты. Кромѣ того рогъ изобилія, украшенный лучезарнымъ вѣнцомъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ болѣе не встрѣчается, и такимъ образомъ указываетъ на принадлежность этихъ монетъ одному и тому-же лицу. Для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, кого изъ Птоломеевъ должно понимать при этомъ, я, за недостаткомъ лучшихъ доводовъ, намѣренъ обратить вниманіе на крайней мѣрѣ на слѣдующее обстоятельство. По моему мнѣнію, рогъ изобилія, въ слѣдствіе прибавленія къ нему лучезарнаго вѣнца и звѣздъ на монетахъ втораго разряда, является почти несомнѣннымъ символомъ солнца ¹⁾. А согласно съ этимъ кажется вѣроятнымъ, что и лучезарная корона служитъ здѣсь не для выраженія божественнаго сіянія, но для указанія на блескъ, исключительно принадлежащій солнцу. И этому предположенію не противорѣчатъ прочіе атрибуты, относящіеся къ Аѳинѣ, Посидону и Аресу, какъ доказывается уже соединеніемъ эгиды съ трезубцемъ, если умолчать даже о прочемъ. А такъ какъ извѣстно, что сестра Птолемея VIII называлась Селеною, то у него легко могло родиться желаніе видѣть себя въ изображеніи Геліоса: единственное, хотя слабое основаніе предполагать, что означенныя монеты принадлежать этому царю. Напротивъ того, если всѣ эти монеты или часть ихъ должны быть отнесены къ Птолемею III, то онъ былъ бы первымъ изъ этихъ царей, который пользовался лучезарною короною; если же справедливо предположеніе выраженное выше, то Птоломеевъ предупредили въ этомъ какъ Македонскіе, такъ и Сирійскіе цари.

1) Рогъ изобилія, какъ извѣстно, и въ другихъ случаяхъ является обыкновеннымъ атрибутомъ, солнца. См. Wieseler: *Phaethon* стр. 32. Gori: *Thea. gemm. astrif.* T. I. Tab. 45. и в. стр. 58.

Отъ Македонскихъ царей до насъ дошли бронзовыя монеты¹⁾ съ груднымъ изображеніемъ какого-то царя въ лучезарной коронѣ, которыя прежде приписываемы были Андриксу, а теперь съ ббльшимъ вѣроятіемъ приписываются Филиппу V.

Изъ Сирійскихъ царей Антиохъ IV былъ первый, который, присвоивъ себѣ имя Θεός Ἐπιφανής, сталъ употреблять лучезарную корону²⁾. Ему послѣдовали въ этомъ Александръ I Θεопаторъ Евергетъ³⁾, Антиохъ VI Діонисъ Епифанъ⁴⁾, Александръ II⁵⁾, Антиохъ VIII Епифанъ⁶⁾ и Димитрій III Θεός Φιλοπάτωρ Σωτήρ⁷⁾.

Отъ этихъ наслѣдниковъ Александра Великаго лучезарная корона перешла въ Римъ въ то время, когда республиканское правленіе смѣнилось монархіею. Уже Цезарь, какъ свидѣтельствуя Флоръ⁸⁾ и Діонъ Кассій⁹⁾, по народному опредѣленію, получилъ право быть въ театрѣ въ золотой лучезарной коронѣ. Августъ, который, сколько возможно было, отклонялъ отъ себя всѣ подобныя почести, очевидно, не пользовался этимъ украшеніемъ во время своей жизни, а потому мы встрѣчаемъ его въ лучезарной коронѣ только на многочисленныхъ монетахъ и рѣзныхъ камняхъ, которые явились въ свѣтъ съ его изображеніемъ уже послѣ его смерти и обоготворенія. Но

1) Mionnet: Descr. T. I. стр. 590. № 952 — 958. Suppl. T. III. стр. 260.

2) Mionnet: Descr. T. V. стр. 33 сл. № 296. 297. 299. 300. 302. 311. 314 — 337. 339. 340. 344. 346 — 352. 357. 358. стр. 215 сл. № 517 — 521. Suppl. T. VIII. стр. 27 сл. № 141 — 148. 150. 154 — 161. стр. 148. № 130 — 133.

3) Mionnet: Descr. T. V. стр. 49. № 431. 432. 480. Suppl. T. VIII. стр. 39. № 200. 213.

4) Mionnet: Descr. T. V. стр. 68. № 588 — 621. Suppl. T. VIII. стр. 51. № 264. 265. 267 — 273.

5) Mionnet: Descr. T. V. стр. 82. № 724 — 731. Suppl. T. VIII. стр. 60. № 312. 318. 319.

6) Mionnet: Descr. T. V. стр. 86. № 759 — 768. 797 — 808. 815 — 817. 820 — 825. 833. Suppl. T. VIII. стр. 66. № 337 — 340. 345.

7) Mionnet: Descr. T. V. стр. 105. № 924 — 927.

8) Epitome IV, 2, 91. «Itaque non ingratis civibus omnes unum in principem congesti honores: circa templa imagines, in theatro distincta radiis corona, suggestus in curia, fastigium in domo, mensis in coelo».

9) Rer. Roman. Lib. XLIV, 6. Καὶ ἐπειδὴ καὶ τούτοις ἤρσκειτο, οὕτω δὲ ἔτε τὰ θέατρα τὸν τε δίφρον αὐτοῦ τὸν ἐπίχρυσον καὶ τὸν στέφανον τὸν διάλιθον καὶ δάχρυσον, ἐξ ἰσοῦ τοῖς τῶν θεῶν, ἐσκομίζεσθαι καὶ ταῖς ἐκποδρομίαις ὁδὸν ἐσάγεσθαι ἐψηφίσαντο.

сказаніе, сохраненное для насъ Светоніемъ ¹⁾ о снѣ, видѣнномъ отцомъ Августа, показываетъ, какъ уже въ его время вообще смотрѣли Римляне на это украшеніе.

Первый римскій императоръ, который уже при жизни своей приказалъ изобразить себя на монетахъ въ лучезарной коронѣ, былъ Неронъ ²⁾. Однако онъ не нашелъ послѣдователей себѣ въ этомъ въ ближайшихъ преемникахъ. Они не воспрещали Сенату изображать ихъ еще при жизни въ лучезарной коронѣ на мѣдныхъ монетахъ, которыя чеканились по его распоряженію ³⁾ и дозволяли дѣлать тоже самоо различнымъ греческимъ городамъ. Но они не допускали этого на римскихъ серебряныхъ и золотыхъ монетахъ, которыя выбиты были по ихъ приказанію ⁴⁾, такъ-что Плиній младшій ⁵⁾ могъ сказать о Траянѣ: «*Horum unum si praestitisset alius, illi jam dudum radiatum caput et media inter deos sedes auro staret. aut ebore, augustioribusque aris et grandioribus victimis invocaretur*», хотя нѣтъ недостатка въ мѣдныхъ римскихъ монетахъ, которыя выбиты были еще ранѣе Плиніева панегирика и которыя изображаютъ Траяна въ лучезарной коронѣ. Со времени Каракаллы, всѣ вообще императоры являются въ означенномъ украшеніи на выбитыхъ по ихъ приказанію золотыхъ и серебряныхъ монетахъ ⁶⁾, такъ-что съ этого времени они, кажется, обыкновенно пользовались этимъ украшеніемъ, и это, напр. о Галліенѣ, положительно подтверждается словами Требеллія ⁷⁾. Вскорѣ такая почестъ распространилась и на Цезарей и до того утратила свою цѣну, что во времена Балбина, Пупіена и Гордіана Цезари являются въ этомъ украшеніи даже подлѣ императоровъ, изображенныхъ въ лавровыхъ вѣнкахъ ⁸⁾. Однако мы встрѣчаемъ лучезарную корону еще при первыхъ хри-

1) Octav. 94. «*Atque etiam sequenti nocte statim videre visus est (Octavius) filium, mortali specie ampliore, cum fulmine et sceptro exuviasque Jovis Optimi Maximi ac radiata corona, supra laureatum currum, bis senis equis candore eximio trahentibus*».

2) Eckhel: Doctr. Numm. T. VI. стр. 269 сл.

3) Eckhel: Doctr. Numm. T. VI. стр. 270. T. VIII. стр. 362.

4) Eckhel: Doctr. Numm. T. VI. стр. 270. T. VIII. стр. 362.

5) Panegy. 52.

6) Eckhel: Doctr. Numm. T. VI. стр. 270. T. VIII. стр. 362.

7) Vita Gallieni гл. 16. «*Crinibus suis auri scobem aspersit; radiatus saepe processit*».

8) Eckhel: Doctr. Numm. T. VIII. стр. 362.

стіанських імператорів¹⁾, хоча при них вона вскорі була совершенно отстранена другими знаками імператорського достоинства. Въ середній вѣка и особливо въ новомъ и новѣйшемъ искусствѣ этому атрибуту дано было обширне примѣненіе, хотя, или лучше сказать, потому что уже забыто было его истинное значеніе. Безъ сомнѣнія, весьма важно бы было для исторіи чело-вѣческой мысли точнѣе прослѣдити путь, по которому искусство шло въ это время при употребленіи означеннаго украшенія. Однако рѣшеніе этой задачи, сколько-нибудь удовлетвори-тельное, увлекло бы насъ далеко отъ предположенной цѣли, а отдѣльные факты безъ связи въ цѣлымъ болѣе запутываютъ дѣло, чѣмъ объясняютъ. Замѣтимъ въ особенности только то, что за исключеніемъ наслѣдниковъ Александра Великаго, кото-рые были упомянуты выше и которые начали употреблять лу-чезарную корону, почти никто изъ древнихъ многочисленныхъ азіатскихъ государей, украшавшихъ впрочемъ себя разнообраз-ными и знаменательными головными нарядами, не позволялъ себѣ означеннаго украшения. Единственное исключеніе изъ это-го, сколько мнѣ извѣстно, составляетъ Вараранъ 1-й, который употребилъ лучезарную корону въ замѣнъ короны, имѣвшей видъ башни и бывшей основною формою разнообразно и богато изукрашеннаго головного наряда Сассанидовъ²⁾.

Значеніе, въ которомъ древніе государи пользовались этою короною, уже достаточно разъясняется фактами, которые мы изложили выше. Такъ большая часть прозваній, принадлежа-щихъ Сирійскимъ царямъ и вышеупомянутыя слова Діона

1) Такъ Константинъ В. у Banduri: Num. Imp. Rom. Т. II. стр. 213 и у Beger: Thez. Brand. Т. II стр. 800; Констанцій у Бандури а. а. О. Т. II. стр. 225. 227; Констанцій Мл. у Бандури тамъ-же Т. II. стр. 330. и Сатурнинъ у Бандури: тамъ-же Т. II. стр. 365.

2) Это мы находимъ на двухъ монетахъ у Longpréier: Essai sur les méd. des rois Perses de la dynastie Sassanide Pl. 3. № 7. 8 и на одномъ каменномъ рельефѣ у Coste и Flandin: Voyage en Perse Т. I. Pl. 52 и у Texier: Descript. de l'Arménie etc. Т. II. Pl. 148. Также и Вологосъ III по снимку съ одной монеты, представленному у Висконти: Iconogr. gr. Pl. 50, 14. является въ лучезарной коронѣ. Но такъ какъ этотъ атрибутъ былъ вообще совершенно чуждъ Арзакидамъ, и я не нашелъ никакого слѣда его на подобныхъ-же мо-нетахъ означеннаго царя (конечно относящихся къ различнымъ годамъ), кото-рая я имѣлъ возможность разсматривать въ оригиналахъ, то я почти не сомнѣваюсь, что лучезарная корона явилась въ томъ случаѣ въ слѣдствіе не-доразумѣнія рисовальщика.

Кассія и Плинія несомнѣнно показываютъ, что она служила для выраженія блеска, свойственнаго всякому божеству, съ тѣмъ чтобы украшенные ею казались подобными самимъ богамъ. Съ такою-же ясностію говорятъ объ этомъ Луканъ¹⁾ и Мамертинъ²⁾; неизвѣстно только, говорятъ ли эти писатели о самой лучезарной коронѣ, или, подобно Плутарху³⁾, о художественномъ изображеніи императоровъ въ лучезарномъ вѣнцѣ или нимбѣ. Съ значеніемъ Діонисова атрибута она является на Антиохѣ VI, съ значеніемъ же Зевсова атрибута она объясняется въ упомянутомъ сказаніи объ Августѣ, а въ другихъ случаяхъ она назначена была къ тому, чтобы лицо, украшенное ею, казалось подобнымъ Геліосу. Последнее ея значеніе мы старались показать на нѣкоторыхъ золотыхъ монетахъ Птолемеевъ. Еще очевиднѣе оно въ слѣдующемъ случаѣ, гдѣ грудное изображеніе Юліи Домны, украшенное полумѣсяцемъ, противопоставляется грудному изображенію Септімія Севера⁴⁾ въ лучезарной коронѣ, или подобнымъ-же образомъ противопоставляются изображенія Саллюстія Барбін Орбіаны и Александра Севера⁵⁾, и такое значеніе приписывается ей Виргиліемъ⁶⁾.

1) Pharsal. VII, 497 сл.

*Bella pares superis facient civilia divos,
Fulminibus manes, radiisque ornabit et astris,
Inque deum templis jurabit Roma per umbras.*

2) Panegy. Maximin. 8. «*Trabene vestrae triumphales et fasces consulares et sellae curules et haec obsequiorum stipatio et fulgor et illa lux divinum verticem claro orbe complectens vestrorum sunt ornamenta meritorum*»,

3) Ad princip. inerud. 8. Οἷον δὲ ἥλιον ἐν οὐρανῷ περιχαλλῆς εἰδῶλον ἑαυτοῦ καὶ σελήνην ὁ θεὸς ἐνίδρουσε, τοιοῦτον ἐν πύλαις μίμημα καὶ φέγγος ἄρχων,

ὅσατε θεοῦδῃς
εὐδικίας ἀνέχῃσι·

тотѣсти θεοῦ λόγον ἔχων διάνοιαν, ὃν σκῆπτρον, οὐδὲ κεραυνόν, οὐδὲ τρίαιναν, ὡς ἔνιοι πλαττοῦσιν ἑαυτοῦς καὶ γράφουσι, τῷ ἀνεφίκτῳ ποιούντες ἐπίφθονον τὸ ἀνόνητον. νεμεσᾷ γὰρ ὁ θεὸς τοῖς ἀπομιμουμένοις βροντὰς καὶ κεραυνοὺς καὶ ἀκτινοβολίας.

4) Eckhel: Doctr. Numm. T. VII. стр. 181.

5) Gessner: Num. Imp. Tab. 263. № 23.

6) Aen. XII, 161 сл.

*Interea reges, ingenti mole Latinus
Quindrigiugo vehitur curru, cui tempora circum
Aurati bis sex radii fulgentia cingunt,
Solis avi specimen.*

По своему происхожденію, какъ и по своему обыкновенному употребленію въ дѣйствительной жизни, лучезарная корона была замѣною нимба и лучезарнаго вѣнца, которые искусство присвоило своимъ произведеніямъ; она служила вѣшнымъ знакомъ, который въ обыкновенной жизни долженъ былъ выражать тѣже представленія, которыя соединялись съ этими двумя атрибутами въ искусствѣ, непримѣнимыми къ дѣйствительной жизни. Поэтому и употребленіе ея въ художественныхъ произведеніяхъ ограничилось только изображеніями людей и сценъ изъ дѣйствительной жизни; при представленіяхъ же боговъ и героев сначала допускались только нимбъ и лучезарный вѣнецъ.

Однако, утвердившись въ дѣйствительной жизни, лучезарная корона вскорѣ стала встрѣчаться и при изображеніяхъ боговъ и героев, сначала, около времени Августа, не такъ часто, а потомъ все чаще и чаще. Ближайшій поводъ къ тому, конечно находился въ томъ, что этотъ атрибутъ былъ равнозначителенъ съ двумя другими, и что искусство совершенно освоилось съ ними при частомъ изображеніи людей и сценъ изъ дѣйствительной жизни. Но безъ сомнѣнія, къ этому присоединялась еще особенная причина. Всѣмъ извѣстно, какъ много у древнихъ было божествъ, съ которыми нераздѣльно было понятіе о царской власти и достоинствѣ, которое и выразилось въ эпитетахъ и атрибутахъ. А такъ какъ лучезарная корона въ дѣйствительной жизни, подлѣ обрядовъ богопочитанія, служила для нагляднаго указанія на божеское происхожденіе царей; то искусство, кажется, поступило на оборотъ, начавъ употребить ее, подобно другимъ атрибутамъ, для выраженія царскаго достоинства боговъ. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ произведеній, относящихся къ дѣлу, объяснить это болѣе. Я упомяну здѣсь о такихъ произведеніяхъ, хотя и долженъ опасаться, что этотъ перечень не такъ полонъ, какъ прочіе ¹⁾).

Зевсъ.

На мѣдныхъ монетахъ греко-индійскаго царя Гермэя. Wil-

1) Относительно правилъ, которыя лежатъ въ основаніи различенія подобныхъ, болѣе или менѣе близко подходящихъ формъ къ лучезарной коронѣ, отсылаю къ сказанному на стр. 140.

son: *Ariana antiqua* Pl. 5. № 4. 5. 6. Lenormant: *Trésor de numism. Rois grecs* Pl. 76, 11. Lassen: *Indische Alterthumskunde* Th. II. стр. 337.

Уранъ или Эеиръ.

На саркофагѣ въ Амальфи. Camera: *Storia di Amalfi* Tav. 3. Gerhard: *Uned. Bildw. Taf.* 118. Jahn: *Sitzungsb. der kön. sächs. Ges. der Wiss.* 1849. стр. 63. Wieseler: *Phaëthon* стр. 47.

Гадесъ.

Въ стѣнной картинѣ, на одной гробницѣ при Вульчи. Mon. Ined. pubbl. dall' *Inst. arch.* T. II. Tav. 53. Wieseler: *Denkm. Th. II.* № 855. Конечно здѣсь можно видѣть Зевса, однако гораздо основательнѣе думать объ Гадесѣ, такъ какъ картина находится на гробницѣ²⁾.

Діонисъ.

1. Въ изображеніи на вазѣ, находившейся прежде въ собраніи въ *Caro di Monte*. Millin: *Peint. de vas.* T. I. Pl. 50. Gerhard: *Uned. Bildw. Taf.* 313. № 1.

2. Въ изображеніи на вазѣ въ Гамильтоновомъ собраніи. Tischbein: *Engravings* T. II. Pl. 43. Millin: *Gal. Myth.* Pl. 57. № 258. Inghirami: *Vasi fittili* Tav. 48. Guigniaut: *Rel. de l'ant.* Pl. 114. № 469. Creuzer: *Symbol. Th.* IV. Heft. 1. Taf. 9. Wieseler: *Denkm. Th. II.* № 365.

Аполлонъ.

1. Кларійскій Аполлонъ, на мѣдной монетѣ, выбитой въ Колофонѣ, въ царствованіе Траяна. Sestini: *Lettere* T. VIII. стр. 56, 2. Mionnet: *Descr.* T. III. стр. 77. № 122. Suppl. T. VI. 100. № 133. Streber: *Abhandl. der kön. bayr. Akad. der Wiss.* 1835. Th. I. Taf. 3, 9. Panofka: *Einfl. der Gotth. auf die Ortsn.* Taf. 3, 18.

2. На мѣдной монетѣ, съ груднымъ изображеніемъ Юліи Мам-

2) Головной нарядъ этого бога на одной знаменитой вазѣ (Mon. pubbl. dall' *Inst. arch.* T. II. Tav. 49. *Arch. Zeit.* 1843. Taf. 11. Milman: *Hor. Op.* стр. 364), имѣя нѣкоторое сходство съ лучезарною короною, кажется однако богѣе вѣнкомъ изъ листьевъ.

мен, выбитой въ Магнезіи при Меандрѣ. Haum: Thes. Britann. T. II. Tab. 43. Mionnet: Descr. T. III. стр. 153. № 674.

3. На мѣдной монетѣ Юліана Отступника. Du Cange: Familiae Byzantinae стр. 39. № 21. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 235. № 21. ¹⁾).

Геліосъ.

На позднѣйшихъ монетахъ, въ особенности римскихъ, Геліосъ чаще встрѣчается въ лучезарной коронѣ, чѣмъ въ лучезарномъ вѣнцѣ: переименовать почти безчисленные изображенія этого рода было бы здѣсь излишнею и неудобноисполнимою попыткой. Рѣже онъ встрѣчается съ такимъ украшеніемъ въ прочихъ произведеніяхъ искусства, однако нѣтъ недостатка въ примѣрахъ. Я укажу на одно этруское зеркало ²⁾, на два мраморныхъ рельефа ³⁾ и на нѣкоторые рѣзные камни ⁴⁾.

Діоскуры

1. На камнѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Шинкелю. Chiflet: Abraxas Tab. 15. № 62. Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 156. Lamu: Cabinet de pierr. gr. Pl. 211. № 407.

2. На агатѣ, принадлежавшемъ нѣкогда эрцъ-герцогу Леопольду Вильгельму. Chiflet: Abrax. Tab. 28. № 120. Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 160. Lamu: Cabinet de pierr. gr. Pl. 229. № 475.

Что обѣ относящіяся къ дѣлу фигуры на камнѣхъ подъ № 1.

1) Вѣроятно, и монета, снимокъ съ которой находится у Brøndsted: Voyage en Grèce T. I. стр. 86. № 2. Guignaut: Rel. de l'ant. Pl. 171 bis № 628, представляетъ Аполлона. Аристей же, къ которому относили это изображеніе, является обыкновенно съ бородой. Также и лучезарная корона была бы на немъ неумѣстна.

2) Inghirami: Gall. Omer. T. II. Tav. 141. Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 196.

3) Саркофагъ виллы Боргезе, срисованный у Winckelmann: Mon. Ined. № 49. Millin: Gal. Myth. Pl. 27. № 83. Guignaut: Rel. de l'ant. Pl. 85. № 305. Platner: Besch. Roms. Th. III, 3. стр. 227; рельефъ, находящійся въ Неаполитанскомъ музеѣ, срисованный у Lajard: Recherches sur Mithra Pl. 83.

4) Напр. у Gori: Thes. gemm. astrif. T. I. Tab. 30. 45. Capello: Prodrom. № 71. = Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 162. Также и на рѣзныхъ камняхъ гностиковъ у Chiflet: Abraxas Tab. 19. № 77. 78. = Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 169. = Lamu: Cabinet de pierr. gr. Pl. 217 и на ониксѣ у Chiflet: Abraxas Tab. 11. № 42. = Montfaucon: Ant. Expl. T. II. Pl. 159. = Lamu: Cabinet de pierr. gr. Pl. 203, 375, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ видѣть боговъ солнца, хотя и трудно съ достовѣрностью означить каждого опредѣленнымъ именемъ.

изображаютъ Діоскуровъ или Кабировъ, въ томъ едвали можно сомнѣваться, въ особенности при сравненіи съ изображеніемъ на одномъ сардониксѣ ¹⁾, выражающемъ почти одинаковое представленіе этихъ божествъ. Этотъ сардониксъ принадлежалъ нѣкогда эрцъ-герцогу Леопольду Вильгельму, стеклянный же отливкоъ, хранящійся теперь въ Берлинскомъ собраніи, есть, безъ сомнѣнія, позднѣйшее ему подражаніе ²⁾. Но въ слѣдствіе этого сравненія вѣроятнымъ дѣлается предположеніе о такомъ-же значеніи фигуръ на агатѣ подъ № 2, которыя очевидно принадлежатъ къ той-же области позднѣйшихъ гностическихъ представленій.

Э р о т ъ.

На ониксѣ. Chiflet: Abraxas Tab. 1. № 2. Gorlaeus: Dactyl. № 328. Montfaucon: Antiq. Expl. T. II. Pl. 157. Lamy: Cabinet de pierr. gr. Pl. 192. № 328. Kopp: Palaeogr. Crit. T. III. стр. 556.

Что это изображеніе представляетъ Эрота, то подтверждается многими другими произведеніями искусства, въ которыхъ Эротъ представляется на конѣ ³⁾. Однако имя Іао, находящееся при этомъ изображеніи, показываетъ, что художникъ соединилъ въ своемъ произведеніи понятіе о греческомъ Эротѣ, съ понятіемъ объ этомъ древне-финикійскомъ богѣ солнца ⁴⁾.

П е л о п с ъ.

На вазѣ, въ Берлинскомъ собраніи. Gerhard: Trinkschalen und Gefässe Taf. 22. Что здѣсь должно видѣть не Гани-

1) Chiflet: Abraxas Tab. 11. № 45. Lamy: Cabinet de pierr. gr. Pl. 209. № 396.

2) Winckelmann: Descr. de pierr. gr. du feu Stosch стр. 27. № 122. Stosch. Abdr. I, 122. Tölkén: Verz. стр. 114. № 239. Gerhard: Arch. Zeit. 1849. Taf. 6, 9.

3) См. данныя мною въ Ant. du Bosph. Cimm. къ Pl. 56, 8. доказательства, къ чему я присоединяю здѣсь еще два камea, находящіеся въ русскомъ Императорскомъ собраніи AA, 2, 22 и C II, 3, 1. Можетъ быть, сюда принадлежатъ также двѣ галльскія монеты, снимокъ съ которыхъ находится въ Rev. num. 1855. Pl. 5, 4. 5.

4) Сущность этого бога, сколь возможно, подробно раскрыта Моверсомъ: Die Phönizier Th. I стр. 539 и сл. Здѣсь легко можетъ родиться мысль о четвертой формѣ этого бога, означенной въ извѣстномъ Кларіейскомъ оракулѣ подъ именемъ 'Αἰρὸς 'Ιαώ (см. Movers тамъ-же стр. 542). Однако, можетъ быть, подъ этимъ именемъ должно понимать Адониса.

меда, какъ предполагаетъ Гергардъ, но любимца Посидона, кажется несомнѣннымъ въ слѣдствіе присутствія этого бога. А въ этомъ случаѣ естественнѣе всего предположить здѣсь Пелопса.

Митрасъ.

На мѣдной монетѣ, выбитой въ тарсѣ, въ царствованіе Гордіана Пія. Vignoli: *De columna Anton.* стр. 176. Mionnet: *Suppl. T. VII.* стр. 282. № 510. Lajard: *Recherches sur Mithra Pl 102.* № 13.

Мао.

На монетѣ индо-скинскаго царя Канэрки. Wilson: *Ariana Pl. 22, 1.* Lenormant: *Trésor de num. Rois grecs Pl. 80.* № 1. Lassen: *Indische Alterth. Th. II.* стр. 837. № 4.

Аглиболосъ.

На мраморномъ рельефѣ, хранящемся въ Капитолійскомъ собраніи: Foggini: *Mus. Capit. T. IV. Tab. 18.* Montfaucon: *Ant. Expl. T. II. Pl. 179.* Mon. Ined. pubbl. dall' *Inst. arch. T. IV. Tav. 38, 6.* Platner: *Beschreib. Roms Th. III, 1.* стр. 158.

Горосъ.

На яшмѣ. Capello: *Prodromus* № 77. Montfaucon: *Ant. Expl. T. II. Pl. 158*¹⁾.

Гера.

1. На вазѣ, хранящейся въ Берлинскомъ собраніи. Gerhard: *Apulische Vasenb. Taf. C.* Overbeck: *Heroen-Gall. Taf. 10, 5.*

2. На зеркалѣ, находящемся въ Парижскомъ Нумизматическомъ кабинетѣ. *Annali dell' Inst. arch. T. V. Tav. agg. F.* Gerhard: *Etrusk. Spiegel Taf. 184.* Overbeck: *Heroen-Gall. Taf. 11, 10.* Хотя изображеніе не показываетъ ясно, что ху-

1) Совершенно неизвѣстно имя бородатой фигуры съ крыльями, украшенной лучезарною короною и находящейся на ручкѣ одного этрусскаго зеркала у Gerhard: *Etrusk. Spiegel Taf. 29. 16.* Фигура же на одномъ извѣстномъ Неаполитанскомъ сосудѣ (Mon. Ined. pubbl. dall' *Inst. arch. T. II. Tav. 81*), принятая за Тезея, по смыслу находящейся на немъ надписи украшена не лучезарною короною, какъ показываетъ снимокъ, но лавровымъ вѣнкомъ.

дожникъ дѣйствительно желалъ представить здѣсь лучезарную корону, а не какой-либо другой головной нарядъ; однако по лучамъ, которые весьма замѣтны, съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить первое, чѣмъ послѣднее.

Деметра.

На вазѣ, принадлежащей къ Берлинскому собранію. Gerhard: Etrur. und Campan. Vasenb. Taf. C. Welcker: Alte Denkm. Th. III. Taf. 23, 1.

Афина.

На зеркалѣ, находящемся въ Берлинскомъ собраніи. Braun: Tages 1839. Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 165¹⁾.

Хриза.

На вазѣ, хранящейся въ Вѣнскомъ собраніи. Uhden: Ueber ein altes Vasengemälde въ Abhandl. der Berliner Akad. 1810. стр. 63 ff. Millingen: Peint. des vas. de div. coll. Pl. 51. Laborde: Vases de Lamberg T. I. Pl. 23. Inghirami: Vasi fittili Tav. 17. Wieseler: Denkm. Th. I. № 10. Guigniaut: Rel. de l'aut. Pl. 94. № 354. Arch. Zeit. 1845. Taf. 35. См. выше, стр. 137.

Богиня побѣды.

На мѣдной монетѣ Антонина Благ. «*Victoria Augusti*». Venuti: Numism. maximi moduli T. I. Tab. 25, 1. Millin: Gal. Myth. Pl. 39. № 162. Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 96. № 373²⁾.

1) Можетъ быть, и въ грубомъ изображеніи на зеркалѣ, срисованномъ у Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 162. должно искать лучезарной короны. Однако если сравнить другія изображенія на зеркалахъ столь же грубой работы у Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 88. 169, то съ большою вѣроятностію можно предположить тамъ вѣнокъ изъ листьевъ.

2) Что богиня побѣды является на этой монетѣ въ лучезарной коронѣ, а не въ коронѣ въ видѣ стѣны, конечно, нельзя рѣшить положительно по очевидной недостоверности всѣхъ старшихъ монетныхъ снимковъ и по совершенному недостатку въ новѣйшихъ за исключеніемъ только одного, пока не будетъ снова изслѣдованъ какой-либо хорошо сохранившійся экземпляръ этой монеты. На вазѣ у Hancarville: Ant. Ftr. T. III. Pl. 36. Inghirami: Vasi fitt. Tav. 363. Laborde: Vases de Lamberg T. I. Pl. 78. Богиня побѣды, въ снимкѣ, который мы находимъ у Лабарда, ясно представляется въ вѣнкѣ изъ листьевъ, а не въ лучезарной коронѣ.

Афродита.

1. Въ изображеніи на вазѣ у Ленормана: *Elite céramogr.* T. IV. Pl. 15.

2. Въ одной Помпейской стѣнной картинѣ. *Mus. Borb.* T. XII. Tav. 32. Zahn: *Die schönsten Ornamente* Th. III. Taf. 4.

3. На смарагдѣ. Capello: *Prodromus* № 131. Montfaucon: *Ant. Expl.* T. I. Pl. 161. Сходство этого изображенія съ изображеніемъ подъ № 2. и въ особенности присоединеніе Пана, близкое отношеніе котораго къ Афродитѣ извѣстно всѣмъ¹⁾, не дозволяетъ сомнѣваться, что и здѣсь представлена та-же сая богиня.

4. На зеркалѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Брауну. Gerhard: *Etrusk. Spiegel* Taf. 161. Совершенная обнаженность разсматриваемой фигуры дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что она изображаетъ Афродиту.

5. На зеркалѣ, принадлежащемъ г. Delatouche. Micali: *Mon. Ined.* Tav. 20, 2. Gerhard: *Etrusk. Spiegel* Taf. 138.

6. На зеркалѣ, принадлежащемъ Гергарду. Gerhard: *Etrusk. Spiegel* Taf. 190. Также и относительно изображеній на двухъ послѣднихъ зеркалахъ можно предполагать, что они представляютъ Афродиту, однако нельзя доказать этого положительно²⁾.

Фортуна (Tuche).

1. Въ одной Помпейской стѣнной картинѣ. *Mus. Borbon.* T. XI. Tav. 38. *Mon. Ined. pubbl. dall' Inst. arch.* T. III. Tav. 6, c.

2. На сердоликѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Dr. Nott. *Impronte gemm. dell' Inst. arch.* II, 39. *Mon. Ined. pubbl. dall' Inst. arch.* T. III. Tav. 6, d. Gerhard: *Agathodaemon.* Taf. 4, 12. Creuzer: *Symbolik* Th. III. H. 3. Taf. 1, 2. Wieseler: *Denkm.* Th. II. № 934.

Артемида.

1. Въ одной Помпейской стѣнной картинѣ. Raoul-Ro-

1) Stephani: *Bull. hist.-phil.* T. XII. стр. 289 сл. = *Mélanges gréco-rom.* T. I. стр. 564.

2) На зеркалѣ, упомянутомъ подъ № 2 въ перечнѣ подъ именемъ: *Гера*, Афродита, очевидно, украшена не лучезарною короною, но повязкою съ остріями.

chette: *Maison du poète trag.* Pl. 14. Mon. Ined. Pl. 27. Zahn: *Neuentd. Wandgem.* Taf. 19. Mus. Borb. T. IV. Tav. 3. Gell: *Pompej.* T. II. Pl. 46. Wieseler: *Denkm. Th. I.* № 206. Panofka: *Bilder ant. Leb.* Taf. 13, 2. Overbeck: *Heroen - Gall.* Taf. 14, 7. Niccolini: *Casa di Pompei Fasc. XIV.* Tav. 4.

2. На мѣдной монетѣ изъ Кануи. Friedländer: *Die Oskischen Münzen* Taf. 2, 7.

3. На денаріи, принадлежавшемъ фамилии Гостилиевъ. Vailant: *Num. fam. Rom.* Tab. 70, 5. Gessner: *Num. fam. Rom.* Tab. 16, 62. Merelli: *Thes. fam. Rom.* T. I. стр. 200. Wiczay: *Mus. Hederv.* T. II. Arg. Tab. supp. № 5. Millin: *Gal. myth.* Pl. 45. № 158. Guigniaut: *Rel. de l' ant.* Pl. 102. № 369. Creuzer: *Symbolik Th. III.* Н. 3. Taf. 5. Riccio: *Mon. delle fam. Rom.* Tav. 22, 3. Panofka: *Weihgeschenke* Taf. 3, 5. Cohen: *Méd. consul.* Pl. 19, 3.

4. На Тоунлеевомъ ящикѣ, въ Британскомъ Музеѣ. Raoul-Rochette: *Mon. Inéd.* Pl. 58. Wieseler: *Denkm. Th. I.* № 311. Gerhard: *Etrusk. Spiegel* Taf. 15. 16¹).

Селена.

На лампѣ. Licetus: *Lucernae* стр. 194. Wieseler: *Arch. Zeit.* 1846. стр. 215. 1850. Taf. 15, 2.

Эрида (Богиня раздора).

На одномъ зеркалѣ; но неизвѣстно, гдѣ оно теперь находится. Dempster: *Etr. Reg.* T. I. Tab. 2. Lanzi: *Saggio di lingua etr.* T. I. Tab. 7, 3. стр. 165. изд. 2. Gerhard: *Etrusk. Spiegel* Taf. 164.

Скoпiя.

На вазѣ, хранящейся въ Гамильтоновомъ собраніи. Hancarville: *Ant. Etr.* T. IV. Pl. 126. Millin: *Peint. des vases* T. II. Pl. 3. *Gal. Myth.* Pl. 95. № 387*. Guigniaut: *Rel. de l'ant.* Pl. 160. № 612 а. Большая часть ученыхъ уже созналась въ томъ, что женская фигура, украшенная лучезарною ко-

1) Головной нарядъ Артемиды на херсонскихъ монетахъ (Becker: *Die Herakleot. Halbinsel* стр. 86) справедливо принять быть не за лучезарную корону, но за украшеніе въ видѣ башии.

роною, не представляет здѣсь Андромеды, какъ думалъ Милленъ; но по всему вѣроятію, какъ справедливо замѣтилъ Визелеръ¹⁾, изображаетъ олицетвореніе какой-либо мѣстности Согласившись же съ замѣчаніями о представленіи Скопіи въ древнихъ художественныхъ произведеніяхъ, сдѣланными мною въ другомъ мѣстѣ (см. выше стр. 89), мой ученый другъ, конечно, подастъ голосъ въ мою пользу, если я назову это олицетвореніе Скопіею. И поводомъ къ этому мнѣ служить не только то обстоятельство, что означенная фигура находится на вершинѣ горы, но и то, что сказаніе поставило скалы острова Серифа въ самую тѣсную связь съ изображенной сценою²⁾.

Аріадна.

Въ картинѣ на вазѣ, принадлежащей къ Неаполитанскому собранію. Millingen: Peint. des vas. de div. coll. Pl. 15. Inghirami: Vasi fitt. Tav. 138. Gerhard: Neapels ant. Bildw. стр. 306.

При одномъ взглядѣ на эту картину открывается, что всѣ надписи присоединены къ ней новѣйшимъ поддѣльвателемъ, въ чемъ я убѣдился собственнымъ изслѣдованіемъ, и что уже замѣчено было Гергардомъ, и потому непонятно, какъ Миллингенъ могъ поддаться столь очевидному обману. Итакъ если оставить эти надписи безъ вниманія, то съ наибольшимъ вѣроятіемъ можно предположить, что въ картинѣ изображены: Діонисъ и Аріадна. Съ этимъ согласуется не только изнѣженный видъ юноши съ длинными ниспадающими волосами, но и небольшой ящикъ, который несетъ другая дѣвица, и лучезарная корона, украшающая фигуру, въ которой мы видимъ Аріадну³⁾.

1) У C. Fr. Hermann: Perseus und Andromeda стр. 8.

2) Strabo: X, 487. Τραφήναι τε γὰρ ἐνταῦθα (ἐν Σερίφῳ) τὸν Περσεὶ φασί, καὶ κομιῶντα τὴν τῆς Γοργόνος κεφαλὴν, δείξαντα τοῖς Σερίφῳ ἀπολιθῶσαι πάντας τοῦτο δὲ πράξει τιμωροῦντα τῇ μητρὶ, ὅτι αὐτὴν Πολυδέκτης ὁ βασιλεὺς ἄκουσαν ἄγεσθαι προέλετο πρὸς γάμον, συμπραττόντων ἐκείνων οὕτω δ' ἐστὶ πετρώδης ἡ νῆσος, ὥστε ὑπὸ τῆς Γοργόνος τοῦτο παθεῖν αὐτὴν φασιν οἱ κομψοῦντες.

3) Главныя показанія объ этой коронѣ Аріадны находятся у Ферекида: Fragm. 106. ed. Müller: Эратоссеена: Katast. 5. Арата: Phaenom. 71. Schol. German. 70 и Гигина: Poet. Astr. II, 5. Впрочемъ для сравненія можно обратиться также къ Діодору: Bibl. IV, 61. Павзанію: Perieg. V, 19, 1. Виргилію: Georg. I, 222 вмѣстѣ съ Сервіемъ, и къ Овидію: Fast. III, 459 сл.

Талія.

На вазѣ, принадлежащей къ Гамильтонову собранію. Tischbein: Engravings T. I. Pl. 26. Müller: Denkm. Th. II. № 47. Lenormant: Elite céramogr. T. I. Pl. 16. Panofka: Zeus und Aegina Taf. 2. № 6. Dissert. della Pontif. Acc. Rom. T. II. стр. 391. Creuzer: Symb. Th. III, 2. Taf. 1. Stephani: Bull. hist.-phil. T. XII. стр. 272. = Mél. gréco-rom. T. I. стр. 544. См. выше стр. 21.

Елена.

1. На одномъ Этрусскомъ зеркалѣ. Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 207. № 3.

2. На одномъ Этрусскомъ зеркалѣ. Gori: Mus. Etrusc. T. I. Tab. 129. Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 207. № 4¹).

Значеніе лучезарной короны въ этихъ изображеніяхъ видно большею частью изъ того, уже достаточно доказаннаго обстоятельства, что она, по крайней мѣрѣ, первоначально служила только для замѣны нимба или лучезарнаго вѣнца.

По этому при изображеніяхъ Геліуса, Селены, Діоскуровъ, Эрота—Іао, Митры, Мао, Аглиболоса и Гороса и можетъ быть, Аполлона и Артемиды²), должно въ ней искать ближайшаго указанія на блескъ, свойственный свѣтиламъ небеснымъ, не отвер

1) Фигура, принятая Гергардомъ: Schmückung der Helena 1844. Etrusk. Spiegel Taf. 212 (срав. также Panofka: Malachisch Taf. 1. № 1.) на другомъ зеркалѣ за Елену, ясно представлена не въ лучезарной коронѣ, а въ обыкновенной женской повязкѣ съ остріями. Но головной нарядъ богини земли (Геи) въ одной извѣстной картинѣ на вазѣ (Mon. Ined. pubbl. dall' Inst. arch. T. III. Tav. 30) хотя и приближается къ формѣ короны, однако украшеніе по верхнему его краю, очевидно, представляетъ форму листьевъ, а не лучей. Что же касается головного наряда Тетиды въ изображеніи на вазѣ, указанномъ подъ № 1. на стр. 141, то на снимкѣ Миллена, сдѣланномъ съ оригинала, мы находимъ никакъ не лучи, но небольшія кругловатыя возвышенія. Относительно изображенія Гипподаміи, описанномъ Пановкою въ Bull. Nap. T. V. стр. 91, при ненадежности описателя должно еще до времени воздерживаться отъ всякаго рѣшенія. Напротивъ того легко можно узнать лучезарную корону на крылатой женщинѣ у Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 29, 19., но имя этого лица остается неизвѣстнымъ.

2) Всѣмъ извѣстно, что въ особенности въ позднѣйшее время съ понятіемъ о Герѣ соединилась также мысль о свѣтилѣ небесномъ. Но содержаніе обоихъ разсматриваемыхъ изображеній не представляло никакого повода выставить эту сторону богини.

гая впрочемъ и другихъ значеній. Но при изображеніяхъ Мао и Гороса она, кажется, допускаетъ только первое объясненіе.

На блескъ ээира (см. выше стр. 20) указываетъ лучезарная корона, украшающая не только Урана или Ээира, изображаемаго въ человѣческомъ видѣ, но и Зевса (см. выше стр. 21) и Скопію (см. выше стр. 89), хотя при Зевсѣ, она, какъ показано будетъ ниже, безъ сомнѣнія, выражаетъ также понятіе объ его царской власти надъ богами и всѣмъ міромъ. Кромѣ того она, вѣроятно, служитъ также для указанія на ээиръ въ вышеозначенномъ изображеніи Аѳины на зеркалѣ; потому-что представленіе этой богини съ значеніемъ войны не соотвѣтствовали бы прочимъ частямъ картины.

Напротивъ того такое представленіе до нѣкоторой степени могло выразиться въ изображеніи Пальмирскаго бога луны, Аглиболоса. Весь его наружный видъ показываетъ, что онъ былъ также богомъ войны, и представленію его съ такимъ характеромъ не препятствуютъ прочія части картины. Но если бы художникъ имѣлъ въ виду блескъ свѣтилъ небесныхъ, то скорѣе всего выразилъ бы его лучезарною короною при богѣ солнца, который представленъ имъ подлѣ Аглиболоса въ означенномъ украшеніи, какъ-бы въ замѣнъ какого-либо вооруженія. Также могло бы быть объяснено изображеніе Богини раздора на указанномъ зеркалѣ, если бы было достоверно, что тамъ представлена греческая Богиня раздора, а не какое-либо Этрусское божество, совершенно намъ неизвѣстное. И роскошь наряда на шеѣ и рукахъ при совершенной обнаженности тѣла свидѣтельствуетъ въ пользу послѣдняго, и показываетъ, что корона служитъ здѣсь для сильнѣйшаго выраженія божественной красоты. Точно также и гирлянда, съ которою изображена на означенной монетѣ Богиня побѣды, не допускаетъ предположенія, что лучезарная корона имѣетъ здѣсь отношеніе къ яркому блеску, которымъ воображеніе древнихъ окружало всякое божество войны. Конечно, и здѣсь она назначена къ тому, чтобы усилить выраженіе величія и блеска, которые всегда соединяются съ одержанной побѣдой¹⁾.

1) См. выше стр. 71. Съ этимъ находится въ связи то, что Пиндартъ: *Isthm. II*, 89 называетъ богиню побѣды *χρύσα* и что въ одномъ еще необъ-

Въ лучезарной же коронѣ Діониса, Аполлона, Афродиты, Эрота, Артемиды¹, Талии², Ариадны³, Елены⁴) и Пелопса должно искать выраженія блеска цвѣтущей юности, отчасти и другихъ значеній.

Наконецъ съ употребленіемъ этого головного наряда, который носили цари для указанія на свое происхожденіе отъ боговъ, не рѣдко соединяется также намѣреніе съ особенною силою выразить царское достоинство боговъ, какъ мы уже за-

ясненномъ аттическомъ изображеніи на вазѣ (Stackelberg: Gräber. d. Hell. Taf. 17. Leporphant: Elite céramogr. T. I. Pl. 9. 7), она, какъ кажется, называется также χρυσός. Въ этомъ изображеніи мы видимъ ΝΙΚΗ, которая на четверкѣ поспѣшно приближается къ одному треножнику, къ которому съ такою-же скоростію спѣшить ΠΛΟΤΟΣ. За богинею побѣды мѣрнымъ шагомъ слѣдуетъ какая-то женская фигура съ сосудомъ въ рукѣ. Надъ послѣднею фигурою находится надпись ΧΡΥΣΟΣ, которую обыкновенно читали Χρυσός, принимая эту фигуру за олицетвореніе золота. Но уже Jahn: Arch. Beitr. стр. 292, показалъ неумѣстность такого вывода тѣмъ, что древнее искусство съ величайшею послѣдовательностью изображало фигуры мужескаго и женскаго пола согласно съ родомъ именъ предметовъ, которые онѣ олицетворяли. Однако и онъ не умѣлъ разъяснить дѣло грамматическою формою надписи. Если же припомнимъ, что прилагательное χρυσός употребляется не только съ тремя, но и съ двумя окончаніями (Antipater in Anth. Palat. V, 81, 1.); что двугласная ου не только вообще до Эвклида, но и долгое время послѣ него нерѣдко писалась не ΟΥ, но Ο (Fragm: Elem. epigr. gr. стр. 149 сл.), и что художникъ, трудившійся надъ этой вазой, принадлежалъ, какъ показываетъ его правописаніе ΠΛΟΤΟΣ, къ числу тѣхъ, которые держались такой орфографіи, то понятно, что слѣдуетъ читать не χρυσός, но χρυσός, и что эта форма здѣсь есть женскаго, а не мужескаго рода. Послѣ этого остается рѣшить, кому принадлежитъ это названіе, женской ли фигурѣ слѣдующей за богинею побѣды, или самой богиней. Я предпочитаю послѣднее, въ особенности помня Χρυσή Φλωμήλα въ другомъ изображеніи на вазѣ (Wieseler: Denkm. Th. II. № 425. Stephani: Bull. hist.-phil. T. XII. стр. 278. = Mél. gréco-rom. T. I. стр. 553. Jahn: Vasensamml. Kön. Ludwigs стр. CXXVI.) и оставляю безъ разбора мнѣніе Яна (Ann. dell' Inst. arch. T. XXIV. стр. 205.), что Ο въ ΠΛΟΤΟΣ и другихъ подобныхъ надписяхъ на вазахъ должно читать ω и объяснять дорическимъ или эолическимъ діалектомъ; этотъ превосходный ученый, конечно, уже давно сознался въ неумѣстности такого предположенія.

1) Почитаніе ея надъ названіемъ Καλλίστη и образовавшіися отсюда сказанія извѣстны всѣмъ. См. Preller: Griech. Myth. Th. I. стр. 188. 190.

2) Самое имя указываетъ на это свойство.

3) Если по словамъ Псевдо-Эратосеена и Гигина Ариадна получила лучезарную корону отъ Афродиты и Горъ (по Ферекиду это украшеніе досталось ей отъ Діониса), то этимъ ясно выражено значеніе, о которомъ мы говоримъ.

4) См. Preller: Griech. Myth. Th. II. стр. 78.

мѣтили выше. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на изображеніе бога подземнаго царства. Хотя всѣмъ извѣстно, что древніе постоянно считали его страшнѣйшимъ и безпощаднѣйшимъ изъ всѣхъ боговъ, и, представляя себѣ всѣ высшія существа, распространяющія вокругъ себя ужась, не иначе какъ въ яркомъ блескѣ, не рѣдко старались выразить это лучезарнымъ вѣнцомъ или нимбомъ, однако въ лучезарной коронѣ Гадеса должно искать другаго значенія. Въ противномъ случаѣ такое значеніе не согласовалось бы съ тѣмъ, что древніе, какъ намъ положительно извѣстно, представляли себѣ грозное величіе этого бога въ видѣ непроницаемаго мрака¹⁾, а потому и не украшали его никогда ни нимбомъ, ни лучезарнымъ вѣнцемъ. По этому и лучезарная корона этого бога должна имѣть другое назначеніе²⁾; именно, она служитъ для выраженія его царской власти надъ міромъ тѣней; а что такое представленіе Гадеса было не чуждо древнимъ, то подтверждается положительными свидѣтельствами³⁾.

Но убѣдившись въ томъ, что лучезарная корона при изображеніи какого-либо бога можетъ быть принята вообще за признакъ его царскаго достоинства, мы можемъ предположить, что и при изображеніи многихъ другихъ божествъ, въ ней за-

1) Ном.: II. XV, 187 сл.

Τρεῖς γάρ τ' ἐκ Κρόνου εἰμὲν ἀδελφοί, οὓς τέκετο Ῥέα,
Ζεὺς καὶ ἐγώ, τρίτατος δ' Ἀΐδης, ἐνέροισιν ἀνάσσω.
τριχῶ δὲ πάντα δέδασται, ἕκαστος δ' ἔμμορε τιμῆς·
ἦτοι ἐγὼν ἔλαχον πολιὴν ἄλ᾽ αἰεὶ μέναι αἰεὶ,
παλλομένων, Ἀΐδης δ' ἔλαχε ζόφον ἡερόεντα.

Hesiod.: Scut. Herc. 226 сл.

δεινὴ δὲ περὶ κροτάφοισιν ἄνακτος
καί τ' Ἀΐδος κυνέη, νυκτός ζόφον αἰνὸν ἔχουσα.

Plutarch: De El. ap. Delph. 20. Λέγεται δὲ ὁ μὲν Ἀπόλλων ὁ δὲ Πλούτων καὶ ὁ μὲν Ἀήλιος ὁ δὲ Ἀΐδωνες καὶ ὁ μὲν Φοῖβος ὁ δὲ Σχέτιος. См. Preller: Griech. Myth. Th. I. стр. 494 сл.

2) Очевидно, Визелеръ принимаетъ лучезарную корону Гадеса за указаніе на солнце; такъ какъ и Сераписъ и Діонисъ были въ одно время и богами солнца и богами подземнаго царства. Но если это можетъ быть допущено при двухъ богахъ, которые въ слѣдствіе различныхъ пантеистическихъ идей, какъ извѣстно, превратились въ боговъ всего существующаго, то нельзя предположить того же о третьемъ богѣ, пока мы не будемъ имѣть какого-либо другаго указанія, что и онъ подвергся такому-же превращенію.

3) Ном.: II. XV, 188. Ἀΐδης, ἐνέροισιν ἀνάσσω. II. XX, 61. ἀναξ ἐνέρων, Ἀΐδωνεύς. Hesiod: Scut. Herc. 226. ἄνακτος Ἀΐδος κυνέη и т. д.

ключается или одно это значеніе отдѣльно, или въ соединеніи съ другимъ. Прежде всего сюда должно отнести изображенія Зевса и Геры, съ именемъ которыхъ древніе, какъ извѣстно, соединяли преимущественно понятіе о царскомъ достоинствѣ. Но слѣдуетъ припомнить также, что и Аполлонъ уже со временъ Гомера ¹⁾ имѣлъ названіе *ἄναξ*, указывающее на его царскую власть. Не менѣе извѣстно почитаніе Діоскуровъ подъ именемъ *ἄνακτες*. Афродита была почитаема какъ *βασίλεις* ²⁾ въ Тарентѣ и какъ *μέδουσα* ³⁾ въ Пантикапей и въ другихъ мѣстахъ; у Эмпедокла ⁴⁾ она называется *βασίλεια* и вообще принадлежитъ къ числу тѣхъ богинь, которыя по преимуществу носятъ названіе *δέσποιναι* ⁵⁾. Къ этому числу принадлежатъ также Аѳина ⁶⁾, Деметра ⁷⁾ и Артемида ⁸⁾, и не можетъ быть никакого недоумѣнія относительно того, почему богъ солнца на римскихъ монетахъ позднѣйшаго времени гораздо чаще является въ лучезарной коронѣ, чѣмъ въ лучезарномъ вѣнцѣ, и относительно того, почему на одной монетѣ, выбитой въ Тарсѣ, встрѣчается въ такомъ-же украшеніи Митра, котораго мы находимъ обыкновенно въ лучезарномъ вѣнцѣ на монетахъ индоскионскихъ царей ⁹⁾. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, Геліосъ главнѣйшимъ образомъ почитаемъ былъ какъ покровитель римской имперіи и праотецъ императоровъ ¹⁰⁾. Итакъ это

1) Въ особенности выразительны слова Гомера: II. I, 390. Императоромъ Юліаномъ, (Саев. стр. 310, С. ed. Spanh.), въ царствованіе котораго выбита монета, названная подъ № 3. въ предъидущемъ перечнѣ, Аполлонъ названъ *ὁ βασιλεὺς Ἀπόλλων*.

2) Hesych: Βασιλίνδα παρὰ Ταραντίοις δὲ καὶ ἡ Ἀφροδίτη Βασιλὶς.

3) Stephani: Ant. du Bosph. Cimm. Inscr. № 17.

4) Athen. XII, 2, 510.

5) Eurip.: Med. 632. Hipp. 117. 415. 522. ed. Nauck. Theokrit: Idyll. 15, 100.

6) Soph.: Aj. 105. Eurip.: Rhes. 608. Suppl. 1227. Cycl. 350 ed. Nauck.

7) Aristoph.: Thesmoph. 286, и одною изъ почитавшихся въ Елладѣ *δέσποιναι* (Paus. V, 15, 4. 10) могла быть только Деметра.

8) Soph.: El. 626. Eurip.: Hipp. 74. 82. 228. 1325. 1395 ed. Nauck. Также и Аркадская *δέσποινα* походитъ на нее столько же, сколько и на Персефону Paus. VIII, 10, 10. Preller: Griech. Myth. Th. I. стр. 190. Впрочемъ Артемиды у Аристофана: Thesm. 971 называется также *ἄνασσα*.

9) См. выше стр. 33. Сюда, кажется, относится одинъ горный кристаллъ (Lajard: Recherches sur Mithra Pl. 102. № 2.) который, вѣроятно, происходитъ изъ тѣхъ-же самыхъ странъ.

10) На монетахъ Авреліана богъ солнца называется «*Sol Dominus Imperii Romani*», а самъ императоръ — «*Deus et Dominus natus Aurdianus Augustus*».

было главнымъ поводомъ къ изображенію его въ лучезарной коронѣ, хотя и нельзя отвергнуть предположеніе, что впослѣдствіи художники употребляли при изображеніи Гелиоса лучезарную корону вмѣсто лучезарнаго вѣнца только условно, не имѣя въ виду особеннаго значенія того атрибута. Точно также понятно будетъ для насъ значеніе лучезарной короны, въ которой изображена Селена на выше означенной лампѣ. Въ Гомеровомъ гимнѣ¹⁾ привѣтствіе къ ней дѣлается словами:

χαῖρε ἀνασσα, θεὰ λευκώλενα, δῖα Σελήνη

а передъ этимъ²⁾ поэтъ говоритъ:

στῆλβει δέ τ' ἀλάμπτεος ἀήρ
χρυσέου ἀπὸ στεφάνου.

Напротивъ того, этотъ атрибутъ, находясь при изображеніи Пелопса, являющагося еще ребенкомъ въ вышеозначенномъ произведеніи, конечно, не допускаетъ такого объясненія и тоже самое должно сказать объ изображеніяхъ Елены.

См. Eckhel: Doctr. Num. T. VII. стр. 482. Четвертая рѣчь императора Юліана носить заглавіе: Λόγος εἰς τὸν βασιλέα Ἥλιον, и въ этой рѣчи на стр. 130, B. ed. Spanh. императоръ говоритъ о себѣ: Καὶ γὰρ εἰμὶ τοῦ βασιλέως ὁπαδὸς Ἥλιου, а на стр. 157, A. онъ говоритъ объ Гелиосѣ: ὡς περ οὖν καὶ τὴν ἡμετέραν ἐξ αὐτοῦ ψυχὴν ὑπέστησεν, ὁπαδὸν ἀποφῆνας αὐτοῦ. Въ другомъ мѣстѣ (Саев. стр. 314, A. ed. Spanh.) онъ употребляетъ выраженіе: Ἥλιος ὁ ἐμὸς δεσπότης, и Гимеріа: Eclog. 12, 6. стр. 24. ed. Dahn. говоритъ относительно этого императора: ὦ καὶ τοῦ αὐτοῦ γένους ὅμμα φανότατον, καὶ ταῦτ' οὖν τῷ γένει γενόμενος, ἔπερ καὶ σοὶ πολλάκις ὁ προπάτωρ Ἥλιος. Τῆς γὰρ συνωρίδος ταύτης δὴ τῆς καλῆς ὁ μὲν καταυγάζοντι τοὺς μεγάλους θρόνους ὥς τις ἑωςφόρος συνανέσχευε ὄρεος, ταῖς αὐτοῦ βολαῖς τὰς σὰς ἀκτῖνας μιμούμενος· ὁ δὲ τῆς τῶν νέων ἀγέλης ἐκλάμπων, καθάπερ τις ταῦρος ἀγέλαρχης ἀγέρωχος, ἐσκήρτησε μὲν κατὰ τοὺς Μουσῶν λειμῶνας κ. т. л. Этимъ объясняется одна замѣчательная бронзовая монета, снимокъ съ которой изданъ Мурзакевичемъ: Монеты, отысканныя на островѣ Левки или Фидониси. Одесса. 1852. стр. 28. № 7. На одной сторонѣ ея представлено въ лучезарномъ вѣнцѣ грудное изображеніе бога солнца, на другой же сторонѣ, кромѣ двухъ звѣздъ, находится надпись: ΒΑΣΙΛΕ (ὡς) ΗΛΙΟΣ. Что при этой надписи нѣтъ нужды думать о какомъ-то скиескомъ царѣ Гелиосѣ, какъ это дѣлали до сихъ поръ, то доказывается изображеніемъ, находящимся на другой сторонѣ монеты. Именительный же падежъ, употребленный въ словахъ надписи, хотя она находится не при самомъ изображеніи, встрѣчается также и на другихъ монетахъ, напр. на одной бронзовой Селевко-Піерійской монетѣ, съ которой снимокъ изданъ Sestini: Museo Fontana T. III. стр. 85. Таб. 9, 8 и которая на передней сторонѣ представляетъ грудное изображеніе императора Антонина Пія, а на оборотной — громовыя стрѣлы и надпись: ΖΕΥΣ ΚΕΡΑΥ (иос).

1) Нумм. 32, 17.

2) Нумм. 32, 6 сл.

Но, безъ сомнѣнія, мысль о царскомъ достоинствѣ, въ соединеніи съ какимъ-либо другимъ представленіемъ, выражена лучезарною короною при изображеніи Фортуны. Римляне почитали эту богиню подъ именемъ «*Regina*» ¹⁾, а Греки называли ее *δέσποινα* ²⁾, и искусство вообще старалось усилить выраженіе понятія объ ея царскомъ значеніи и владычествѣ, представляя ее со скипетромъ и кормиломъ. При этомъ слѣдуетъ припомнить, что въ позднѣйшія времена, кромѣ Фортуны, представителемъ міродержавной власти всѣхъ вообще боговъ считался и Эвиръ (см. в. стр. 4), такъ-что оба понятія могли быть смѣшиваемы въ этомъ отношеніи ³⁾. Поэтому нѣтъ причины удивляться, что въ одномъ изображеніи, впрочемъ совершенно подобномъ означенному ⁴⁾, Фортуна является въ платьѣ, роскошно украшенномъ звѣздами, и что въ такой-же одеждѣ, по свидѣтельству Павзанія ⁵⁾, изображаемъ былъ Созиполисъ, божество, находившееся въ близкомъ сродствѣ съ Фортуною. Согласно съ этимъ мы можемъ предположить, что лучезарная корона этой богини служить также для указанія на тождественный съ нею Эфиръ ⁶⁾.

Наконецъ должно еще упомянуть объ означенномъ выше

1) Gruter: Inscr. lat. 78, 7, 8. Срав. Henzen: Syll. Inscr. 5787.

2) Anth. Palat. IX, 182, 1.

3) Eurip. Fragm. 332. ed. Nauck.

ἐς ταῦτόν ἦσαν φημί ταῖς βροτῶν τύχαῖς
τόνδ' ἐν χαλοῦσιν αἰθέρ', ὃ τὰδ' ἔστι δῖν.

4) Mus. Borb. T. VIII. Tav. 34. Zahn: Neuentd. Wandg. Taf. 9. Mon. Ined. publ. dall' Inst. arch. T. III. Tav. 6, b. Kaiser: Herculaneum und Pomp. Th. III. Taf. 51. Creuzer: Symbol. Th. III. H. 3. Taf. 1, 1. Wieseler: Denkm. Th. II. № 932.

5) Pereg. VI, 25, 4.

6) Preller: Griech. Myth. Th. I. стр. 235 называетъ богиню этихъ изображеній Аферидитою Уравіею, и, кажется, въ позднѣйшее время съ этимъ именемъ соединялись почти такія же представленія, какія нераздѣльны были съ именемъ Фортуны (Tuche), такъ что понятія объ этихъ божествахъ неоднократно сливались. Это доказывается какъ многочисленными монетными изображеніями босфорскихъ царей, которыя до сихъ поръ оставлены были безъ всякаго вниманія, и въ особенности тѣми, съ которыхъ снимки изданы въ блистательномъ каталогѣ князя Сибирскаго: Catalogue des méd. du Bosphore T. I. Etudes pag. CCXXIV. Однако способъ выраженія Павзанія: VI, 25, 4. VII, 26, 8. IX, 16, 1. относительно созданій, составляющихъ средину между обѣими богинями, кажется, даетъ большее право на удержаніе употребленнаго мною имени «Tuche», чѣмъ на употребленіе имени «Аферидита Уравія».

изображеніи Хризы, богини, объясненіемъ которой занимались многіе ученые и въ особенности издатели Софоклова Филоклетета ¹⁾). Въ результатѣ этихъ изслѣдованій оказывается, что показанія позднѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей, будто Хриза была не иное что, какъ Аѳина въ другомъ видѣ, основываются на ложно понятыхъ словахъ Софокла. Но съ другой стороны нельзя сомнѣваться въ томъ, что имя Хризы первоначально было прозваніемъ одной богини, которая была почитаема на Лемносѣ или около этого острова и была представляема не иначе, какъ въ яркомъ блескѣ вокругъ всего ея тѣла ²⁾).

3) Въ послѣднее время объ этомъ разсуждалъ Schneidewin: Philol. Th. IV. стр. 653 сл. и указалъ на важнѣйшія свидѣтельства древнихъ писателей.

4) Всѣ боги, какъ извѣстно, относительно блеска, который окружаетъ тѣло каждаго изъ нихъ, называются χρυσοί. Arist.: Ran. 483. Ant. Palat. XI, 58, 8. И все, что испускаетъ лучи и блеститъ, солнце, луна, день, огонь и т. д. называлось у древнихъ золотымъ. Pind.: Olymp. I, 1. Ἀριστον μὲν ὕμῳ, ὃ δὲ χρυσοῦς αἰθέριον πῦρ ἅτε διαπρέπει νυκτὶ μετ' ἀνῶρος ἔξοχα πλούτου. Впрочемъ, какъ искусство, по крайней мѣрѣ долгое время, выражало этотъ божественный блескъ только въ отдѣльных случаяхъ, съ особеннымъ отношеніемъ къ индивидуальнымъ свойствамъ отдѣльныхъ божествъ, посредствомъ нимба, лучезарнаго вѣнца или лучезарной короны, такъ и эпитетомъ χρυσεὸς означалось особенное свойство божества, которому онъ былъ данъ; въ частности, какъ при Аφродитѣ, онъ выражалъ блескъ женской красоты. Diod. IV, 26. Τινὲς δὲ λέγουσι ποίμνας προβάτων κάλλι διαφερούσας κειτῆσθαι τὰς Ἑσπερίδας, χρυσοῦ δὲ μήλα ἀπὸ τοῦ κάλλους ὠνομάσθαι ποιητικῶς, ὥσπερ καὶ τὴν Ἀφροδίτην χρυσῇν καλεῖσθαι διὰ τὴν εὐπρέπειαν. Этотъ эпитетъ находится также при Музахъ (Pind.: Isthm. VII (VIII), 11.), при Неремдахъ (Pind.: Nem. V, 14.), при богинѣ победы (Pind.: Isthm. II, 39. См. в. стр. 170), при богинѣ мира и при богинѣ справедливости (Дикѣ) (Pind.: Ol. XIII, 10.; Soph. Fragm. 11. ed. Nauck приписываетъ богинѣ справедливости χρυσεὸν ὄμμα, а Eurip. Fragm. 490 ed. Nauck говоритъ о χρυσεὸν πτόσσωπον Справедливости), при Филомелѣ (см. в. стр. 171), при Аѳинѣ (Soph.: Oed. R. 180) при богинѣ надежды (Soph.: Oed. R. 158), Горгонѣ (Eur. Fragm. 353. 362, 46. ed. Nauck. А отношеніе эпитета къ особенному свойству божества, которому онъ дается, въ особенности ясно въ томъ мѣстѣ, гдѣ употребляетъ его самъ Зевсъ относительно своего извѣстнаго превращенія (Anth. Palat. V, 31. 6. V, 217, 1.). Подобнымъ образомъ употребляется также прилагательное χρυσαῖον или χρυσαῖρος, которое мы встречаемъ въ особенности при Аполлонѣ (Hom.: Il. V, 509. XV, 265. Нумп. in Apoll. 123. Hesiod.: Op. et D. 760. Pind.: Pyth. V, 140.) и отчасти при Орееѣ (Pind. Fragm. 187 ed. Boeckh), Артемидѣ (Herod. VIII, 77.) и Деметрѣ (Hom.: Нумп. in Cer. 4) и которое вошло въ разрядъ другихъ эпитетовъ такого рода: χρυσαῖπις, χρυσαῖματος, χρυσαῖπτις, χρυσήλατος, χρυσήνιος, χρυσοβέλεμνος, χρυσοῖθρονος, χρυσοῖκωρος, χρυσοκόμης, χρυσολόγος, χρυσολύρης, χρυσομίτης, χρυσοπέδιλος, χρυσοπέπλος, χρυσοπλόκαμος, χρυσοπτερος, χρυσοῤῥαπις, χρυσοτόξος, χρυσοτρίαινος, χρυσοφαῖς, χρυσοχαίτης, χρυσοχроос, χρυσοῖπτις и т. д. При этомъ легко замѣтить, что всѣ эти эпитеты съ одной стороны указываютъ на достоинство предмета, съ другой стороны — на яркій блескъ золота, при чемъ то первое, то послѣднее выражается съ особенною силою. Но блескъ, выражаемый

Но мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какой смыслъ первоначально соединялся съ этимъ блескомъ; а на томъ основаніи, что среди многочисленныхъ украшеній ея одежды находятся два изображенія, похожія на звѣзды, ни одинъ осторожный изслѣдователь не сдѣлаетъ заключенія, что эта богиня была олицетвореніемъ какого-либо свѣтила небеснаго. Если же согласно съ Софокломъ ¹⁾), называющимъ ее Ὠμόφρων, принять окружающій ее блескъ въ томъ значеніи, въ какомъ мы находимъ его при божествахъ, распространяющихъ вокругъ себя ужасъ и погибель, то могутъ возразить, что поэтъ употребляетъ названіе ея Ὠμόφρων, очевидно, только по отношенію къ несчастію, которое постигло Филоктета при жертвенникѣ этой богини. Итакъ съ достовѣрностію можно сказать только то, что лучезарная корона дана этой богинѣ въ такомъ-же значеніи, въ какомъ дано ей прозваніе Хризы, которое выражало столь существенный ея признакъ, что вполне замѣнило ея собственное имя.

Послѣ этого необходимаго оступленія мы снова возвращаемся къ нимбу и лучезарному вѣнцу. Мы видѣли, въ какомъ смыслѣ съ начала втораго столѣтія до Р. Х. владѣтельные особы стали украшаться лучезарною короною. Но они сдѣлали еще шагъ дальше, дозволивъ искусству изображать ихъ въ нимбѣ или лучезарномъ вѣнцѣ. Это, какъ кажется, произошло спустя два столѣтія послѣ означеннаго времени ²⁾). Первый примѣръ къ тому, если можно сдѣлать заключеніе изъ дошедшихъ до насъ изображеній, данъ былъ индо-скиѣскимъ царемъ Эрки, который

этими эпитетами, считался то принадлежностію самаго тѣла боговъ, то принадлежностію ихъ одежды или ихъ утвари, и это не составляло существеннаго различія въ главной мысли. Въ особенности достойны вниманія въ этомъ отношеніи слова Каллимаха:

Нум. II, 32 сл.

Χρύσεα Τηφόλλων τό τ' ἐνδυτόν, ἥ τ' ἐπιπορτίς,
ἥ τε λύρη, τό τ' ἄεμμα τό Λύκτιον, ἥ τε φαρέτρη,
χρύσεα καί τὰ πέδιλα· πολύχρυσος γάρ Ἀπόλλων,
καί τε κολυκτίανος.

1) Philokt. 194.

2) Нѣкоторыя показанія писателей, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одно несомнѣнно говоритъ объ этомъ обыкновеніи, мы привели в. на стр. 159.

на нѣкоторыхъ изъ своихъ золотыхъ монетъ замѣнилъ нимбомъ ¹⁾ лунный серпъ, обыкновенный атрибутъ своей особы. Почти въ это-же время какой-то другой индѣйскій царь, имя котораго намъ неизвѣстно и который на монетахъ своихъ обыкновенно означаетъ только прозваніемъ: *Σατὴρ μέγας βασιλεὺς βασιλέων*, присвоилъ своимъ изображеніямъ лучезарный вѣнецъ ²⁾. Но особенную цѣну давалъ этому украшенію индо-скиескій царь Эрв Кенорано, который является на своихъ монетахъ то съ нимбомъ, то въ лучезарномъ вѣнцѣ, то наконецъ въ большихъ лучахъ почти вокругъ всего тѣла ³⁾. Къ этимъ монетамъ должны быть отнесены, кромѣ нѣкоторыхъ еще недостаточно опредѣленныхъ ⁴⁾, также и монеты царей Кандрагупты I, Самадрагупты и Скандрагупты, которые почти постоянно изображаются съ нимбомъ ⁵⁾.

А въ Римѣ такое обыкновеніе утвердилось гораздо раньше. До насъ дошелъ мраморный бюстъ Клавдія, представляющій его съ лучезарнымъ нимбомъ (древнимъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части ⁶⁾). Впрочемъ этотъ бюстъ сдѣланъ былъ уже по смерти самого императора. Что касается Нерона, то извѣстная золотая его монета ⁷⁾ и камея изъ оникса, хранящійся въ Парижскомъ Музее ⁸⁾, свидѣтельствуютъ, что этотъ импера-

1) Wilson: *Ariana ant.* Pl. 14. № 3. 4. 5. Lassen: *Indische Alterth.* Th. II. стр. 838. № 3. 4. 10.

2) Wilson: *Ariana ant.* Pl. 9. № 11—19. Pl. 10. № 1—4. 6. Lenormant: *Trés. de num. Rois grecs* Pl. 78. № 14. 15. Lassen: *Indische Alterth.* Th. II. стр. 821 сл.

3) Wilson: *Ariana ant.* Pl. 13. № 4—21. Lassen: *Indische Alterth.* Th. II. стр. 867.

4) Wilson: *Ariana ant.* Pl. 14. № 17. 19. Lenormant: *Trésor de num. Rois grecs* Pl. 80. № 8. 10. 11.

5) Wilson: *Ariana ant.* Pl. 18. Lassen: *Indische Alterth.* Th. II. стр. 947 сл. 958 сл. 968. Мнимый лучезарный вѣнецъ какого-то царя Негровъ на одной монетѣ, срисованной у Super: *De Eleph.* стр. 134 при ближайшемъ разсмотрѣніи ясно превращается въ остроконечныя курчавыя кудри.

6) Bartoli: *Admir. Rom.* Tab. 80. Mongez: *Iconogr. Rom.* Pl. 27. Wieseler: *Denkm.* Th. I. № 359.

7) Tristan: *Comm. hist.* T. I. стр. 211. Oesel: *Thes. num.* Tab. 66. № 11. Rhaeus: *Num. aur. Imp. Rom.* Tab. 8. № 12. Eckhel: *Doctr. Num.* T. VI. стр. 269.

8) Caylus: *Rec. d'antiqu.* T. I. Pl. 86, 2. стр. 214. Lenormant: *Trésor de num. Emp. Rom.* Pl. 16. № 16.

торъ и во время жизни своей изображаемъ былъ въ лучезарномъ вѣнцѣ. Новѣйшіе изслѣдователи, Сиклеръ и Рейнгартъ нашли въ одной потолочной картинѣ въ Титовыхъ баняхъ, въ Римѣ, изображеніе Тита, въ которомъ прежде одни видѣли Аполлона, другіе же Діониса¹⁾. Эти ученые, представивъ самый вѣрный, какъ кажется, снимокъ съ картины, увѣряютъ, что они послѣ самаго тщательнаго разсматриванія картины, при помощи живописца Мори, узнали въ изображеніи черты Тита. О вѣрности этого показанія можно рѣшить конечно только тогда, когда будемъ имѣть передъ глазами самый оригиналъ. Однако въ пользу его свидѣлствуетъ то, что четыре второстепенныя изображенія, которыя, очевидно, находятся въ самой тѣсной связи съ главнымъ, не соотвѣтствуютъ мысли объ Аполлонѣ или Діонисѣ. Императоръ, если художникъ дѣйствительно желалъ изобразить его, является съ нимбомъ въ главной картинѣ, гдѣ представлена его апотеоза, въ одномъ изъ второстепенныхъ изображеній, гдѣ онъ изображается еще груднымъ ребенкомъ, и этому не станетъ удивляться тотъ, кто помнитъ извѣстныя сказанія объ Юлѣ²⁾ и Сервіи Туллій³⁾. Траянъ встрѣчается съ нимбомъ⁴⁾ въ трехъ изображеніяхъ триумфальной арки Константина Великаго. Однако, такъ какъ этотъ императоръ чаще является на тѣхъ рельефахъ безъ означеннаго украшенія, то возникаетъ подозрѣніе, что упомянутыя изображенія принадлежатъ къ позднѣйшимъ украшеніямъ арки, когда нимбъ имѣлъ уже совершенно другое значеніе. Желательно, чтобы тѣ, кому представится возможность вблизи разсмотрѣть самыя рельефы, обратили вниманіе, нѣтъ ли внѣшнихъ признаковъ позднѣйшаго происхожденія этихъ изображеній. Наконецъ изъ языческихъ императоровъ должно еще упомянуть Антонина Благочестиваго, который, если вѣрить весьма неудовлетворительнымъ снимкамъ съ монетъ, выбитыхъ въ Римѣ въ его царство-

1) Bartoli: *Pitture antiche* 1706. Tav. 2. Ponce: *Bains de Titus* Pl. 11 — 15. и согласно съ этимъ снимкомъ также у Milman: *Horatii Opera* стр. 174. Sickler u. Reinhart: *Almanach aus Rom* Th. II. стр. 1. сл. Taf. 2 — 5.

2) Virg.: *Aen.* II, 679 сл.

3) Ovid.: *Fast.* VI, 685. сл. Справ. Preller: *Röm. Myth.* стр. 526 сл.

4) Bellori: *Arces* Taf. 86. 37. 38.

ваніе, встрѣчается то съ лучезарнымъ нимбомъ ¹⁾, то съ сплошнымъ ²⁾).

Изъ Рима это обыкновеніе перешло какъ въ Константинополь, такъ и къ Сассанидамъ, хотя на послѣднихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и можетъ быть гораздо болѣе, дѣйствовалъ примѣръ индѣйскихъ царей. Между сокровищами Императорскаго Эрмитажа находится серебряное блюдо, съ котораго еще нѣтъ снимка и которое носить на себѣ явную печать времени Сассанидовъ. На немъ изображенъ какой-то царь въ обыкновенной одеждѣ этой династіи; онъ сидитъ на конѣ, и копьемъ побѣждаетъ льва, подлѣ котораго находится другой такой-же звѣрь, убитый имъ прежде. Голова царя окружена нимбомъ и покрыта какимъ-то нарядомъ съ двумя крыльями, а, на основаніи этого и отчетливости работы въ цѣломъ, весьма вѣроятно, что на этомъ блюдѣ изображенъ одинъ изъ тѣхъ царей, которые носятъ названіе Вараграновъ. Кромѣ того Фланденъ и Костъ представили снимки съ четырехъ капителей, изъ которыхъ каждая, какъ показываетъ сравненіе съ однимъ рельефомъ ³⁾, представляетъ грудное изображеніе какого-то царя и какой-то царицы, украшенное нимбомъ ⁴⁾; но имена изображенныхъ лицъ намъ неизвѣстны. На монетахъ Сассаниды никогда не встрѣчаются ни съ нимбомъ, ни съ лучезарнымъ вѣнцомъ ⁵⁾.

Въ Константинополѣ нимбъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ обыкновенныхъ атрибутовъ императорскаго достоинства не только для самихъ императоровъ, но и для императрицъ, а впослѣдствіи и для сыновей императора, между тѣмъ какъ лучезарный вѣнецъ не былъ болѣе допускаемъ при членахъ императорской фамиліи. Мы находимъ уже Константина Великаго, украшеннаго нимбомъ не только на монетахъ ⁶⁾,

1) Biaeus, Beger, Gevart: Num. reg. et imp. Tab. 45. 5. Augustin: Ant. Rom. Tab. 41, 5. Oesel: Thea. num. Tab. 66, 12. Caylus: Num. aur. № 475.

2) Oesel: Thea. num. Tab. 67, 1. Pedrusi: J. Cesari in oro etc. T. VII. Tav. 6, 2. Münter: Sinnb. der Chr. Taf. 5, 6.

3) Flandin и Coste: Voyage en Perse T. I. Pl. 9.

4) Flandin и Coste: Voyage en Perse T. I. Pl. 17. 17 bis. 27. 27 bis.

5) Къ одному каменному рельефу, который, вѣроятно, можетъ быть также отнесенъ сюда же, я возвращусь ниже.

6) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 85, 1. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 231, 1. 352. Lenormant: Trésor de num. Emp. Rom. Pl. 62, 4. 9. 11.

но и въ мозаичныхъ произведеніяхъ, которыя еще успѣлъ видѣть Чіампини ¹⁾ въ Лютеранской церкви, въ Римѣ, и съ такимъ же украшеніемъ встрѣчается его супруга, Фауста, на одномъ золотомъ медальонѣ ²⁾. Сыновья же его, Констансъ и Констанцій, являются съ нимбомъ на монетахъ: то оба вмѣстѣ ³⁾, то одинъ послѣдній отдѣльно ⁴⁾. Вѣроятно, и изображенія потерянной рукописи Пейреска должны быть отнесены къ этимъ двумъ императорамъ ⁵⁾, а младшій братъ ихъ, Константинъ съ однимъ изъ нихъ изображенъ въ такомъ же украшеніи на одной монетѣ ⁶⁾. Сюда же должны быть отнесены монеты, представляющія изображенія Магненція ⁷⁾, Валентиніана I. ⁸⁾ и Валенса ⁹⁾ отдѣльно или двухъ послѣднихъ вмѣстѣ ¹⁰⁾. Θεодосіа Великаго съ обоими его сыновьями мы видимъ на дискѣ ¹¹⁾, найденномъ въ новѣйшее время въ Испаніи, а вмѣстѣ съ однимъ изъ его сыновей, вѣроятно Аркадіемъ ¹²⁾ и, можетъ быть, вмѣстѣ съ Евгеніемъ ¹³⁾ мы встрѣчаемъ его на монетахъ. Аркадій является въ означенномъ украшеніи на монетахъ какъ отдѣльно ¹⁴⁾, такъ и вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то императоромъ, можетъ быть, Гоноріемъ ¹⁵⁾. За тѣмъ слѣдуютъ монеты съ подобными же

1) De sacris aed. a. Const. M. constructis Tab. 2, 4.

2) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 306. Eckhel: Doctr. Num. T. VIII. стр. 34. Lenormant: Trés. de num. Emp. Rom. Pl. 62, 6.

3) Tristan: Comm. hist. T. III. стр. 616. Du Cange: Fam. Byzant. стр. 35. 14. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 231. 349.

4) Oesel: Thes. num. Tab. 67, 2. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 392. Münter: Sinnb. der Chr. Taf. 5, 8.

5) Abhandl. der kön. sächs. Ges. der Wiss. T. II. стр. 555. 574.

6) Oesel: Thes. num. Tab. 70, 12. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 332.

7) Lenormant: Trés. de num. Emp. Rom. Pl. 62, 15. Arneth: Gold- und Silber-Mon. Taf. 16, 11^a.

8) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 455.

9) Venuti: Num. max. mod. T. II. Tab. 114. Eckhel: Doctr. Num. T. VIII. стр. 155. Arneth: Gold- und Silber-Mon. Taf. 16, 10. 11. Taf. 17, 9. 15.

10) Caylus: Num. aur. Imp. № 1158. Eckhel: Doctr. Num. T. VIII. стр. 154. Arneth: Gold- und Silber-Mon. Taf. 14, 12. 16, 8.

11) Delgado: Mem. hist.-crit. sobre el gran disco de Theodosio 1849. Arneth: Sitzungs-Ber. der Wiener Akad. Th. I. Taf. 3. Gold- und Silber-Mon. стр. 67.

12) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 507. Caylus: Num. aur. Imp. № 1174. 1175.

13) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 524. Num. Pembroch. T. I. Tab. 26, 69. Caylus: Num. Aur. Imp. № 1193. 1200.

14) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 527.

15) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 529. Num. Pembroch. T. I. Tab. 27, 68.

изображеніями Θεодосія II и Валентіана¹⁾, Льва Старшаго и Майоріана²⁾, Льва Младшаго отдѣльно³⁾ или вмѣстѣ съ отцомъ его Зенономъ⁴⁾, Авастасія I⁵⁾, Юстина I и Юстиніана I⁶⁾ или послѣдняго отдѣльно⁷⁾. Въ мозаичномъ же произведеніи въ церкви St.-Vitale въ Римѣ съ нимбомъ является не только Юстиніанъ, но и супруга его Θεодора⁸⁾. Въ особенности при Юстинѣ II и супругѣ его Софіи мы постоянно встрѣчаемъ это украшеніе на монетахъ, выбитыхъ въ царствованіе означеннаго императора⁹⁾. Точно также и Тиберій Константинъ вмѣстѣ съ своего супругою Анастасією изображенъ на одной монетѣ¹⁰⁾, а Флавій Тиберій Маврикій, вмѣстѣ въ своей супругою Константиною — на многихъ¹¹⁾. Далѣе мы находимъ этотъ атрибутъ на одной монетѣ при Фокѣ и Леонтіи¹²⁾, на другой же видимъ его только при Леонтіи¹³⁾. Въ одной рукописи Григорія Назіанзинна мы встрѣчаемъ это украшеніе при Евдокіи и ея обоимъ сыновьямъ Львѣ VI и Александрѣ¹⁴⁾, на одной монетѣ¹⁵⁾ при Теофанѣ, супругѣ Романа II, и на одномъ рельефѣ изъ слоновой кости¹⁶⁾ при Романѣ IV и его супругѣ Евдокіи.

1) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 65, 39. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 452, 558.

2) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 589. Caylus: Num. aur. Imp. № 1337.

3) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 597. Rev. num. 1858. Pl. 6, 2.

4) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 596. Num. Pembroch. T. I. Tab. 31, 66.

5) Saulcy: Classif. des suites monét. byzant. Pl. 1, 3.

6) Saulcy: Classif. des suites mon. byzant. Pl. 2, 2. Pinder: Münzen Justinians Taf. 1, 1.

7) Pinder: Münzen Justinians Taf. 2, 3, 6. стр. 71. № 2.

8) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 97. Ciampini: Vetera monum. T. II. Tab. 22.

9) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 90, 35, 92, 6. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 619, 620, 650. Mém. de la soc. arch. de St. Pétersbourg T. IV. Pl. 17. № 14—18. Sabatier: Iconogr. d'une coll. de méd. Pl. 5, 32, 6, 1—26.

10) Saulcy: Class. des suit. monét. byzant. Pl. 4, 1. Mém. de la soc. arch. de St. Pétersbourg T. IV. Pl. 18, 26.

11) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 104, 41. Banduri: Num. Imp. Rom. стр. 662, 41. Köhler: Gesamm. Schrift. Th. I. Taf. 2, 14, 15. Th. II. Taf. 10, 26. Saulcy: Classif. des suit. mon. byzant. Pl. 4, 8, 9. Mém. de la soc. arch. de St. Pétersbourg T. III. Pl. 1, 4—7. Rev. num. 1858. Pl. 12, 1, 4, 5.

12) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 671. Mém. de la soc. arch. de St. Pétersb. T. IV. Pl. 20, 41.

13) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 109, 23. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 671, 23.

14) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 139.

15) Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 735.

16) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 162.

Въ одной Ватиканской рукописи мы встрѣчаемъ съ нимбомъ Алексѣя I Комнина ¹⁾, а въ другой Іоанна II Комнина съ сыномъ его Алексѣемъ ²⁾ и Θεодора Ласкариса на двухъ большихъ золотыхъ монетахъ ³⁾. Изъ Палеологовъ являются въ такомъ украшеніи Мануилъ II какъ на монетахъ отдѣльно ⁴⁾ или съ своею супругою и сыномъ Іоанномъ ⁵⁾, такъ и въ рукописи Діонисія Ареопажита вмѣстѣ съ супругою и сыновьями Іоанномъ и Θεодоромъ, между тѣмъ какъ младшій сынъ его Андроникъ представляется безъ означеннаго атрибута ⁶⁾. Наконецъ изображеніе Іоанна VIII съ нимбомъ находится на двухъ серебряныхъ монетахъ ⁷⁾.

До какой степени нимбъ въ средніе вѣка считался однимъ изъ важнѣйшихъ и неотъемлемыхъ атрибутовъ царскаго достоинства, видно изъ того, что въ мозаичныхъ произведеніяхъ въ церкви St. Maria Maggiore, въ Римѣ, относящихся къ пятому столѣтію, даже Иродъ два раза представленъ съ такимъ украшеніемъ ⁸⁾, а въ одной Ватиканской рукописи и Фараонъ ⁹⁾. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ атрибутъ встрѣчается не только при Карлѣ Великомъ ¹⁰⁾ въ одной старой картинѣ въ Ватиканскомъ собраніи, но и при старыхъ, къ сожалѣнію, теперь уже разрушившихся статуяхъ другихъ древне-франкскихъ королей, которыя украшали порталъ церкви S. Germain des Prés ¹¹⁾. Но долѣе всего сохранилось это обыкновеніе въ Грузіи. Сборникъ, роскошно изданный княземъ Гагариннымъ, сдѣлалъ для насъ извѣстнымъ цѣлый рядъ стѣнныхъ изображеній въ грузинскихъ церквахъ. Эти замѣчательныя по содержанію изображенія представляютъ въ нимбѣ

1) Schulz: Bull. dell' Inst. arch. 1841. стр. 105.

2) Buonarruoti: Vetri ant. стр. 62.

3) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 218. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 767.

4) Saulcy: Classif. des suites mon. byzant. Pl. 33, 4. 5.

5) Saulcy: Classif. des suites mon. byzant. Pl. 33, 6.

6) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 242.

7) Saulcy: Classif. des suites mon. byzant. Pl. 33, 7. 8.

8) Ciampini: Vet. monum. T. I. Tab. 49. Platner: Beschr. Roms Th. III, 2. стр. 278.

9) Buonarruoti: Vetri ant. стр. 62.

10) Magasin pittoresque 1858. стр. 389.

11) Bouquet: Rec. des Hist. des Gaules T. II. стр. 723. Magasin pittoresque 1858. стр. 389.

грузинскихъ царей вмѣстѣ съ прочими членами ихъ семейства ¹⁾. По розысканію ак. Броссе ни одно изъ нихъ не древнѣе одиннадцатаго столѣтія, новѣйшія же должны принадлежать шестнадцатому и, можетъ быть, даже восемнадцатому столѣтію, и въ одномъ официальномъ документѣ семнадцатаго столѣтія мы находимъ нимбъ при изображеніи персидскаго шаха Аббаса ²⁾.

Теперь остается еще рѣшить вопросъ, употреблялись ли нимбъ, лучезарный вѣнецъ или лучезарная корона въ древнемъ искусствѣ только при державныхъ особахъ и членахъ ихъ семейства или также и при другихъ значительныхъ лицахъ какъ при участіи ихъ въ какомъ-либо священномъ дѣйствіи, такъ и для выраженія ихъ высшаго божественнаго происхожденія. Конечно, согласно съ столь обширно распространеннымъ въ позднѣйшее время обычаемъ включать кого угодно въ число героевъ или боговъ, можно предположить это, однако, не имѣя вполнѣ ясныхъ указаній на то въ самихъ произведеніяхъ, я не рѣшаюсь высказать свое мнѣніе окончательно.

При этомъ не лишнимъ считаю напомнить объ одной замѣчательной стѣнной картинѣ, которая представляетъ какого-то юношу на лету и въ одной только хламидѣ; въ одной рукѣ онъ держитъ метелку, а въ другой — лучезарную корону ³⁾. По послѣднему атрибуту я отношу его къ многочисленному разряду открытыхъ въ Помпей и Геркуланъ изображеній, которыя представляютъ летящихъ юношу или дѣвицу, съ какою-то фигурою на плечахъ. Очевидно, эти картины изображаютъ обоготвореніе того лица, которое представляется фигурою, находящеюся на плечахъ юноши или дѣвицы. Какое бы ни было имя юноши или дѣвицы, я однако не сомнѣваюсь, что и юноша выше-означенной картины принадлежитъ къ одной съ ними категоріи, и что живописецъ далъ ему въ руку лучезарную корону для того, чтобы сдѣлать его назначеніе понятнѣе, такъ какъ онъ изобразилъ его безъ обыкновенной въ такомъ случаѣ ноши на плечахъ. Но я не нахожу въ этомъ произведеніи никакого

1) Въ церквахъ въ Гелати, Gagarin: *Le Caucase pittoresque*, Paris 1847. Pl. 8; въ Греми, тамъ-же Pl. 45; въ Некрези, тамъ-же Pl. 48; и въ Атеи, тамъ-же Pl. 57.

2) Gagarin: *Le Caucase pittoresque* Pl. 59.

3) Pitt. d'Ercol. T. III. стр. 125. Mus. Borb. T. VIII. Tav. 9.

намекъ на то, что въ немъ изображается апотеоза какого-либо императора или другаго властителя.

Въ близкой связи съ этою картиною находится одна бронзовая статуэтка хорошей этрусской работы; она хранится въ Флорентійскомъ музеѣ ¹⁾ и до сихъ поръ была объясняема весьма ошибочно. Чтобы получить правильный взглядъ на нее, достаточно припомнить, что въ произведеніяхъ древняго искусства души умершихъ являются, кромѣ другихъ видовъ, также въ видѣ маленькихъ дѣтей, и что Гермесъ въ древнѣйшее время изображался съ крыльями не у ножныхъ лодышекъ, но у плечъ ²⁾. На основаніи этого, по моему мнѣнію, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что означенная статуэтка представляетъ Гермеса $\psi\chi\omicron\sigma\tau\omicron\mu\epsilon\varsigma$ съ душою какого-то человѣка, причисленнаго къ героямъ или богамъ, которую онъ несетъ на Олимпъ или на острова блаженныхъ. Конечно, Гермесъ не рѣдко представляемъ былъ древними, какъ $\tau\alpha\iota\delta\omicron\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$, и въ этомъ смыслѣ поставленъ былъ въ связь съ Діонисомъ, Паномъ, Асклепіемъ, Иракломъ, Аристэемъ, Аркасомъ и т. д., однако лучезарная корона или лучезарный вѣнецъ при каждомъ изъ этихъ боговъ и героев были бы неумѣстны въ означенномъ случаѣ. Напротивъ того предположеніе, что эта статуэтка изображаетъ обоготвореніе души какого-либо умершаго человѣка, подтверждается изображеніемъ, находящимся на одномъ рельефѣ, который хранится въ Парижскомъ собраніи ³⁾. На этомъ рельефѣ изображенъ Гермесъ $\psi\chi\omicron\sigma\tau\omicron\mu\epsilon\varsigma$, несущій душу умершаго человѣка, окруженную чѣмъ-то въ родѣ шарфа, который, какъ мы уже неоднократно замѣчали въ этомъ изслѣдованіи, иногда замѣняетъ нимбъ или лучезарный вѣнецъ (см. выше стр. 20. 45. 84. 96). Но, конечно, никто не станетъ утверждать, что при этомъ художникъ имѣлъ въ виду обоготвореніе какого-нибудь умершаго властителя.

На передней сторонѣ одной этрусской урны, которая по стилю своему, очевидно, относится ко времени римскаго иску-

1) Gori: Mus. Etrusc. T. I. Tab. 38. Gall. di Fir. Ser. IV. Tav. 24. Raoul-Rochette: Mon. Inéd. Pl. 42, 2. Panofka: Ann. dell' Inst. arch. T. II. Tav. agg. L, 1.

2) Напр. у Micali: Storia Tav. 85.

3) Millin: Voyage au midi Pl. 65, 2. Bouillon: Musée des ant. T. III. Basrel. Pl. 9, 1. Clarac: Musée de sculpt. Pl. 216. № 768.

ства, если вѣрить рисунку Демпстера¹⁾, мы находимъ какого-то мужа съ бородой и въ лучезарной коронѣ; онъ изображенъ въ тотъ моментъ, какъ уже повергъ на землю какое-то чудовище подземнаго царства изъ породы кентавровъ (которыми фантазія позднѣйшаго времени населила подземное царство). Безъ сомнѣнія, этотъ мужъ представляетъ того, чей пепелъ хранился въ означенной урнѣ, и каждый пойметъ, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо царѣ или другомъ властителѣ. Что же касается короны, то она служитъ здѣсь для указанія на обоготвореніе того мужа послѣ смерти²⁾.

Изъ произведеній греческаго искусства слѣдуетъ упомянуть объ одномъ замѣчательномъ обломкѣ отъ мраморнаго рельефа, находящемся въ Афинахъ, въ Акрополисѣ подъ № 2151. Я лично осмотрѣлъ этотъ обломокъ и срисовалъ его; потому съ убѣжденіемъ могу сказать, что рисунокъ г. Лаборда³⁾ относительно всего существеннаго удовлетворителенъ, хотя мальчикъ, ведущій барана, вышелъ нѣсколько массивенъ. Подобно Лаборду, я нашелъ здѣсь нѣчто похожее на нибѣ при головѣ мужской фигуры, вооруженной копьемъ. По своему стилю этотъ рельефъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ первымъ вѣкамъ по Р. Х.; по содержанію изображенія, какъ открывается при первомъ размышленіи, заимствовано изъ языческаго міра, въ чемъ однако Лабордъ убѣдился только послѣ долгихъ и напрасныхъ околичностей. Хотя змѣя, вьющаяся около дерева, можетъ напомнить о змѣѣ искуссителя, а мальчикъ съ бараномъ — о погибшей овцѣ Новаго Завѣта, однако соединеніе этихъ двухъ элементовъ въ одномъ изображеніи не имѣетъ никакого смысла, и еще менѣе въ связи съ мужемъ, который изображенъ съ копьемъ. Но часто встрѣчая мальчика съ бараномъ въ изображе-

1) Etrur. Reg. Tab. 21. Boettiger: Vasengem. Heft 8. стр. 130. Millin: Gal. Myth. Pl. 187. № 501***. Guigniaut: Rel. de l'aut. Pl. 209. № 715^d.

2) Сюда можно отнести и урну въ томъ-же самомъ стилѣ, которая находится въ Ватиканскомъ музеѣ и которая срисована у Gori: Mus. Etr. T. I. Tab. 185. Впрочемъ по снимку Micali: Storia Tav. 106. умершая изображена какъ на рельефѣ, украшающемъ переднюю сторону урны, такъ и на крышкѣ скульптурно, не въ лучезарной коронѣ, а только въ зубчатомъ головномъ уборѣ, который такъ часто встрѣчается на женскихъ фигурахъ безъ всякаго внутренняго значенія.

3) Rev. arch. T. IV. Pl. 68.

нѣхъ греческихъ жертвоприношеній, а дерево со змѣю какъ въ многочисленныхъ представленіяхъ жертвоприношеній, такъ и на надгробныхъ камняхъ ¹⁾, и понимая значеніе того и другаго въ этихъ случаяхъ, мы можемъ утверждать, что означенный обломокъ принадлежитъ къ разряду первыхъ. Не углѣвша-я его часть, по всему вѣроятію, изображала лица, приближавшіяся для поклоненія тому, кого представляетъ мужская фигура съ копьемъ, и въ серединѣ между ними, какъ весьма часто встрѣчается въ другихъ произведеніяхъ искусства, долженъ былъ находиться жертвенникъ. Но что фигура, въ честь которой совершается жертва, представляетъ не бога и не какого-либо древняго героя, но какого-то человѣка, послѣ смерти причисленнаго къ героямъ, то подтверждается какъ отсутствіемъ всякаго характеристическаго атрибута, такъ и деревомъ съ змѣю, которое встрѣчается и на памятникахъ, и въ изображеніяхъ жертвоприношеній ²⁾. Итакъ нимбъ служить здѣсь для выраженія той почести, которой удостоился послѣ смерти какой-то человѣкъ изъ среды народа.

Но иначе представляется дѣло при нѣкоторыхъ скульптурныхъ произведеніяхъ, оставленныхъ намъ Сассанидами. На одномъ рельефѣ изъ Такъ-и-Бостана ³⁾ мы видимъ за фигурою царя какую-то другую фигуру, которую, по моему мнѣнію, смѣло можно принять за царскаго оруженосца; голова этой фигуры окружена большимъ лучезарнымъ вѣнцомъ. Такъ какъ мы не находимъ этого украшенія при царѣ и знаемъ, что греческими и римскими художниками оно часто было употребляемо при изображеніи грозныхъ боговъ войны и могущественныхъ героевъ; то, конечно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ атрибутъ служитъ здѣсь для указанія, если не на божественное происхожденіе, то, по крайней мѣрѣ, на высокое достоинство и въ особенности на страшную силу этого оруженосца. И если это справедливо, то не можетъ быть недоумѣнія и относи-

1) Stephani: Der ausruhende Herakles стр. 64.

2) О жертвоприношеніяхъ въ честь умершихъ и о различіи ихъ отъ надгробныхъ памятниковъ я говорилъ подробно въ моемъ изслѣдованіи: Der ausruhende Herakles стр. 65 — 94.

3) Ker Porter: Travels in Georgia, Persia etc. T. II. Pl. 66. Coste et Flaudin: Voyage en Perse etc. T. I. Pl. 14. Lajard: Recherches sur Mithra Pl. 11.

тельно одного каменнаго рельефа изъ Тенг-и-Саулека ¹⁾. У ногъ лежащей на софѣ фигуры, уже носящей на себѣ слѣды разрушительнаго времени и представляющей какого-то царя, или царицу, сидятъ два человѣка, вооруженные копьями, и одинъ изъ нихъ отличается лучезарнымъ вѣнцомъ вокругъ головы. По сущности эта фигура соотвѣтствуетъ, конечно, оруженосцу перваго рельефа, хотя еще легче можно принять ее за высшаго начальника тѣлохранителей съ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Но труднѣе сдѣлать заключеніе о третьемъ рельефѣ, который принадлежитъ той-же мѣстности, какъ и первый ²⁾. Въ серединѣ изображенной на немъ большой охотничьей сцены мы видимъ въ двухъ различныхъ лодкахъ двѣ мужскія фигуры, отличающіяся отъ прочихъ участниковъ въ дѣлѣ, какъ мѣстами, которыя онѣ занимаютъ, такъ и сходствомъ между собою во всѣхъ частяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одна изъ нихъ является съ нимбомъ. Изъ этого можно заключить только то, что фигура съ нимбомъ изображаетъ оруженосца, а фигура безъ нимба — царя, или на оборотъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о монетахъ, которыя императоръ Платидій Валентиніанъ приказалъ выбить по примиреніи Платидія съ Бонифаціемъ въ честь этого могущественнаго полководца. Одна изъ нихъ, если вѣрить снимкамъ ³⁾, представляетъ Бонифація на триумфальной колесницѣ, везомой четырьмя оленями. Въ правой рукѣ онъ держитъ вѣнокъ и плетку, а въ лѣвой — пальмовую вѣтвь; голова же его окружена большимъ лучезарнымъ вѣнцомъ, который имѣетъ здѣсь такое-же значеніе, какое мы видѣли въ немъ на нѣкоторыхъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ отъ Сассанидовъ.

Впрочемъ въ настоящее время я ограничиваюсь тѣмъ, что обращаю вниманіе читателя на эти замѣчательныя изображенія. Но можетъ быть какое-нибудь произведеніе искусства, оставленное до сихъ поръ безъ вниманія, пролетѣть еще болѣе свѣта на дѣло, составляющее предметъ моего изслѣдованія.

1) Coste et Flandin: Voyage en Perse T. IV. Pl. 224.

2) Ker Porter: Travels in Georgia, Persia etc. T. II. Pl. 68. Coste et Flandin: Voyage en Perse T. I. Pl. 10.

3) Du Cange: Fam. Byzant. стр. 67, 3. Banduri: Num. Imp. Rom. T. II. стр. 503. 574.

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

Листъ I

Стран.

1. Гелиосъ на вазѣ съ черными фигурами, 5 или 6-го столѣтія до Р. Р., по *Elite céramogr.* Т. II. Pl. 115..... 34
2. Гелиосъ, Эосъ и Фосфоръ на вазѣ съ красными фигурами, 3-го вѣка до Р. X. по *Guigniaut: Rel. de l'ant.* Pl. 149^{1er}. № 555^b. стр. 35. 38. 82
3. Гелиосъ и Эосъ на вазѣ съ красными фигурами, 2-го вѣка до Р. X. по *Elite céramogr.* Т. II. Pl. 114..... 35
4. Селена на вазѣ съ красными фигурами, 2-го вѣка до Р. X. по *Gargiulo: Rec. des mon.* Т. II. Pl. 45..... 75
5. Богиня побѣды на вазѣ съ красными фигурами, 3-го вѣка до Р. X. по *Guigniaut: Rel. de l'ant.* Pl. 241. № 823..... 70
6. Беллерофонтъ на вазѣ съ красными фигурами, 2-го вѣка до Р. X. по *Jahn: Arch. Beitr.* Taf. 5..... 41
7. Фуриѳ на вазѣ съ красными фигурами, 3-го вѣка до Р. X. по *Inghirami: Vasi fitt.* Tav. 55..... 90
8. Лампадохромы на вазѣ съ красными фигурами, 3-го вѣка до Р. X. по *Stephani: Ant. du Bosph. Cimm.* Pl. 63, 5..... 141
9. Хриза на вазѣ съ красными фигурами, 3-го вѣка до Р. X. по *Guigniaut: Rel. de l'ant.* Pl. 94. № 354..... 165

Листъ II

1. Зевсъ на помпейской стѣнной картинѣ, 1-го вѣка по Р. X., по *Müller: Denkm.* Th. II. № 16..... 17
2. Деметра на помпейской стѣнной картинѣ, 1-го вѣка по Р. X., по *Müller: Denkm.* Th. II. № 90..... 62
3. Гелиосъ и Селена на помпейской стѣнной картинѣ, 1-го вѣка по Р. X. по *Mus. Borb.* T. XI. Tav. 3..... 76

4. Афродита на помпейской стѣнной картинѣ, 1-го вѣка по Р. X., по Mus. Borb. T. XII. Tav. 32..... 166
5. Фортуна (Tusche) на помпейской стѣнной картинѣ, 1-го вѣка по Р. X. по Mus. Borb. T. XI. Tav. 38..... 166
6. Посидонъ и Амфитрита, мозаика 2-го или 3-го вѣка по Р. X., по Archaeol. Zeit. 1860. Taf. 144..... стр. 25. 64
7. Зевсъ, Гера, Аенна, Аресъ, Аполлонъ и Афродита въ миланской рукописи Гомера, 4 или 5-го вѣка по Р. X., по Inghirami: Gall. Omer. T. I. Tav. 41..... стр. 18. 26, 31. 61. 68. 72
8. Эней, Битіасъ и Дидона въ ватиканской рукописи Виргилія 4 или 5-го вѣка по Р. X., по Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 250. № 864..... стр. 40. 46. 86
9. Весна, лѣто и осень по Notitia Dignitatum T. I. p. 116, 5-го вѣка по Р. X..... 97
10. Ночь въ рукописи 10 вѣка по Р. X., по Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 150. № 333..... 83

Листъ III.

1. Эосъ на этрусскомъ зеркалѣ, 3 или 4-го вѣка до Р. X., по Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 180..... 81
2. Аполлонъ на этрусскомъ зеркалѣ, 1 или 2-го вѣка по Р. X., по Gerhard: Etrusk. Spiegel Taf. 76..... 31
3. Пантея на рѣзномъ камнѣ 2 или 3-го вѣка по Р. X., по Arch. Zeit. 1850. Taf. 15..... 105
4. Сераписъ на рѣзномъ камнѣ, 2 или 3-го вѣка по Р. X. по Hirt: Bilderbuch Taf. 9..... 55
5. Галиосъ въ мраморномъ рельефѣ 2 или 3-го вѣка по Р. X., по Guigniaut: Rel. de l'ant. Pl. 85. № 305..... 162
6. Уранъ въ мраморномъ рельефѣ, 2 или 3-го вѣка по Р. X., по Camera: Storia di Amalfi Tav. 3..... 161
7. Танцовщицы при религіозномъ празднествѣ, въ мраморномъ рельефѣ 2 вѣка по Р. X., по Zoega: Bassirilievi Tav. 20..... 142
8. Меченосецъ сассанидскаго царя въ каменномъ рельефѣ, по Lajard: Rech. sur le culte de Mithra Pl. 11..... 187

Листъ IV.

1. Сиріусъ на серебряной монетѣ кортеиской, по Arch. Zeit. 1846. Taf. 41, 13..... 115
2. Неизвѣстный индо-скнескій царь на мѣдной монетѣ, по Wilson: Ariana Pl. 9, 16..... 178

Стран.

3. Митра-Гелиосъ на мѣдной монетѣ царя Канарки, по Wilson: <i>Agiana</i> Pl. 11, 15.....	33
4. Наная на мѣдной монетѣ царя Эрки, по Wilson: <i>Agiana</i> Pl. 11, 17.....	100
5. Индо-скинскій царь Эрки на золотой монетѣ, по Wilson: <i>Agiana</i> Pl. 14, 3.....	178
6. Индо-скинскій царь Эр-Кенорано на мѣдной монетѣ, по Wilson: <i>Agiana</i> 13, 5.....	178
7. Одинъ изъ Птолемеевъ на золотой монетѣ, по Müller: <i>Denkm. Th. I. № 254</i>	154
8. Антиохъ VI на серебряной монетѣ, по Müller: <i>Denkm. Th. I. № 242</i>	156
9. Августъ на золотой монетѣ, по Cohen: <i>Méd. Impér. T. I. Pl. 4, 183</i>	156
10. Неронъ на мѣдной монетѣ, по Cohen: <i>Méd. Impér. T. I. Pl. 11, 149</i>	157
11. Неронъ на золотой монетѣ, по Oeser: <i>Thes. numm. Tab. 66, 11</i>	178
12. Фениксъ на серебряной монетѣ Антонина Благочестиваго, битой въ Александрію, по Zoega: <i>Num. Aeg. Tab. 11</i>	113
13. Мао на мѣдной монетѣ Септимія Севера, битой въ Каманъ, по Millingen: <i>Anc. coins Pl. 5, 4</i>	50
14. Константинъ Великій на золотой монетѣ, по Beger: <i>Thes. Brandenburg. T. II. p. 800</i>	158
15. Констанцій на золотой монетѣ, по Banduri: <i>Num. Imp. T. II. p. 225</i>	158
16. Констансъ на серебряной монетѣ, по Du-Cange: <i>Fam. Byzant. p. 35, 1</i>	180
17. Анастасій I на серебряной монетѣ, по Saulcy: <i>Classif. des suites monét. Pl. 1, 3</i>	182
18. Юстинъ I и Юстиніанъ I на золотой монетѣ, по Saulcy: <i>Classif. des suites monét. Pl. 2, 2</i>	182
19. Юстиніанъ I на золотой монетѣ, по Pinder: <i>Münzen Justinians Taf. 2</i>	182
20. Юстинъ II и Софія на мѣдной монетѣ, по Du-Cange: <i>Fam. Byz. p. 90, 35</i>	182

Листъ V.

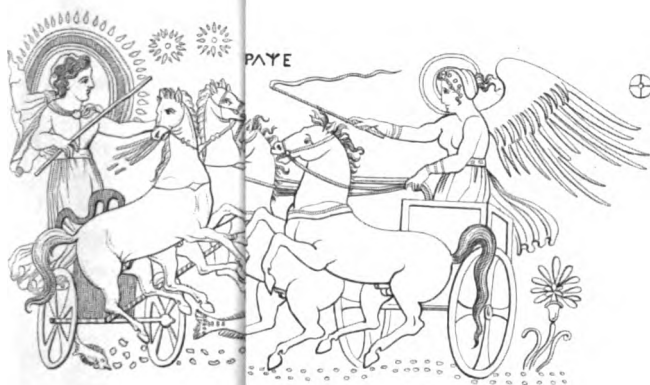
1. Θεодосίη съ двумя сыновьями на серебряномъ дискѣ, по Arch. Zeit. 1860. Taf. 136.....	181
2. Юстиніанъ и Θεодора на мозаикахъ въ Равеннѣ, по Ciampini: <i>Vet. monum. T. II. Tab. 22</i>	182

3. Евдокія съ двумя сыновьями въ рукописи Григорія Назіанзина,
по Du-Sange: Fam. Byzant. p. 139..... 182
4. Гоманъ IV и Евдокія въ рельефѣ изъ слоновой кости, по Du-
Sange: Fam. Byzant. p. 162..... 182
5. Мануилъ II съ своимъ семействомъ, въ рукописи Діонисія Арео-
пагита, по Du-Sange: Fam. Byzant. p. 242. 183
6. Карлъ Великій на картинѣ, по Дидрону: Iconogr. chrét. p. 2. 183
7. Шахъ-Аббасъ на грузинской картинѣ 17 столѣтія, по Гага-
рину: Le Caucase pittor. Pl. 59..... 184

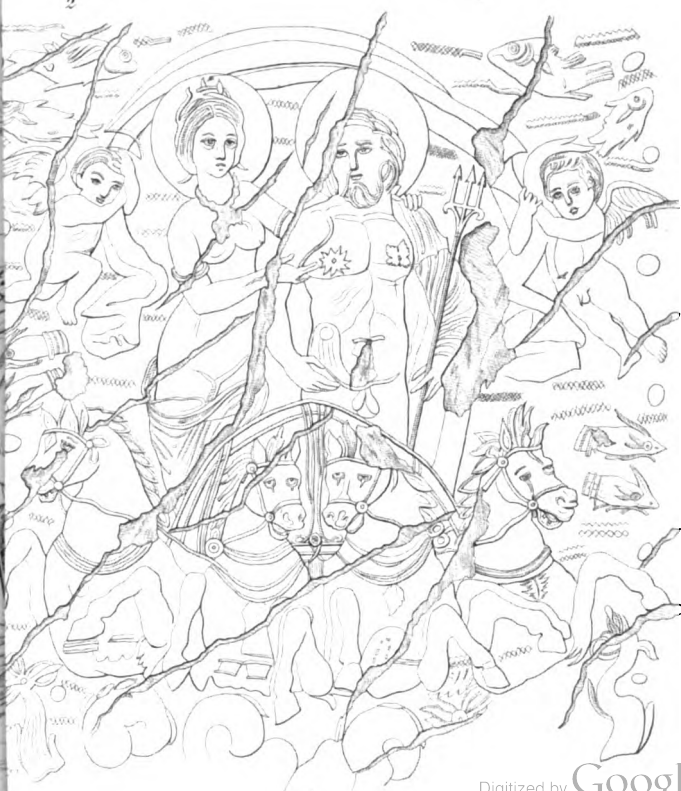
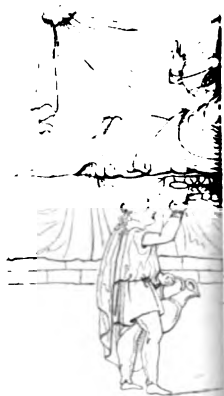
4

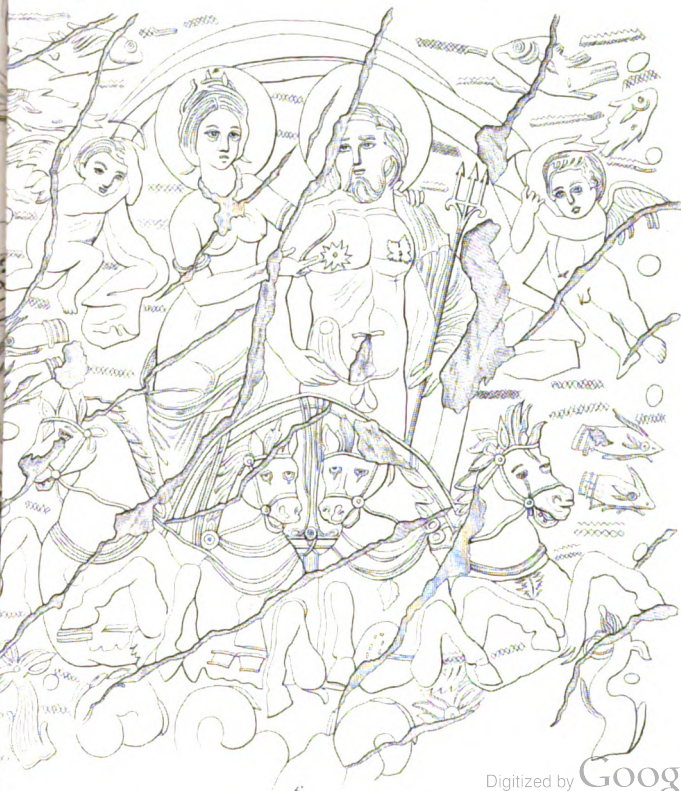

5

7

5

4

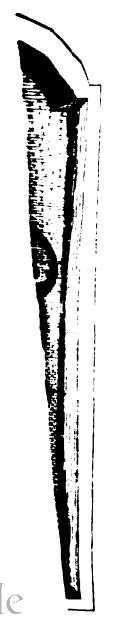
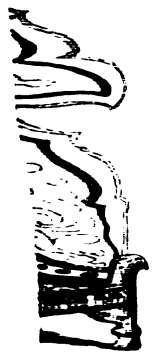

2

7.

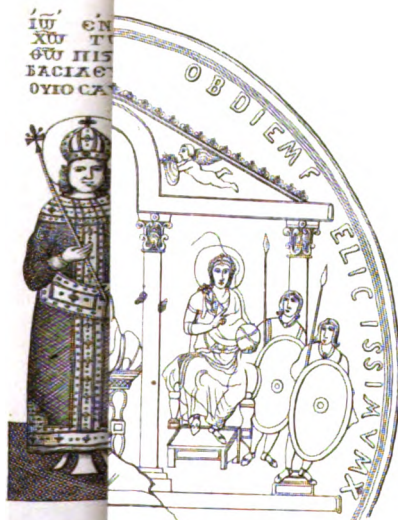
ΛΕΩΝ Δ

7.

ΜΑΝΦΗ
ΠΙΣΟΕΒ
ΑΥΤΟΚ
ΩΝ ΟΠ
ΚΑΙ ΑΕΙ

ΙΩ ΕΝ
ΧΩ Τ
ΘΩ ΠΙΣ
ΒΑΣΙΛΕ
ΟΥΙΟ ΣΑ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Аббасъ, стр. 184.
 Августъ, стр. 10. 129. 156 с.
 Агава, стр. 151. 153.
 Аглиболъ, стр. 164. 169 с.
 Агонъ, стр. 148.
 Адонисъ, стр. 39. с. 73. 131. 163.
 Аестаз, стр. 97.
 Αἰώρα, стр. 149.
 Акестъ, стр. 38. 41. 132.
 Александръ Вел., стр. 7. 16. 81. 125.
 129. 134. 136. 144.
 Александръ I. II Сирійск., стр. 156.
 Αλῆτις, стр. 149.
 Альдобрандинская свадьба, стр. 144.
 Амимона, стр. 25.
 Амфитрита, стр. 25. 64. 131.
 Анактисъ, стр. 100.
 Анастасія, стр. 182.
 Анастасій, стр. 182.
 Андрикъ, стр. 156.
 Андромеда, стр. 168.
 Андроникъ, стр. 183.
 Антиохъ, IV. VI. VIII, стр. 156. 159.
 Антонинъ Благочестивый, стр. 48. 165.
 174. 179.
 Анхизъ, стр. 73.
 Аполлонъ, стр. 10. 27. 29. с. 36. 39. 47.
 129. с. 133. 151. 161. 169. 171.
 ἀναξ, стр. 173.
 βασιλεὺς, стр. 173.
 διδυμῶς, стр. 31. 58.
 πολυχρυσός, стр. 176.
 σμινθεὺς, стр. 31.
 χρυσάωρ, стр. 176.
 Арганеоніость, стр. 67.
 Аргеосъ, стр. 52. 89. 102.
 Ардохро, стр. 127.
 Арей, стр. 13. 26. с. 60. 71. 73. 133.
 Аркадій, стр. 180.
 Аристей, стр. 185.
 Ариадна, стр. 29. 33. 85. сс. 130. 168. 171.
 Армьянскій голоу. уборъ, стр. 184.
 Артемида, стр. 20. 86. 74 с. 80 с. 128.
 133. 153. 166. 169. 171.
 αἰακασα, стр. 173.

δέσποινα. стр. 173.
 καλλίστη, стр. 171.
 ταυρικῇ, стр. 148.
 χρυσάωρος, стр. 176.
 Асканій, стр. 132.
 Астартъ, стр. 61.
 Αστραπή, стр. 87.
 Атаргатида, стр. 99.
 Атласъ, стр. 37. 108.
 Аттисъ, стр. 63. 80.
 Autumnus, стр. 97.
 Аѳродита, стр. 5. 8 с. 29. 33. 39 с. 71
 сс. 87. 130 с. 153. 166. 171.
 βασιλεια, стр. 173.
 βασιλεῖς, стр. 173.
 δέσποινα, стр. 173.
 μέδουσα. стр. 173.
 οὐρανία, стр. 72. 175.
 χρυσῇ, стр. 176.
 Ахиллъ, стр. 14. 33. 39. 44 с. 69. 130.
 175.
 Аѳина, стр. 5 сс. 14. 21. 28. 44. 47. 67
 сс. 129 с. 133. 150. 165.
 δέσποινα, стр. 173.
 χρυσῇ, стр. 176.
 Аѳро, стр. 66. 132.

Бальбинъ, стр. 157.
 Барсъ, стр. 107.
 Беллерофонъ, стр. 28. 41. 96. 130.
 Битіасъ, стр. 46. 86. 132.
 Брамизмъ, стр. 126.
 Буддизмъ, стр. 28, 126.

Ваалъ-Молохъ, стр. 19.
 Валентиніанъ, стр. 181. 188.
 Валентъ, стр. 181.
 Вараранъ, стр. 158. 180.
 Веревка, стр. 80.
 Vergnus, стр. 97.
 Virtus, стр. 97.
 Вологезъ, стр. 158.
 Вѣнокъ изъ листьевъ, стр. 136.
 Вѣчность, стр. 94. с. 104. 130. с.

Габаа, стр. 103.
 Гадесъ, стр. 161. 172.
 ἀναξ, стр. 172.
 Газа, стр. 103.
 Галия, стр. 32.
 Галлиенъ, стр. 138. 157.
 Ганимедъ, стр. 163.
 Гарпократъ, стр. 58 с.
 Гекуба, стр. 86. 130.
 Геката, стр. 50, 78 ссс. 180. 140. 153.
 Гелиосъ, стр. 16. 19. 22. 32 с. 43. 47.
 58. 63. 76 сс. 80. 88. 125. 129 с. 174.
 βασιλεύς, стр. 174.
 Гелла, стр. 48.
 Гелимъ, стр. 46. 132.
 Гера, стр. 10. 21. 61 с. 132 с. 136. 164.
 169.
 βασίς, стр. 178.
 Тераклъ, стр. 36. 46. 93. 110. 130. 185.
 Гермафродитъ, стр. 23. 131.
 Гермесъ, стр. 10 с. 29. 70. 80. 130.
 καϊδοκίμος, стр. 185
 ψυχόκομος, стр. 185.
 Геродианъ, стр. 138.
 Гесперъ, стр. 37.
 Гефестъ, стр. 14. 132.
 Гиласъ, стр. 87.
 Гилеира, стр. 149.
 Гипподамея, стр. 169
 Голубъ, стр. 22.
 Гонорій, стр. 181.
 Горгона, χρυσή, стр. 6. 27. 92. 176.
 Гордіанъ, стр. 157. 164.
 Горосъ, стр. 58 с. 130. 164. 169.
 Грифъ, стр. 107. 151.
 Грузинскіе цари, стр. 184.
 Гэя, стр. 19. 169.

 Дарикъ, стр. 184.
 Дарій Гистаспъ, стр. 135.
 Деймосъ, стр. 27. 60. 130.
 Дидона, стр. 86. 132.
 Дике, χρυσή, стр. 176.
 Дикеозина, стр. 176.
 Димитра, стр. 5. 19. 62. 131. 165.
 δέσποια, стр. 173.
 χρυσότορος, стр. 176.
 Димитрій III, стр. 156.
 Диомедъ, стр. 13. 44.
 Дионисъ, стр. 28. с. 33. 63. с. 106. 131.
 161. 168. 179. 185.
 Диоскуры, стр. 148. 162. 169.
 Дугообразное полотно, стр. 20. 45. 75.
 84.
 Дѣва, стр. 105.

 Евгений, стр. 181.
 Евдокія, стр. 182.
 Европа, стр. 19.
 Елена, стр. 169. 171. 174.

Жукъ, стр. 121. 130.
 Жезлъ, стр. 136.

 Заецъ, стр. 151.
 Звѣзды, стр. 108.
 Зевсъ, стр. 4. 17. 38. 58. 136. 160. 170.
 Αργαῖος, стр. 52. 130.
 ἀστέριος, стр. 19. 129.
 βασιλεύς, стр. 173.
 Δαδδοναῖος, стр. 23.
 κεραυνος, стр. 174.
 Σαραπίς, стр. 57.
 χρυσός, стр. 176.
 Зенонъ, стр. 182.

 Изида, стр. 58. 79. с. 123. 139. с. 146.
 Икандро, стр. 127.
 Иксионъ, стр. 27.
 Ирида, стр. 62. 70. 84. 130. 132.
 Иродъ, стр. 183.

 Иао, стр. 112. 163. 199.
 Иерихонъ, стр. 103.
 Иеродулы, стр. 143.
 Иерофантъ, стр. 79. 146.
 Иоаннъ, стр. 183.

 Кабиры, стр. 54. 180. 163.
 Кандрагупта, стр. 178.
 Канерки, стр. 33. 49. 164.
 Каракалла, стр. 94. 157.
 Кирлъ Вел., стр. 17. 183.
 κίτρον, стр. 92.
 Кидарисъ, стр. 50.
 Клавдій, стр. 178.
 Кнефъ, стр. 120.
 Комаро, стр. 127.
 Коммодъ, стр. 17.
 Константина, стр. 182.
 Константинополь, стр. 103. 180.
 Константинъ Вел., стр. 114. 158. 180 с.
 Константъ, стр. 114. 181.
 Констанцій, стр. 114. 158. 181.
 Корона въ видѣ городской стѣны или
 башни, стр. 165. 167.
 Кронъ, стр. 38. 130.
 Кругъ мѣсяца, стр. 22. 124.
 солнца, стр. 34. 124.

 Лавинія, стр. 15.
 Лапидохромія, стр. 146.
 Ларъ, стр. 124.
 Ласкарисъ, стр. 183.
 Латинъ, стр. 159.
 Левъ, стр. 28. 116 ссс. 130. 180. 184.
 Леда, стр. 33. 87. 131.
 Леонтія, стр. 182.
 Леонъ, стр. 182.
 Ликургъ, стр. 90 с.

Лисса, стр. 28. 90 с. 130.
Лучистый вѣнецъ, стр. 23. 35. 134 с.

Магненцій, стр. 181.
Мао, стр. 28. 49. 60. 130. 164. 169.
Мануилъ, стр. 183.
Матроны, стр. 101.
Матрона, стр. 131.
Майоріанъ, стр. 182.
Медея, стр. 33. 77. 88. 92 с. 130 с.
Менады, стр. 63 с. 91. 131. 143. 151 с.
Менелай, стр. 25 с.
Мемнонь, стр. 82. 145.
Μεγάλα, стр. 84.
Мистеріи, стр. 138 с.
Митра или Мѣра (Mithras), богъ, стр.
33. 78 ссс. 80. 130. 164. 169.
Мѣра или Митра, богиня, стр. 79. 80.
164. 169.
Молніи, стр. 22. 116. 119.
Музы, стр. 132.
μυσαί, стр. 176.

Накея, стр. 28. 100. 130.
Наяды, стр. 66. 171
Небесный сводъ, стр. 20.
Неренды, стр. 43.
νρησαί, стр. 176.
Неронъ, стр. 157. 178.
Нетость, стр. 28. 60 с. 130.
Нике, стр. 22. 28. 70 с. 98. 130 с. 165.
νικη, стр. 170. 176.
νικησις, стр. 171.
Никсъ, стр. 83 сс.
Нилъ, стр. 103.
Notitia dignitatum, стр. 97, 102. 131.
Ночь, см. Никсъ.

Овенъ, стр. 105.
О вѣсто ОУ, стр. 171.
Odi Vod, стр. 127.
Озирисъ, стр. 55.
Океанъ, стр. 14. 136.
Окро, стр. 127.
Орестъ, стр. 138. 148.
Орейѳея, стр. 122.
Орелъ, стр. 20 ссс. 53.
Ормуздъ, стр. 127.
Орфей, νρησαί, стр. 176.

Павлинъ, стр. 123.
Панъ, стр. 166. 185.
Пантея, стр. 104.
Парисовъ судъ, стр. 123.
Пелей, стр. 65.
Пелопсъ, стр. 168. 171. 174.
Пенаты, стр. 11.
Pentheus, стр. 143.
Персидская тіара, стр. 134 с.

Плеть, стр. 59. 185,
Плутонь, стр. 58.
ἀναξ, стр. 173.
Плутось, стр. 171.
Полумѣсяцъ, стр. 36. 49. 51. 77. 100.
Посидонъ, стр. 13. 25. 43. 55. 64. 131.
Προβότης, стр. 84.
Пріамъ, стр. 14. 48. 132.
Провиденція, стр. 97.
Προσέυχη, стр. 84.
Προφητεία, стр. 84.
Прометей, стр. 109.
Протей, стр. 2. 25 с. 28. 130.
Психея, стр. 64.
Птоломеи, стр. 154 с.
Пупіень, стр. 157.

Радуга, стр. 65. 84.
Рей, стр. 62 сс. 131.
Римъ, стр. 103.
Рога, стр. 36.
Рогъ изобилія, стр. 58. 105 155 с.
Романъ, стр. 182.
Ромулъ, стр. 76. 78.
Руль, стр. 105.

Σαλῖα, стр. 150.
Самудрагунта, стр. 478.
Сассаниды, стр. 158.
Сатиръ, стр. 123. 151.
Сатурнинъ, стр. 158.
Сатурнь, стр. 130.
Селена, стр. 35. 37. 58. 75 ссс. 80.
129 с. 155. 166. 169.
ἀνασσα, стр. 174.

Семела, стр. 21.
Септимій Северъ, стр. 105. 159.
Сераписъ, стр. 55. 60. 130.
Сервій Тулліи, стр. 179.
Сирийская богиня, стр. 99. 127.
Сириусъ, стр. 16. 28. 44. 115. 129 с.
Скамандры, стр. 103. 132.
Скандагунта, стр. 178.
Σκιάδφορία, стр. 149.
Скопія, стр. 89. 102. 130. 167. 170.
Славянскіе боги, стр. 123.
Созиполисъ, стр. 175.
Σομπια, стр. 6.
Сова, стр. 112.
Σοφία, стр. 84.
Софія императрица, стр. 182.
Стенторъ, стр. 13.
Сѣинксъ, стр. 28. 106 ссс. 130.
Scientia rei militaris, стр. 97.

Талія, стр. 20. 169. 171.
Ταυροκατάψα, стр. 147.
Тезей, стр. 164.
Телетесъ, стр. 142. 147.
Тиверій Константинъ, стр. 182.

Титаны, стр. 186.
 Титъ, стр. 179.
 Тисеонъ, стр. 82.
 Тусхе (или Фортуна), стр. 21. 59. 166.
 176.

δίσκοινα, стр. 175.

regina, стр. 175.

Трапизъ, стр. 157. 179.

Турпъ, стр. 11. 15. 182.

Уранъ, стр. 161. 170.

Фама, стр. 71.

Фараонъ, стр. 183.

Фаро, стр. 52.

Фауста, стр. 181.

Фазтонъ, стр. 16.

Фениксъ, стр. 118 с. 180.

Филиппъ V, стр. 156.

Филомела, χρυσή, стр. 171. 176.

Флавій-Тиверій-Маврикій, стр. 182.

Фобосъ, стр. 27. 60. 180.

Фока, стр. 182.

Фортуна, см. Тусхе.

Фосеоръ, стр. 87 с. 70. 80. 129.

Франкскіе короли, стр. 183.

Фригійская шапка, стр. 49. 79 сс.

Фриксъ, стр. 33. 48 с. 181.

Фуріи, см. Эрриніи.

Химера, стр. 42. с. 44. 107.

Хиронъ, стр. 39.

Хиодомарій, стр. 138.

Хлубисъ, стр. 120. 181.

Хризаоръ, стр. 176.

Хриза, стр. 137. 176.

χρυσοί Δεοί, стр. 176.

χρυσός, стр. 171.

Цефалъ, стр. 81.

Цирцея, стр. 33. 87 с. 130 с.

Шаръ, стр. 96.

Шлемъ, стр. 105.

Щитъ, стр. 34. 105.

Эгида, стр. 69. 154.

Ἐφῆνη, стр. 140.

βασιλεῖα, стр. 140.

χρυσή, стр. 141.

Эней, стр. 5. 9. 11. 16. 40. 45. 86. 192.

Энцеладъ, стр. 69.

Эосъ, стр. 11. 86. с. 63. 70. 77. 81 с.

123. 129 с. 145

Эрриніи, стр. 2. 28. 90 с. 180.

Эрки, стр. 33. 37. 177.

Эрида, стр. 167.

Эротъ, стр. 39. 92. 163. 171.

Эръ-Кенорано, стр. 33. 49. 178.

Эстръ, стр. 93.

Эмиръ, стр. 8 с. 18 сс. 68 с. 89. 161.
 170. 175.

Юдія Домна, стр. 159.

Юлія Мамея, стр. 161.

Юліи Цезарь, стр. 156.

Юлъ, стр. 179.

Юпитеръ Анксуръ, стр. 28 с.

капитолійскій, стр. 21.

геліополитанскій, стр. 119. 180.

Юстинъ, стр. 182.

Юстиніанъ, стр. 182.

Оетида, стр. 2. 25 с. 65. с. 125. 127.

130. 132. 136. 145. 169.

Теодосій, стр. 181.

Теодора, стр. 182.

Теодоръ, стр. 183.

Теофанъ, стр. 182.

ОПЕЧАТКА.

Стр. 20, строк. 2 снизу, *напечатано*: или частью, должно быть: или частью одежды.